

М.Е. Разиньков

Историография причин революции 1917 г. и гражданской войны в России

Монография

УДК 94:316.334.3(47)''1917/1918''

ББК 63.3(2)611-2

Р

Рецензенты:

Кафедра истории и философии Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина;

Голдин В.И., д.и.н., профессор кафедры регионоведения, международных отношений и политологии Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова

Посадский А.В., д.и.н., профессор кафедры истории государства, права и международных отношений Поволжского института управления – филиала РАНХиГС

Рылов В.Ю., к.и.н., доцент кафедры новейшей отечественной истории, историографии и документоведения Воронежского государственного университета

Разиньков, М. Е.

Р Историография причин революции 1917 г. и гражданской войны в России : монография / М. Е. Разиньков. – Воронеж: ФГБОУ ВО ВГЛУ, 2023. – 235 с.

ISBN (в обл.)

В монографии изучается развитие и современное состояние представлений о причинах революции и гражданской войны в России. Анализируются наиболее важные на настоящий момент концепции изучения этих феноменов российской истории. Большое внимание уделено исследованию историографии причин революции и гражданской войны в отдельном регионе – Центральном Черноземье. Для анализа достижений исторической науки использованы сравнительный метод и междисциплинарный подход.

УДК 94:316.334.3(47)''1917/1918''

ББК 63.3(2)611-2

ISBN

© Разиньков М. Е., 2023

© ФГБОУ ВО «ВГЛУ», 2023

Оглавление

Введение.....	5
Глава 1. Дефиниции: о базовых вопросах терминологии	9
1.1. Две революции или одна? Рассуждение в контексте причинности	10
1.2. Великая революция и гражданская война	15
1.3. Концепт множественности революций и гражданских войн	25
1.4. Дефиниции причинности: от понятийной чехарды через кошмар многоголосицы к возможному выходу	34
Глава 2. Причины событий 1917 – 1918 гг. в обобщающих исследованиях...	49
2.1. Преемственность в историографии: к проблеме причинной совокупности	50
2.2. Причины свержения царизма и большевистского переворота в «Истории Великого Октября» И.И. Минца.....	55
2.3. Причины революции: от конкретики к теориям, от теорий к консенсусной среде.....	63
2.4. Причины гражданской войны.....	95
Глава 3. Историография 1920-х – 1970-х о причинах революций и гражданской войны в Центральном Черноземье	114
3.1. Причины Февральской революции в регионе.....	115
3.2. Причины Октябрьской революции в губерниях Черноземья.....	126
3.3. Причины гражданской войны.....	134
Глава 4. На историческом переломе: историография 1980-х – 1990-х гг. о революции и гражданской войне в Черноземных губерниях.....	139
4.1. Февраль 1917-го	140
4.2. Октябрь 1917-го.....	145
4.3. На пороге гражданской войны.....	153
Глава 5. Современная историография о причинах революции и гражданской войны в ЦЧО.....	161
5.1. Причины Февраля	162
5.2. Причины Октября	185

5.3. Причины гражданской войны.....	192
5.4. Сравнительные характеристики этапов развития региональной историографии.....	202
Вместо заключения: идеи, сравнения, итоги.....	205
6.1. Идеи: авторские мысли о перспективах дальнейших исследований...	205
6.2. Сравнения: к вопросу об интенсивности и содержании обмена идеями внутри исследовательского сообщества	209
6.3. Итоги: выводы на основе проведенного исследования	214
Библиографический список.....	220
Приложение	228

Введение

Изучение причин революции и гражданской войны в России является частной, но, в то же время, ключевой проблемой для понимания интереса историков к этому периоду. Историография, в которой разбираются те или иные аспекты данной проблемы, очень обширна. Исследование ее само по себе становится трудоемкой задачей. Создание своеобразной энциклопедии накопленных знаний, включая междисциплинарную сферу, – первое, к чему стремится настоящее исследование.

Было бы излишне самоуверенно сказать о том, что в рамках данной работы собрано все, что написано историками о причинах революции и гражданской войны. К сожалению, в этом отношении можно уже говорить о пределах возможностей индивидуального исследователя. Накопленный багаж научно-исследовательской литературы невероятно велик, то же можно сказать и об околонучной публицистике. Однако автор посчитал невозможным ограничиться каким-то одним регионом или еще более сузить тему. Результатом стало совмещение информации об исследованиях общероссийского характера и исследованиях местных, посвященных Центральному Черноземью. Сравнение ситуации в т.н. «центральной» и «местной» историографии, особенно на современном, актуальном этапе их развития – вторая большая задача монографии.

Главы о Центральном Черноземье представляются весьма важными для настоящего исследования, поскольку именно здесь удастся максимально подробно изучить имеющуюся научную литературу. В то же время, следует сразу пояснить специфику примененной в монографии периодизации, поскольку она посвящена исключительно логике развития представлений о причинах революции и гражданской войны в регионе. Эта логика заключается в том, что в 1920-х – 1950-х гг. сформировался тот образ побудительных причин изучаемых явлений, который в дальнейшем транслировался местной историографией с незначительными изменениями вплоть до 1980-х гг., после чего здесь произошли две историографические революции, результаты которых ощущаются до сих пор. Однако историография 1980-х – начала 2000-х гг. оставалась «промежуточной», разделительной линией между классической советской историографией и современной, сформировавшейся в 2000-е – 2010-е гг.

Разумеется, автору хорошо известно, что работы 1920-х – начала 1930-х гг. трактовали причины революции и гражданской войны несколько иначе, чем

исследования, написанные под влиянием «Краткого курса». Драматические события 1930-х гг. в историографии прекрасно отразились в архивных источниках, прежде всего, в делах местного истпарта. Одновременно многие исследовательские новации «центральной» историографии 1960-х – 1970-х гг. (изучение политических партий, средних городских слоев и проч.) «сработали» в Черноземье только на излете советской эпохи, а то и позднее. В настоящей монографии также ставится вопрос о правомерности применения понятия «историческое исследование» к работам советского периода.

В процессе изучения местной историографии стали очевидны некоторые «серые зоны», неясности с описанием причин революции и гражданской войны. Например, даже в советских исследованиях причины Октябрьской революции (между прочим, «Великой» и «социалистической») никогда не выделялись в качестве отдельной главы или параграфа – логика первых глав монографий и диссертаций, посвященных бедственному социально-экономическому положению страны и региона, хронологически вела к Февралю, а не непосредственно к Октябрю. Еще одной удивительной деталью стала исключительно слабая рефлексия по поводу причин собственно гражданской войны. Ответы на эти вопросы, как представляется, дали изучение «центральной» историографии и некоторых дефиниций. При этом нельзя сказать, чтобы эти ответы внушали оптимизм в отношении перспектив изучения нашей проблематики.

Поскольку исследование является историографическим, автор избегал, насколько это возможно, оценочных суждений по поводу выводов исследователей, диктуемых источниковым материалом (архивными документами, прессой и проч.). Однако надо признать, что настоящая монография «выросла» из другого обширного исследования, посвященного социально-политическому диалогу в России 1917 – 1918 гг., иначе говоря, способам сотрудничества, написанного мной совместно с доктором исторических наук Ольгой Михайловной Морозовой и опубликованного недавно¹.

Эти два исследования, две монографии следует воспринимать как взаимодополняющие, хотя, признаться, первоначальная гипотеза о том, что причины конфликта хорошо исследованы, не вполне себя оправдала: ситуация

¹ Разиньков М.Е., Морозова О.М. Социально-политический диалог в России (1917 – 1918 гг.): тенденции, механизм, региональные особенности. – М.: Квадрига, 2021. – 712 с.

с историографическими итогами изучения причин революции и гражданской войны выглядит лишь чуть более оптимистично, чем ситуация с итогами социально-политического диалога в 1917 – 1918 гг.

Наконец, следует сказать несколько предварительных слов о некоторых дефинициях исследования.

В монографии регулярно встречается термин «“центральная” историография», в рамках которого объединяются исследования, претендующие на широкие общероссийские обобщения. Как правило, такие работы выходили и выходят в академических центрах – Москве и Санкт-Петербурге. Современные реалии информационного общества делают отделение «центральной» от «региональной» (или «местной») историографии не вполне корректным, чему служат примером историографические обобщения В.И. Голдина (Архангельск) или организаторская и исследовательская работа А.В. Посадского (Саратов). Однако язык настоящей монографии включает необходимость осознания того, что попытки сделать общероссийские обобщения отдельными исследователями или их группами (в результате обсуждения на конференциях или даже анкетного опроса) не являются равными совокупности накопленных знаний абсолютно всех исторических исследований, сделанных как в академических центрах, так и в регионах.

Еще один аспект, связанный с дефинициями – это использование в монографии терминов «Революция 1917 года», «Февральская революция», «Октябрьская революция» и «Гражданская война» как отдельных. Несмотря на то, что проблема употребления данных дефиниций в историографии подробно рассмотрена в Главе 1, нужно подчеркнуть, что автор придерживается инструментального подхода к использованию этих понятий. Иначе говоря, выделение обозначенных феноменов как особых оказывается необходимым для изучения специфики причин каждого из них. При этом изучение вопроса о корректности употребления этих дефиниций в историографии вообще, равно как и термина «Великая российская революция», не является важнейшей целью монографии и остается для историков открытым. Инструментальный подход порождает определенный синкретизм названий глав и самой монографии, где в равной мере используется и объединение революционных событий 1917 года в единый феномен, и употребление терминов «Февральская революция», «Февраль», «Октябрьская революция», «Октябрь».

Хочется принести благодарности моему коллеге, другу и начальнику Олегу Николаевичу Квасову, считающему мою работу нужной и важной и делающему все, чтобы мои научные исследования продолжались. Я также благодарен Борису Ивановичу Колоницкому, проявляющему интерес к моим работам и «поставляющему» мне необходимую иностранную литературу. Особую благодарность хочу выразить Владиславу Ивановичу Голдину, давшему чрезвычайно ценные советы по поводу работ о современной историографии проблемы. Следует признать и то, что данная монография не состоялась бы без финансовой поддержки РФФИ, которую я получал в 2019 – 2021 гг. Мне жаль, что исследовательские программы этого фонда свернуты. И я очень благодарен своей семье за время и терпение.

Дальнейшие «благодарности», наверное, могут показаться не вполне обычными, поскольку обращены к слишком большому количеству людей – всему корпусу исследователей революции и гражданской войны. Работы подавляющего большинства из них оказались интересны, работы некоторых вызвали неподдельный восторг и ощущение недостижимой высоты. Я благодарен всем этим людям и понимаю, что без их коллективного и индивидуального вклада движение науки оказалось бы невозможно. Но каждое новое поколение хочет чего-то большего.

Глава 1. Дефиниции: о базовых вопросах терминологии

Изучение событий 1917 – 1918 гг. в России не может не вызвать определенных трудностей, связанных с обозначением дефиниций. Периодически возникающие споры о том, где кончается революция и начинается гражданская война в реальности являются лишь вершиной нагроможденного айсберга понятий, способного запутать любого исследователя, а, тем более, просто заинтересованного читателя.

Среди них для нашего исследования интерес представляют несколько проблем, актуальных с точки зрения рефлексии по поводу региональных событий и их интегрированности в общероссийскую историографию:

1. Существовали ли отдельные Февральская и Октябрьская революции или следует говорить о единой Великой российской революции? Если это отдельные события, то в чем их различия с точки зрения причинности? Если они представляют собой единый феномен, то означает ли это, что приход к власти большевиков имел какие-то особые, веские, специфические и при этом фундаментальные причины?

2. Следует ли разделять революционные события 1917 года и гражданскую войну, либо же необходимо объединять их в единое метапонятие? Последний вопрос представляется далеко не надуманным. Он был актуален для современников событий¹ и, как будет показано ниже, отражается на историографических подходах к исследуемому периоду;

3. Можно ли говорить о множественности революций и гражданских войн на территории бывшей Российской империи, и каковы перспективы изучения этих феноменов с точки зрения выявления причин;

4. Проблему представляет собой и прояснение смыслового наполнения понятий «причина революции», «причина гражданской войны», которые являются предметом настоящего исследования, а также корректности их применения к местной, региональной истории. Казалось бы, в историографии, особенно – «центральной», периодически возникает дискуссия о причинах событий 1917 – 1918 гг. Сходная проблематика проявляется и в региональных работах. Однако, если поглядеть на дефиниции, то в реальности

¹ Слова и конфликты: язык противостояния и эскалация гражданской войны в России / под ред. Б.И. Колоницкого [и др.]. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022. – 328 с.

обнаруживаются термины, которые либо используются как взаимозаменяемые, либо призваны подчеркнуть временные или пространственные особенности изучаемого опыта. Одновременно, в ряде работ, характеризующих состояние как общероссийской, так и местной исторической науки, разделению этих понятий придается концептуальное значение.

Разумеется, в рамках данного исследования невозможно преодолеть все эти терминологические трудности. Однако хотелось бы обозначить систему координат, в рамках которых написаны нижеприведенные главы. Кроме того, без осознания масштабов терминологических проблем невозможно будет разобраться в историографических обзорах.

1.1. Две революции или одна? Рассуждение в контексте причинности

Отвечая на вопрос о разделении феноменов Февральской и Октябрьской революций, первоначально, разумеется, следует сослаться на известный советский концепт двух революций – Февральской буржуазной и Великой Октябрьской социалистической. На первый взгляд, это размежевание признано неправомерным современной российской исторической наукой и в целом игнорируется. Вместо него во время «юбилейного» 2017 года было предложено употреблять термин Великая российская революция, который, впрочем, также вызывает вопросы. В.П. Булдаков пишет: «Слов нет: русская революция была действительно Великой – как по разрушительным последствиям, так по громадному – пусть далеко не адекватному – воздействию на внешний мир. Но как быть со значением революции для народа, который её совершил? Как связать “величие” с ужасами расстрела царской семьи, Красным и Белым террором, раскулачиванием, ГУЛАГом, Большим террором – этих наиболее впечатляющих образов, так или иначе связанных с “Великим Октябрём”? Между сакральным и инфернальным не может быть “золотой середины”»¹.

Впрочем, «похоронено» ли это разделение? В общественном сознании оно периодически реанимируется. Например, в том же 2017 году Левада-центр опрашивал население о значении и событиях «Октябрьской» революции², а

¹ Булдаков В.П. Революция, которую мы выбираем. Итоги и перспективы «юбилейного» бума // Российская история. – 2018. - № 6. – С. 4.

² Октябрьская революция. URL: <https://www.levada.ru/2017/04/05/oktyabrskaya-revolyuetsiya-2/> (дата обращения 17.06.2023)

«блогосфера», в т.ч. популярные и качественные историко-просветительные каналы (прежде всего, «Цифровая история»), заполнена высказываниями о социалистическом характере Октября, либо недостатках «буржуазной» власти тогда и теперь¹. Представление об отдельных Февральской и Октябрьской революциях есть и в научных исследованиях². Правомерность их выделения подчеркивается в недавно вышедшей крупной историографической работе В.В. Калашникова. Автор указывает на качественное различие этих двух революций по политическому и социально-экономическому содержанию. Однако он также полагает, что одновременное объединение их в качестве этапов в рамках концепции общего революционного процесса 1917 г. не только уместно, но и согласуется с представлениями современников, в т.ч. В.И. Ленина³.

Помимо приведенных в ссылке исследований можно указать на данные анализа некоторых текстов, который показывает, что исследователи продолжают использовать понятие «Февральская революция» в качестве, по меньшей мере, речевого оборота, даже если, видимо, стараются избегать применять его напрямую. Например, в монографии «Товарищ Керенский» Б.И. Колоницкий употребляет в тексте (не в качестве ссылки и не как цитату) словосочетание «Февральская революция» 3 раза, несколько предпочитая

¹ См., например: Цифровая история [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/@dhistory> (дата обращения 29.08.2023); Клим Жуков. Рождение революции. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/playlist?list=PLQDNhdZwVxtEDl3iopzHflwi0c9RdAhYiL> (дата обращения 29.08.2023).

² 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению / отв. ред. П.В. Волобуев. – М.: Институт Российской истории РАН, 1997. – 400 с.; Николаев А.Б. Государственная дума в Февральской революции: Очерки истории. Рязань, 2002. – 301 с.; Сапон В.П. Партийный «ландшафт» Нижегородской губернии после Февральской революции (март – апрель 1917 года) // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. науч. ст. / отв. ред. А.Б. Николаев. – СПб.: ИПЦ СПГУДТ, 2016. – С. 91-97; Февральская революция 1917 года: проблемы истории и историографии: сб. докл. международной науч. конф. / отв. редактор проф. В.В. Калашников; под ред. Д.Н. Меньшикова. – СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ». – 380 с.; Отделение церкви от государства и школы от церкви в Советской России. Октябрь 1917 – 1918 г. Сборник документов / отв. ред. прот. Владимир Воробьев, отв. сост. Л.Б. Милякова. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2016. – 944 с.; Актон Э., Розенберг У. Г., Черняев В. Ю. Критический словарь Русской революции: 1914-1921. – СПб.: Нестор-История, 2014. – 768 с.

³ Калашников В. В. Причины Русской революции: советская историография 1917–1991 гг. - СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2020. - С. 13-15.

заменять его «Февральскими днями» (6 раз)¹. При этом в научно-популярном издании «Семнадцать очерков...» эти термины употребляются чаще, а понятие «Февральская революция» даже немного преобладает над «днями» и «Февралем» (8 и 7 раз). Сходная ситуация наблюдается и по «Октябрьской революции» – автор использовал и соответствующее словосочетание и, отдельно, «Октябрь»².

Материалы готовящегося РАН 11-го тома двадцатитомника «Истории России» показывают, что исследователи нечасто, но используют словосочетание «Февральская революция» в неисториографическом контексте (не менее 10 раз). «Хуже» обстоит дело с «Октябрьской революцией» (3 раза). Характерно, что понятие Великая российская революция практически не используется (1 упоминание и то в критическом контексте).

Что касается историографии Черноземного региона, то здесь с 1920-х до 1980-х гг. появлялись крупные работы (монографии, диссертации), в названиях которых значилось «в период проведения и подготовки Великой Октябрьской социалистической революции» или сходные по смыслу обороты³. Это означало,

¹ Колоницкий Б.И. «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март – июнь 1917 года). – М.: Новое литературное обозрение, 2017. – 511 с.

² Колоницкий Б.И. 1917: Семнадцать очерков по истории Российской революции. – СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. – 144 с.

³ Октябрьская революция и гражданская война в Воронежской губернии / под общ. ред. И.П. Тарадина. – Воронеж: Воронежская коммуна, 1927. – 95 с.; Борьба за Октябрь в Брянской губернии. – Брянск: Издание Брянского Губернского Бюро Истпарта ВКП(б) и Губернской Октябрьской комиссии, 1927. – 66 с.; Курск в революции: сборник материалов по истории Октябрьской революции в Курском крае. – Курск: Истпарт Курского губкома ВКП(б), 1927. – 128 с.; Анучин В. Комсомол ЦЧО в борьбе за Октябрь. – Воронеж: издательство «Коммуна», 1931. – 90 с.; Воронков И.Г. Воронежские большевики в борьбе за победу Октябрьской социалистической революции. – Воронеж: Воронежское областное книгоиздательство, 1952. – 196 с.; Краснов Б.И. Борьба партии большевиков за создание и укрепление Союза рабочего класса и беднейшего крестьянства в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции (по материалам Курской губернии, март 1917 г. – март 1918 г.). Дис. ... канд. ист. наук. – Воронеж, 1955. – 343 с.; Черников М.Н. Октябрь в Тимском уезде Курской губернии // Краеведческие записки / отв. ред. М.Г. Кузнецова. – Курск: Курское книжное издательство, 1963. – Вып 2. – С. 82-119; Шпаковский В.В. Большевики Тамбовской губернии в период подготовки Октябрьской социалистической революции // Под знаменем Октября (Из истории установления советской власти и социалистического строительства на Тамбовщине). – Воронеж: Центральное-

таким образом, что Октябрь имел свою, особенную причинность. Менее представительной была отдельная историография «Февраля», хотя она тоже присутствовала¹.

Определенные попытки реанимировать данные образы наблюдались в 2000-е. Так, в Курске был опубликован сборник статей к 90-летию «Октября», в котором 10 авторов из 19 оперируют в названиях своих статей термином «Октябрьская революция», при этом скромный по объему и содержанию сборник носил многообещающее название «Новый взгляд на Октябрьскую революцию»². Встречаются отдельные работы, опирающиеся на концепт «Февраля»³. Можно зафиксировать довольно большое количество работ, посвященных февральско-мартовскому периоду революции. Однако их с тем же успехом можно отнести к попыткам разобраться в начальном этапе Великой российской революции.

Черноземное книжное издательство, 1966. – Вып. 1. – С. 25-35; История Воронежской губернии в период Октябрьской революции и гражданской войны (1917 – 1920 гг.). Указатель литературы / под ред. В.М. Фефелова. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1970. – 192 с.; Переверзев А.Я. Социалистическая революция в деревне Черноземного центра России (октябрь 1917 – 1918). – Воронеж: Из-во Воронежского университета, 1976. – 190 с.; Габелко Е.И. Деятельность большевистских организаций Черноземного центра по созданию вооруженных сил пролетарской революций и завоеваний Октября (март 1917 г. – март 1919 г.). Дис. ... канд. ист. наук. – Воронеж, 1981. – 239 с.; Великий Октябрь на Брянщине: Хроника важнейших событий (март 1917 – июнь 1918 гг.) / сост. И.Е. Яненко. – Тула: Приокское книжное издательство, 1987. – 72 с.; Каверина Г.Н. Профессиональные союзы непролетарских слоев городских трудящихся Центрального Черноземья в период подготовки и проведения Великой Октябрьской Социалистической революции. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1989. – 16 с.; Канищев В.В. Городские средние слои в период формирования основ советского общества. Октябрь 1917 – 1920 г. (по материалам Центра России). Дисс. ... докт. ист. наук. – М., 1998. – 551 с.

¹ Воронежские большевики в трех революциях, 1905 – 1917 гг. – Воронеж: Издательство ВГУ, 1985. – 170 с.; Щербинин П.П. Городские средние слои Черноземного Центра в буржуазно-демократических революциях в России. Дис. ... канд. ист. наук. – Тамбов, 1992. – 287 с.

² Новый взгляд на Октябрьскую революцию 1917 г. Материалы научно-практической конференции, посвященной 90-летию Октябрьской революции / под ред. В.Л. Богданова. – Курск: МУ «Издательский центр «ЮМЭКС»», 2007. – 72 с.

³ Раков В.И. Февральская революция и Курское губернское земство // Роль курского земства в культурной и научной жизни Курской губернии (1864 – 1918 гг.). Материалы научно-практической конференции / под ред. В.Л. Богданова. – Курск: МУ ИЦ «ЮМЭКС», 2006. – С. 10-14.

В целом, «центральная» и «местная» историография нечасто используют концепцию двух революций, и термины «Февральская» и «Октябрьская» революции выглядят порой как атавизмы.

Однако спешить с констатацией забвения данного концепта, пожалуй, не стоит. Изучение содержательной части новейших работ показывает, что они далеко не всегда игнорируют «февральско-октябрьское разделение» и отталкиваются в своих рассуждениях из понимания особого значения Октября¹. Содержание такого подхода отражено в следующем высказывании курских исследователей: «Вне зависимости от наших оценок бесспорным остается одно, с октября 1917 г. начинается новейший период нашей истории»². Еще более развернутое определение находим у С.В. Леонова на страницах академической «Российской истории»: «...важно иметь в виду, что хотя Октябрь, а отчасти и Февраль 1917 г. обладали некоторыми чертами переворотов, они являлись этапами Великой российской революции... Эти этапы имели качественные различия и относительную самостоятельность, что, с учетом мощной научной традиции и относительной неразработанности концепции единой революции, нового категориального аппарата, позволяет в известном смысле использовать привычные термины: Февральская и Октябрьская революции или Октябрьский переворот»³.

¹ Мещеряков Ю.В. Тамбовская губерния в начальный период советской власти. Октябрь 1917 – август 1918 гг. – Тамбов: Тамбовская типография «Пролетарский светоч», 2012. – 424 с.; Раков В.В. Революция в провинции: к вопросу об установлении Советской власти в Курской губернии (октябрь 1917 – февраль 1918) // События и люди в документах курских архивов. 110-летию архивной службы Курской области посвящается / под ред. В.Л. Богданова. – Курск: ООО «Центр рекламы “Лоцман”», 2013. – С. 100-105; Кляченков Е.А. Оппозиционная деятельность социалистов и анархистов на территории Орловской и Брянской губерний (октябрь 1917 – вторая половина 1920-х гг.). Дис. ... канд. ист. наук. – Брянск, 2014. – 247 с.; Зверков Е.А. Общественное движение в Воронежской губернии в 1917 году. Дис. ... канд. ист. наук. – Воронеж, 2018. – 294 с.

² Революция и гражданская война / С.Н. Емельянов [и др.]. – М.: Изд-во РГСУ «Союз», 2006. С. 3. (Несмотря на «общее» название, это коллективное и качественное исследование посвящено Курской губернии. Эта же мысль повторена в новом издании: Емельянов С. Н., Зорин А. В., Шпилев А. Г. Курский край в Гражданской войне 1917–1921 гг.: очерк военно-политической истории. – Курск: Полстар, 2013. – 528 с.

³ Леонов С.В. Гражданская война в России: сущность, периодизация, особенности // Российская история. – 2019. – № 1. – С. 24.

Таким образом, выделение «Февраля» и «Октября» если не как отдельных революций, то как этапных, значимых точек в развитии революции 1917 года очевидно для исследователей. Существование такого разделения говорит о том, что не только советское, но и современное научное сообщество наделяет эти события особой причинностью.

1.2. Великая революция и гражданская война

Второй вопрос, обозначенный в начале параграфа в числе важнейших – стоит ли разделять революцию и гражданскую войну, на первый взгляд может показаться абсурдным. Действительно, вряд ли найдется исследователь, который скажет, что это абсолютно одно и то же. Однако и отделить хронологически гражданскую войну от революции в историографической традиции не представляется возможным. С этим связана постоянно тлеющая дискуссия о дате начала гражданской войны, которую можно отнести и к Февралю, Августу, Октябрю 1917-го, и к моменту разгона Учредительного собрания, и к весенне-летним боям 1918-го. Не забудем и про героический «Ледяной поход» добровольцев, и про события 1916-го года в Средней Азии. Очевидно «наползание» феномена революции на феномен гражданской войны, хотя вопрос о том, когда же закончилась революция 1917-го года (равно как и гражданская война), также представляет предмет дискуссии и решен только формально.

Помимо объективных трудностей, связанных со сложностью изучаемых феноменов, при решении обозначенной проблемы существуют и трудности, условно говоря, субъективные. Это политизированность историографии, в т.ч. действующей, которую мы преодолеть не в силах, и, не всегда осознаваемая, историографическая традиция, с которой как раз следует попытаться разобраться.

Судя по всему, и как ни странно, революция и гражданская война существуют в сознании исследователей нераздельно практически с момента своего рождения. Даже если исключить из историографии наиболее фундаментальный «белогвардейский» труд А.И. Деникина как полуисследование-полумемуары¹, то обращение к пятитомнику «История гражданской войны в СССР» (издание 1935 – 1960 гг.) сразу же выявляет следующий факт: том 1-й посвящен событиям с февраля по октябрь 1917 года,

¹ Деникин А.И. Очерки русской смуты. В 5 т. – Минск: Харвест, 2002.

том 2-й – событиям октября – декабря того же года, и только к середине третьего тома начинаются события, которые советская историография традиционно относила к «гражданской войне и интервенции в СССР». Иначе говоря, два с половиной тома истории гражданской войны из пяти были посвящены революции 1917-го года! Не будем столь категоричны – события конца 1917 – начала 1918 гг. были не такими уж мирными и в многотомнике вооруженному противостоянию этого времени уделено немало внимания. Однако сам факт понятийного слияния революции и гражданской войны очевиден.

Подчеркнем (и это особенно важно для нас), что авторы, писавшие заключение к пятитомнику в конце 1950-х гг., посчитали необходимым разделить социалистическую революцию и гражданскую войну с точки зрения причинно-следственных связей («но гражданская война, столь длительная, ожесточенная и опустошительная, какой она была в Советской России, не являлась необходимым и неизбежным следствием социалистической революции»)¹, объявив Антанту главным виновником разжигания войны весной – летом 1918 г.

Иначе рассуждал В.Д. Поликарпов. В монографии 1976 г. (надо сказать, воспринятой на тот момент как нестандартный взгляд на вещи)² он сделал вывод, представляющий исключительную важность для понимания современной историографии: *«Гражданская война в первые послеоктябрьские месяцы наглядно выявила ее прямую, непосредственную преемственность от Октябрьского политического переворота. Получив от II Всероссийского съезда Советов содержание своей деятельности, рабоче-крестьянское правительство не могло обеспечить выполнение Октябрьской программы переустройства общества на социалистических началах, не сломив сопротивления эксплуататоров, принявшего форму гражданской войны. Между Октябрьским политическим переворотом и гражданской войной не только генетическая связь – между ними глубокое принципиальное единство. Как Октябрьский переворот, в котором решался исход борьбы за государственную власть, так и последовавшая за ним гражданская война в принципе одно и то же –*

¹ История гражданской войны в СССР. – М.: Институт марксизма-ленинизма при ЦКР КПСС, 1960. – Т. 5. – С. 366.

² Колоницкий Б.И. Гражданские войны на пространстве Российской империи, 1916–1926? // Альманах североевропейских и балтийских исследований / Nordic and Baltic Studies Review. – 2018. – Issue 3. – С. 413.

острейшая форма классовой борьбы. Изменились условия, стало в корне иным взаимное положение противостоящих классов, но и в гражданской войне решался по существу тот же самый вопрос – о власти: сможет ли пролетариат удержать ее, а буржуазия – отвоевать назад. И вместе с тем революция делала второй (после Октября) гигантский шаг вперед: устанавливала Советскую власть на территории всей страны. Вот почему правомерно считать период триумфального шествия Советской власти в целом Октябрьским периодом русской революции, а вооруженную борьбу с контрреволюцией, явившуюся важнейшей стороной его содержания, Октябрьским периодом гражданской войны. *Отсюда вытекает важное требование к методике изучения гражданской войны вообще и в данный период прежде всего: изучение ее станет плодотворным лишь в том случае, если военные события будут рассматриваться в неразрывной связи с политикой революции; иными словами: если они будут восприниматься как органическая часть революционного процесса* (выделено мной. – М.Р.)»¹.

Постсоветская историография, в т.ч. зарубежная, дает нам по этому поводу почву для размышлений. По сути, большинство исследователей транслируют точку зрения В.Д. Поликарпова о феноменологическом единстве революции и гражданской войны.

Вышедшая во второй половине 1990-х гг. и задающая один из ключевых современных историографических трендов «Красная смута» В.П. Булдакова имеет подзаголовок «природа и последствия революционного насилия». Однако уже в первом издании книги видно, что автор не только исследует революцию, но и пытается разобраться в истоках гражданской войны. Эта тенденция еще более проявилась в виде новых параграфов ко второму изданию, подготовленному уже в нулевых².

С точки зрения слияния феноменов революции и гражданской войны работы В.П. Булдакова совсем не исключение. Историографические обзоры и изучение отдельных важных работ показывает сходную тенденцию. Так, глава 3 историографического обзора исследований второй половины 1980-х – 1990-х гг. В.И. Голдина носит название «В поисках целостного понимания или новая

¹ Поликарпов В.Д. Пролог гражданской войны в России. Октябрь 1917 – февраль 1918. – М.: Наука, 1976. – С. 398.

² Булдаков В.П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. – М.: РОССПЭН, 1997. – 373 с.; Он же. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. – М.: РОССПЭН, 2010. – 2-е изд. – 965 с.

концептуализация гражданской войны в России». Основное содержание главы посвящено рассмотрению гражданской войны как результата противоречий комплекса революций, произошедших в 1917 г. (социальной, национальной, солдатско-антивоенной и проч.)¹. Более того, изучение литературы, анализ которой составил текст главы второй – «Истоки и причины гражданской войны в России» – выявил следующее. Словосочетание «гражданская война» присутствует в 11 работах, на которые ссылается В.И. Голдин, из них 7 являются статьями из сборника «Происхождение и начальный этап гражданской войны. 1918 год»². Работ же, где упоминается «революция», «революционный» – 27. В сходном соотношении находятся работы, касающиеся конкретных сюжетов или аспектов, традиционно относящихся к революции (например, Учредительное собрание, Брестский мир и др.) и гражданской войне (чехословацкий мятеж, ижевско-воткинское восстание и др.)³.

Из этого можно сделать 2 вывода: исследователи устойчиво видят истоки гражданской войны в революции 1917 г.; исследователи склонны соединять понятия «революция» и «гражданская война», автоматически выводя одно из другого.

Указанная тенденция отражена в высказывании уже цитированного выше С.В. Леонова: «Гражданская война явилась завершающим и решающим этапом Великой российской революции, начавшейся в феврале 1917 г. и продолжавшейся до октября 1922 г.»⁴. Его поддерживает Р.Г. Гагкуев: «Расширение хронологических рамок Гражданской войны неизбежно ведет к ее фактическому “слиянию” с революцией 1917 г., рассмотрению относящихся к ней и Гражданской войне событий как единого процесса. Это, конечно, не является чем-то принципиально новым. Еще в 1992 г. академик Ю.А. Поляков связал начало войны с ее “прологом” – февральско-мартовскими событиями 1917 г.... Однако исследование Великой российской революции 1917 г. и Гражданской войны в качестве единого революционного процесса (1917 – 1922 гг.) стало набирать силу только в последние годы. Влияние 1917 г. на события

¹ Голдин В.И. Россия в гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х – 90-е годы). – Архангельск: издательство «БОРГЕС», 2000. – С. 60-64.

² Происхождение и начальный этап гражданской войны. 1918 год: материалы межд. науч. конф. (1993, Москва). В 2 ч. – М.: Прометей, 1994.

³ Голдин В.И. Россия в гражданской войне... С. 231-237.

⁴ Леонов С.В. Гражданская война в России: сущность, периодизация, особенности // Российская история. – 2019. – № 1. – С. 29.

Гражданской войны настолько велико, что их невозможно отделить друг от друга»¹. Характерны и последующие рассуждения автора, вспомнившего о «Смуте» А.И. Деникина и «Красной смуте» В.П. Булдакова.

Сходным образом обстоит дело и с зарубежной историографией. Увлечение большими периодами приводит к тому, что нарратив мировой войны, революции (революций) и гражданской войны (гражданских войн) сливается в одно целое. Таков, например, подход «Критического словаря русской революции: 1914 – 1921»². Похоже рассуждает Дж. Смил, дающий расширение российским «гражданским войнам» с 1916 до 1926 гг.³.

Особый интерес для данного исследования представляют выводы, которые можно сделать на основании анализа И.К. Богомоловым зарубежной историографии 2000-х – 2010-х гг.⁴: 1. Границы революции постоянно увеличиваются и достигают десятилетий; 2. Февральская революция изучается мало и совершенно затемнена Октябрем; 3. Историография испытывает дрейф в сторону гипертрофии феномена гражданской войны сравнительно с феноменом революции, иначе говоря, как событие она практически полностью растворяет в себе революцию. В этом отношении показателен призыв С. Хасегавы изучать события 1917 – 1918 гг. как период, который «заслуживает изучения сам по себе, а не просто как переходный этап от Первой мировой к Гражданской войне»⁵.

Фиксируя эту историографическую тенденцию, нельзя не отметить проблемы в историописании, которые, как будет показано в данном исследовании, она порождает. Эти проблемы лежат как раз в области выявления причин событий, что, в свою очередь, порождает путаницу в их оценочных характеристиках. Советская историография событий в Черноземье, разрабатывая проблематику причин свержения самодержавия, причинам гражданской войны внимания почти не уделяла. Современные исследования,

¹ Гагкуев Р.Г. Гражданская война. Конфликт без хронологии? // Там же. С. 41.

² Актон Э., Розенберг У. Г., Черняев В. Ю. Критический словарь Русской революции: 1914 – 1921. – СПб. : Нестор-История, 2014. – 768 с.

³ Smele J.D. The «Russian» Civil Wars, 1916 – 1926: Ten Years that Shook the World. – L.; N.Y., 2016. – 464 p. См. также разбор проблемы в работе: Колоницкий Б.И. От мировой войны к гражданским войнам (1917? – 1922?) // Российская история. – 2019. – № 1. – С. 3-24.

⁴ Богомолов И.К. Великая российская революция в современной зарубежной историографии // Российская история. – 2021. – № 5. – С. 114-131.

⁵ Там же. С. 124.

изучая проблему причинности, во-первых, также предпочитают останавливаться на причинах революции 1917 года, во-вторых, исследуют лишь внутрирегиональные истоки вооруженного противостояния. Рассуждая в контексте причинности, В.В. Калашников обращает внимание на то, что включение гражданской войны в рамки понятия Великая российская революция «затемняет *важнейшую особенность* гражданской войны в России, а именно тот факт, что масштабная гражданская война стала возможной *только* в результате иностранной интервенции (курсив В.В. Калашникова. – М.Р.)»¹.

Интересно, что проблема «неразделенности» характерна не только для выделения феноменов «революции» и «гражданской войны», но и для каузального поля революции 1917 года. В трехтомной «Истории Великого Октября» И.И. Минца огромная часть первого тома посвящена причинам Февраля, в то время как причинам непосредственно Октября отведена лишь одна глава тома номер два². В итоге и на региональном уровне причины Великой Октябрьской социалистической революции разбирались не столь масштабно и глубоко, как кризис имперской России. Что же говорить о современности, где Октябрьская революция стала переворотом горстки радикалов? Между прочим, причинное поле революции 1905 – 1907 гг. и революции 1917 гг. также периодически смешивается, не отделяется друг от друга. (Впрочем, с точки зрения советской историографии причины Февраля были в реальности этапом движения к Октябрю, о чем подробнее будет сказано ниже).

* * *

Нельзя не обратить внимание на мотивацию, субъективное, оценочное поле, в котором оперируют исследователи, как в советское время, так и сейчас. Понятно, что советские историки стремились доказать живительную силу революции (особенно Октябрьской) для всего трудового населения российского общества, а гражданскую войну вписывали в героический контекст борьбы за свободу эксплуатируемых классов. Иначе говоря, революция и гражданская война рассматривались как явления, с некоторыми оговорками, положительные. Современные исследователи склонны изучать революцию и

¹ Калашников В. В. Причины Русской революции: советская историография 1917–1991 гг. – СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2020. – С. 15.

² Минц И.И. История Великого Октября: В 3 т. – Москва: Наука, 1967-1973.

гражданскую войну как этапы обрушения российской государственности, оценивая этот процесс как нежелательный. Именно поэтому проявившая себя в конце 1980-х – 1990-х гг. дискуссия об альтернативах Октябрю сместилась в 2000-е – 2020-е гг. в дебаты по поводу альтернатив Февралю. Целой плеядой исследователей доказывается наличие устойчивых прогрессивных тенденций в дореволюционном российском обществе. Таким образом, и Февраль уже рассматривается как совсем необязательный и, в общем, не вполне желательный феномен.

Рассуждения о плюсах и минусах, добре и зле, желательности и нежелательности, стремлении «избежать», говорит о роли морально-этического посыла в трудах исследователей, который не может не сказываться на результатах того интеллектуального продукта, который они выдают. Поиск причин революции и гражданской войны сменяется поиском альтернатив им.

Эта проблема осознается исследовательским сообществом. Выход из нее представляется многообразным, но, как видится, не безупречным. Показательным и интересным является опыт конференции, организованной Европейским университетом в Санкт-Петербурге, где, с одной стороны, участников намеренно ограничивали 1916-м годом, как крайней, завершающей точкой их докладов, а, с другой, опираясь на фактический, источниковый материал, выявлялась детальная логика событий.

«Механизмы, институты, практики – эти сюжеты тем более востребованы в современной историографии, что они позволяют уйти от привычной политизации прошлого столетней давности. Они побуждают исследователя отвечать на вопрос “как?”, что всегда сложнее, чем фантазировать на тему “почему?”. Выявляя механику разнообразных процессов, историк не может довольствоваться привычными простыми ответами, чаще всего сводящимися к сакраментальному “кто виноват?”», – пишут в программной статье А.И. Миллер и К.А. Соловьев¹. То, что такой подход интересен и востребован, говорит и реакция читателей – книга пользовалась большой популярностью, ее тираж был мгновенно раскуплен.

Однако этот подход совсем не застрахован от политизации, поскольку логика исследователей сростается здесь с логикой современников.

¹ Миллер А.И., Соловьев К.А. Российская империя между реформами и революциями – историографическая инерция и необходимость ревизионистского подхода // Российская империя между реформами и революциями, 1906–1916. Коллективная монография / под ред. А.И. Миллера и К.А. Соловьева. – М.: Квадрига, 2021. – С. 18-19.

Показательно, что на материалы конференции последовала разгромная рецензия В.П. Булдакова, в которой тот, обращая внимание на особенности формирования состава источников в российском обществе, где «подавляющая часть... документального наследия исходит от государства», отмечает: «между тем узкий специалист имеет обыкновение “прилипать” не только к документам, но и к ментальности исследуемого времени. Хуже всего, если она окажется чиновничьей»¹.

Для данного же исследования важно, что срастание понятий «революция» и «гражданская война» на морально-этическом уровне способствует категориальной путанице, имплицитному изучению обоих феноменов как «плохих», «нежелательных». Он также препятствует изучению отдельной причинности гражданской войны, что негативно сказывается на ситуации в этой области, как в центральной, так и в местной историографии².

* * *

Сложившейся историографической ситуации способствует еще один факт. Дело в том, что общепринятого определения понятия «революция» не существует³. Не все в порядке в этом отношении и с термином «война», который применяют в самых разных смыслах (дипломатическая,

¹ Булдаков В.П. Еще раз об «успешной» империи. Рец. на: Российская империя между реформами и революциями, 1906–1916. Коллективная монография / под ред. А.И. Миллера и К.А. Соловьева. – М. : Квадрига, 2021. – 792 с. // Российская история. – 2022. – № 1. – С. 188.

² В качестве позитивного примера высказываний, которые, на мой взгляд, феноменологически разделяют Февраль, Октябрь, гражданскую войну и последующий период следует привести мнение С.М. Исхакова: «В результате начавшейся в феврале 1917 г. социальной революции, ее плодами воспользовались люди, которые осуществили в октябре политический переворот, предложив большинству граждан то, что они хотели. Дальнейший ход событий показал, что большевикам пришлось столкнуться с такими проблемами, которые разошлись с их собственными представлениями: надо было защищаться от вооруженной интервенции, и тем самым решать проблему сохранения страны. С таким результатом, собственно говоря, и закончилась Октябрьская революция, приведшая к установлению уже другого режима, о котором надо говорить отдельно. Никакой сталинской эпохи в 1917 г. еще не было». См.: «Круглый стол». Февральская революция 1917 г. в российской истории // Отечественная история. – 2007. – № 5. – С. 21.

³ Революция в 1917 году: институциональный ресурс, социальные риски и цивилизационный коллапс / под ред. М.О. Орлова. – Саратов: ИЦ «Наука», 2017. – С. 25.

информационная и проч.)¹. Одновременно, по замечанию Б.И. Колоницкого, «отрицание термина “гражданская война” для описания внутригосударственных конфликтов является и частью истории различных гражданских войн, и историографической тенденцией, и элементом мемориальных проектов – достаточно вспомнить примеры внутренних войн в США, Финляндии и других странах»².

Количество определений революции настолько велико, что Э. Селбин в конце 1990-х гг. предложил исследователям просто выбирать из уже существующих определений те, которые согласуются с их пониманием термина и феномена³. Дж. Голдстоун пытается найти выход в определении революции, как множественного феномена, выделяя «великие», «политические», «социальные», «элитарные» революции, а также говоря о множественности форм революции⁴. Свою классификацию революций приводит Ч. Тилли⁵.

Не меньшую сложность и терминологическую неустроенность демонстрируют попытки дать четкое определение понятию «гражданская война». Подчеркивая это («все определения гражданской войны всегда контекстуальны и конфликтны»), Д. Армитидж говорит о том, что понятие «гражданская война» представляет собой оксюморон, являясь при этом весьма живучим в истории и пластичным в языке и мыслеобразах⁶. Подобные сложности вызывают отчетливую тенденцию обходить данный термин через применение в политологии более широкого понятия: Intra-State War (внутригосударственная война), включая в него четыре типа войн: 1. Гражданская война за контроль над центром (Civil war for central control); 2. Гражданская война за контроль над локальной территорией (Civil war over local issues); 3. Конфликт региональных властей против негосударственного

¹ Образцов И.В. Война как объект социологического анализа // Социс. – 2020. – № 10. – С. 108-109.

² Колоницкий Б.И. Политическая культура России и гражданская война // Эпоха Революции и Гражданской войны в России. Проблемы истории и историографии / отв. ред. проф. В. В. Калашников. – СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ». – С. 61.

³ Революция в 1917 году: институциональный ресурс... С. 25.

⁴ Голдстоун Д.А. Революции. Очень краткое введение. – М.: Изд-во института Гайдара, 2017. – С. 18. Нетрудно заметить, что в этой множественности события Октября могут рассматриваться как политическая революция.

⁵ Революция в 1917 году: институциональный ресурс... С. 24, 58-59.

⁶ Armitage D. Civil wars. A history of ideas. – New York: Alfred A. Knopf, 2017. – pp. 140-144.

образования (Regional internal); 4. «межобщинная» война (столкновение двух или более негосударственных образований) (Intercommunal)¹.

Подчеркнем также, что современные теории революции не вносят ясности в разделение понятий «революция» и «гражданская война». Так, согласно Ч. Тилли, «революционная ситуация начинается в момент потери легитимности прежнего режима, сопровождаемого появлением новых центров политической власти и заканчивается, когда единственная политическая система вновь восстанавливает монопольный контроль над государством»². В это определение вполне вписывается хронология Великой российской/русской революции 1917 – 1922 гг. Но, при желании, под это же определение можно отдельно отнести и события начала 1917 – весны 1918 гг., и события осени 1917 – весны 1918 гг., и отдельно гражданскую войну.

Кстати, Д. Голдстоун, придерживаясь в этом отношении схожих взглядов, говорит о понятии «революция» как «о “нестрогом” и “не вполне научном”, отказывается от “рассмотрения революции в качестве целостной сущности” и исследует “революциеобразные события” (“revolution-like events”) в качестве трех “относительно автономных и пересекающихся этапов, которые могут быть растянуты на годы: крушение государства..., борьба за власть, реконструкция и консолидация власти”»³.

Двойственная ситуация соотношения революций с гражданскими войнами очевидна. С одной стороны, они устойчиво разделяются терминологически и феноменологически (наиболее надежным признаком гражданской войны представляется наличие вооруженного противостояния)⁴, с другой, развитие научных знаний показало огромную сложность данных объектов изучения, перетекания одного в другой, большое количество общих признаков и всю условность терминологии.

Вместе с тем, это не снимает проблем с выявлением причинности, а, напротив, подчеркивает актуальность (хотя бы инструментальную) разделения феноменов «революция» и «гражданская война». Одновременно, как будет

¹ Разиньков М.Е. о необходимости создания типологии гражданских войн для исторической науки // Альманах Ассоциации исследователей Гражданской войны в России / под ред. В.И. Голдина. – Вып. 1. – Архангельск, 2014. С. 43.

² Революция в 1917 году: институциональный ресурс... С. 58.

³ Там же. С. 65.

⁴ Разиньков М.Е. о необходимости создания типологии... С. 44.

показано ниже (см. параграфы 5.4., 6.2.), анализ причинности через концепт Великой российской революции также продуктивен.

1.3. Концепт множественности революций и гражданских войн

Следует оговориться, что помимо представлений о разных революциях, а также о единой Великой российской революции, в исследовательской литературе неоднократно встречаются отсылки к концепту множественности не только революций, но и гражданских войн. Насколько эти представления влияют на понимание причин данных исторических феноменов?

Заявления о множественном характере революций в России стали звучать как минимум с 1990-х гг. и, несомненно, были связаны с усложнением представлений о феномене революции вообще (подробнее о концепциях революции в общественных науках см. 2.3.). Аналитически этот поворот в рассуждениях был зафиксирован В.И. Голдиным в историографическом обзоре 2000 года. «Японский исследователь Х. Вада ввел удачное, по мнению многих историков, определение российской революции 1917 года как комплекса революций в эпоху мировых войн. Сегодня многие российские и зарубежные исследователи, рассматривающие историю российской революции “снизу”, с позиций социальной истории, придерживаются трактовки происходившего как серии революций, различных по своей классовой и социальной природе, целям и задачам, составу участников, и вместе с тем, уникально слившихся воедино и придавших огромную силу революционному процессу: пролетарская, крестьянская, солдатская, национальная (или революция национальностей), региональная, локальных миров. Размышляя о множестве иногда конфликтующих революций, английский историк К. Рид утверждал, например, что “каждая социальная группа, каждая национальность, каждый регион, каждый город, каждая деревня имели свою собственную революцию”», – пишет В.И. Голдин¹. Направленные против буржуазии, войны, феодальных пережитков, помещичьего землевладения, бюрократизма, имперского угнетения, неоднородные по политико-идеологическому содержанию, эти революции обладали мощным потенциалом разрушения. Однако свержение самодержавия привело к их рассогласованию, росту социального эгоизма и, как

¹ Голдин В.И. Россия в гражданской войне... С. 41-42.

следствие, к гражданской войне уже между представителями различных революций.

Посыл о множественности революций, исходивший, вероятно, от иностранных ученых, пользовался значительной популярностью среди отечественных исследователей 1990-х гг.¹.

Развитие историографии 2000-х – 2020-х гг. не только в России, но и в странах бывшего СССР, показало определенную продуктивность этого подхода в рамках концептов крестьянской или «общинной» и национальных революций, обладавших своей динамикой и особыми хронологическими рамками. Некоторое развитие получили представления о разнице городской и крестьянской революции, ключевой роли солдатских масс в событиях Октября не только в центре, но и в регионах. Помимо этого, судя по обилию упреков в адрес интеллигенции, составлявшей костяк практически всех политических партий, следует, пожалуй, говорить об анализе историографией реализации ее, отдельной, революции.

Однако, как представляется, одновременно обнаружилось границы популярности такого подхода.

Исследования каждой отдельной революции сосредотачиваются на ее особых причинах и завершаются декларацией их ведущей роли в общей революции. Наиболее характерным примером здесь являются концепты национальных революций в республиках бывшего СССР, особенно Украинской революции. При этом за все прошедшее время не было сделано ни одной попытки объединить выводы всех этих исследований в некую единую совокупность, исключая общие фразы.

Движение отечественной исследовательской мысли последних десятилетий, претендующей на обобщения в т.ч. в рамках категории причинности, шло в сторону анализа революции как единого социокультурного, социально-политического или политико-социального феномена. Так, М.А. Фельдман, задаваясь вопросом о том «была ли Октябрьская революция 1917 года пролетарской?», и, отвечая на этот вопрос отрицательно, поддержал концептуализацию Октября в рамках понятия

¹ Фельдман М.А. Была ли Октябрьская революция 1917 года пролетарской? (проблемы истории и историографии) // Общественные науки и современность. – 2012. – № 5. – С. 119-120.

«леворадикальная революция»¹. Появились исследования о том, что Февраль был, во-многом, результатом патриотической мобилизации², а Великая российская революция в целом прошла на волне маргинализации и ювенализации большинства населения (см. главы 2, 4 и 5). Идея выделения отдельной «пролетарской» (в рамках Великой российской) революции, также не встречает большой поддержки, кроме, быть может, узких специалистов в данном вопросе.

В обобщающих исследованиях «центральной» историографии концепция общинной революции воспринимается как теория среднего порядка, иначе говоря, имеющая ограниченные объяснительные возможности в рамках изучения общего феномена. Современные же концепты национальных революций встречают негативную реакцию российских исследователей, либо просто игнорируются ими.

Иначе говоря, отечественные исследователи предпочитают говорить не о множественности революций, а о множественности социальных и политических сил революции, оперируя объяснительным аппаратом, представленным в параграфах 1.1 и 1.2. В итоге в обзоре 2022 г. В.И. Голдина концепт множественности революций (множественности революционных потоков в революции) уже не столь заметен, хотя автор и не отказывается от него совсем³.

Сходная судьба постигла концепт множественности гражданских войн на территории бывшей Российской империи. Само по себе движение интереса исследователей от «множественности революций» к «множествам гражданских войн» вполне вписывается в рамки тенденции, описанной в параграфе 1.2, и связано, как представляется, больше с изменениями морально-этических, оценочных представлений в историографии, нежели с логичным и последовательным переходом от изучения одной множественности к другой.

В.И. Голдин фиксирует движение к этому концепту в отечественной историографии уже с 2000-х гг.⁴. Обзоры Б.И. Колоницкого показывают, что в

¹ Там же. С. 112-120.

² Аксенов В.Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914 – 1918). – М.: Новое литературное обозрение, 2020. – 992 с.

³ Голдин В.И. Гражданская война в России: проблемы современной историографии // Российская история. – 2022. - № 3. – С. 113-115.

⁴ Там же. С. 113.

иностранной литературе он стал оформляться несколько ранее (по меньшей мере, с 1990-х гг.)¹.

Рассмотрение гражданской войны в России как совокупности социальных войн, вооруженного противостояния большевиков и «умеренных» социалистов в 1918 г., войны белых, красных и «зеленых» получило дальнейший импульс к обсуждению после выхода монографии и огромного словаря Дж. Смита². Как представляется, давно назревшее широкое включение национального аспекта в исследовательский континуум (плюс последовательное рассмотрение гражданской войны как комплекса войн) «сделало имя» работам Дж. Смита, тем более, что он указал на особое ожесточение борьбы не только русского центра с национальной периферией, но и между различными национально-освободительными движениями³.

Придавая большое значение исследованию Дж. Смита, Б.И. Колоницкий подчеркивает: «Образ “красной смуты”, использовавшийся Булдаковым и некоторыми другими историками, не очень точно отражает суть противоборств на постимперском пространстве. У этой смуты было много цветов и оттенков, достаточно вспомнить те случаи, когда одни красные воевали с другими красными (крестьянские, красноармейские восстания). Описание же Гражданской войны как единого процесса неизбежно упрощает этот конфликт, приобретающий именно в связи с его сложностью и многослойностью новое значение в XXI веке»⁴.

К данной теме, в контексте создания сравнительной типологии гражданских войн в Евразии в первой половине XX века, обращался и автор этих строк, не знакомый на тот момент с результатами работ Дж. Смита. В опубликованной в 2015 г. работе отмечается: «Гражданская война в России (1917 – 1922 гг.) представляется самым сложным конфликтом из

¹ The Bolsheviks in Russian Society: The Revolution and the Civil Wars / Ed. by V. N. Brovkin. – New Haven, 1997. См.: Колоницкий Б.И. Гражданские войны на пространстве Российской империи... С. 414.

² Smele J.D. The ‘Russian’ Civil Wars, 1916–1926. Ten Years That Shook the World. – London, 2015. – 423 p.; Smele J.D. Historical Dictionary of the ‘Russian’ Civil Wars, 1916 – 1926. – Lanham; Boulder; New York; London, 2015. – 1421 p.

³ Голдин В.И. Новейшие зарубежные исследования о Гражданской войне начала XX века в России // «Вестник САФУ. Серия "Гуманитарные и социальные науки"» 2016. № 5. С. 128–133; Колоницкий Б.И. Гражданские войны на пространстве Российской империи...

⁴ Колоницкий Б.И. От мировой войны к гражданским войнам (1917? – 1922?) // Российская история. – 2019. – № 1. – С. 24.

рассмотренных. Очевидно, что среди исследователей до сих пор отсутствует четкий взгляд на природу этой войны. Большинство современных работ рассматривают ее как раскол титульной нации, т.е. как, прежде всего, конфликт белых и красных, символизирующих русскую национальную власть (форма А), оставляя многонациональность этой войны в лучшем случае одним из явлений, но не равноправным сущностным элементом данного конфликта. Между тем, Гражданская война в России является сложным конфликтом смешанной формы А-Б. И дело тут даже не в том, что национальные государства (Украина, Польша, Финляндия, Латвия, Литва, Эстония, Грузия, Армения, Азербайджан, среднеазиатские образования) боролись как против белых, так и против красных. Дело еще и в том, что раскол, поразивший русскую нацию, копировался в национальных государствах. Им оказались поражены, по крайней мере, Финляндия, Украина, Латвия, в несколько меньшей степени – другие государства территории бывшей империи. Рассматривать события Гражданской войны в России в узких границах РСФСР, или, в лучшем случае, СССР образца 1922 года представляется, поэтому, методологически ошибочным. Для понимания сущности этой войны необходимо анализировать события на всей территории бывшей Российской империи в границах 1913 г.

Считаю, что Гражданская война в России – это:

А) война, сочетающая в себе *обе формы* гражданских войн;

Б) война, *объединяющая сразу несколько гражданских войн* разной степени продолжительности, но высокой интенсивности;

В) война, сочетавшая *несколько* войн по национально-освободительному признаку (форма Б) и *несколько* по признаку раскола титульной нации (форма А).

Иначе говоря, Гражданская война в России – это целый комплекс войн. В этом отношении война представляется уникальной, т.е. найти ее аналоги, в т.ч. среди наиболее значительных и кровопролитных гражданских войн первой половины XX века (Испания, Китай, Корея) не удастся»¹.

Однако анализ организованных круглых столов на данную тематику выявляет скептическое отношение подавляющего большинства исследователей к идее разделения гражданской войны на множество отдельных войн.

¹ Разиньков М.Е. Типология гражданских войн – Евразия (1900 – 1950 гг.): из дневника исследователя // Альманах Ассоциации исследователей Гражданской войны в России / под ред. В.И. Голдин [и др.]. – Вып. 2. – Архангельск: ИД САФУ, 2015. – С. 120-121.

Обсуждение в рамках круглого стола «Петербургского исторического журнала» (2017 или 2018 г.), озаглавленного «Гражданские войны на постимперском пространстве», показывает возможность описания гражданской войны в рамках одного национального государства или региона. При этом в своих публикациях авторы не стали оперировать понятием «гражданские войны», хотя имевшийся материал позволял это сделать. Зато в каждом исследовании встречается термин «гражданская война» (в единственном числе). Гораздо большее внимание было уделено проблеме вписанности гражданской войны в события Великой российской революции. В свою очередь, в работе Л.В. Ланника (о мятеже фрайкоров в Прибалтике как вспышке германской гражданской войны) получил отражение еще один аспект концепта Дж. Смита – о межимперском континууме кризиса¹.

В 2022 г. в рамках международной конференции в Новосибирске состоялся круглый стол, специально посвященный интересующей нас проблеме множественности гражданских войн («События 1917 – 1922 гг. в России: гражданская война или гражданские войны?»). В нем участвовали десять исследователей, причем каждый из них являлся признанным специалистом по изучаемому периоду. Результат обсуждения представляется довольно любопытным: четверо исследователей отнеслись к разделению гражданской войны на множество отдельных войн отрицательно, призвав «не множить сущности»; двое однозначно указали на необходимость сочетания двух подходов; еще четверо просто проигнорировали постановку вопроса, либо высказались по частным проблемам². Диалог шел, таким образом, преимущественно по поводу необходимости определения хронологических границ общей гражданской войны, признании ее сверхсложным феноменом с точки зрения социальных, этнических, политических и прочих сил противостояния, но вполне поддающимся концептуализации в рамках понимания единства (метаединства) процесса гражданской войны.

* * *

¹ См.: Петербургский исторический журнал. – 2018. – № 3. – С. 167-253.

² В.М. Рынков, А.В. Венков, О.Г. Буховец, А.В. Ганин, Б.И. Колоницкий, О.А. Сухова, Л.В. Ланник, Т.В. Котюкова, В.В. Журавлев, В.И. Голдин. Круглый стол «События 1917–1922 гг. в России: гражданская война или гражданские войны?» // Гуманитарные науки в Сибири. – 2022. – Т. 29. – № 4. – С. 5-17.

Идея множественности революций и гражданских войн продуктивна, только если смотреть на нее как на один из инструментов изучения прошлого. Она может быть использована наряду и в совокупности с концептами, озвученными в параграфах 1.1 и 1.2. Сильной стороной такого подхода является создание еще одного шанса избежать упрощенного взгляда на прошлое, более сложная систематизация знаний при отказе от традиционных хронологических и пространственных границ.

В этом отношении полезно сослаться на мнения некоторых участников круглого стола 2022 года. «...была и Гражданская война, и гражданские войны, но, как я уже показал на ряде примеров, происходившее в 1917–1922 гг. не укладывается и в рамки определения “гражданские войны”. Можно говорить, как и делают некоторые исследователи, об эпохе войн и конфликтов на постимперском пространстве. Так, вероятно, будет точнее всего. Хотя и здесь есть серьезные исключения», – считает А.В. Ганин¹, подчеркивая, таким образом, ограниченный потенциал каждой из предложенной концепций, но, одновременно, признавая и объяснительные возможности за всеми ними. «Я не думаю, что в ближайшее время будет найдено какое-то общее и единое для всех определение понятия “гражданская война”. Это проявляется и в том, что акторы, политическая направленность которых кажется нам совершенно очевидной, при ближайшем рассмотрении оказываются сложными и сложносоставными», – отмечает Б.И. Колоницкий, указывая на особенности феномена².

Для настоящей монографии значимо и другое наблюдение Б.И. Колоницкого: «Но важнейшее направление современной историографии – и наиболее, на мой взгляд, интересное – это изучение Гражданской войны на местах. В лучших своих проявлениях указанное направление дает удачное соединение глобальной и локальной истории, но и тщательное изучение особенностей гражданских войн позволяет увидеть большие региональные особенности на уровне губерний, уездов, а порой даже и волостей. Наряду с изучением имперского измерения Гражданской войны (интерес к этой теме явно усилился после распада СССР) все это заставляет говорить о разнообразии конфликтов и своеобразии их протекания на различных территориях»³.

¹ Там же. С. 10.

² Там же. С. 11.

³ Там же. С. 10.

Материалы последующих глав показывают, что механическая совокупность исследований дает, в отсутствие обобщающего анализа, механическую же совокупность знаний. При этом круглые столы, опросы исследователей и яркие индивидуальные концепции обладают ограниченной объяснительной способностью.

Круглые столы, опросы, тематические конференции и коллективные монографии не вполне точно представляют мнение всей совокупности исследователей, поскольку, во-первых, их результаты не всегда четко и беспристрастно проанализированы организаторами, а, во-вторых, часто являются совокупностями индивидуальных взглядов. Очевидно, что в них не представлены в социологически точной пропорции сторонники того или иного подхода. Да и возможно ли создать такую пропорцию? Кроме того, зачастую участники подобных обсуждений выдают желаемое за действительное, как это, вероятно, произошло с формированием концепта множественности революций, не получившего в дальнейшем серьезного развития в отечественной историографии за исключением концепции общинной революции 1902 – 1922 гг.

С другой стороны, самая острая на данный момент проблема очевидна: историки из разных стран бывшего СССР не могут договориться в рамках единого понятийного пространства. Мнения таких исследователей, как В.Ф. Солдатенко (для Украины) и О.Г. Буховец (для Беларуси), являются примирительными и, при всей их конструктивной направленности, не отражают мнения всех (а, возможно, и большинства) исследователей данных стран, склонных интересоваться сюжетами, связанными с национально-освободительной борьбой или даже проявляющими известный консерватизм в определении характера событий 1917 г. (деление на буржуазную и социалистическую революции)¹. Впрочем, судить о «коллективном мнении» историков этих стран довольно сложно – монографических обобщающих историографических работ по этой проблеме нет².

¹ В современной российской историографии такого рода «консерватизм» представлен, несомненно, в: Калашников В.В. Причины Русской революции: советская историография 1917–1991 гг. – СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2020. – 276 с.; Калашников В.В. Русская революция: ключевые решения. История и историография. – СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2021. – 320 с.

² О «коллективном мнении» украинской и белорусской историографии на события 1917 года см., например: Мазун Л.С. Советская историография российско-украинских отношений 1917-1922 гг. Автореф. дис. канд. ист. наук. – М., 2009. – 29 с.; Лавринович Д.С.

Одновременно, в современной российской историографии имеет место определение событий 1917 г. как «Русской революции». В.В. Калашников, рассуждая о взаимоотношениях категорий «русская» и «российская» революция, справедливо отмечает, что во втором случае исследование должно предполагать подробное изучение региональной специфики развития событий, «которая во многих случаях была значительной». Интересно, что выделяя особо категорию «русской» революции, в т.ч. оправдывая название своей монографии, автор обращается к проблеме причинности: «причины, ход и исход революции 1917 г. (Февральского и Октябрьского этапов) были обусловлены прежде всего позицией русского народа, и все важнейшие события происходили в центре страны, а национальная периферия, по сути, лишь на них реагировала»¹.

Конкретизируя перспективы возможного развития концептов множественности революций и гражданских войн, можно выделить следующие сюжеты:

1. изучение перетекания множественности революций в множественность гражданских войн, и, следовательно, изучение взаимосвязей всей многосложной причинности, в т.ч. в рамках отдельных (не обязательно многонациональных) регионов;

2. изучение континуума кризиса с подчеркиванием межнационального и национально-имперской составляющих конфликтов в рамках территории бывшей Российской империи;

3. исследование масштабов «русской» составляющей революционных событий, с возможностью, в перспективе, определения ее места в общеимперском измерении и национальных потоках революции;

4. крайне осторожное использование оценочной и идеологической мотивации при проведении исследований. Систематическое изучение новейшей историографии стран постсоветского пространства и организационная работа с целью налаживания научного диалога.

Современная белорусская историография о русских революциях 1917 года // Столетие революции 1917 года в России / отв. ред. И.И. Тучков. Ч. 2. – М.: АО «РДП», 2018. – С. 103-108; Михайлов И.В. «Украинская революция» или революция на Украине // Вестник МГИМО. – 2010. № 1. С. 65-75.

¹ Калашников В. В. Причины Русской революции: советская историография 1917–1991 гг. – СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2020. – С. 17.

1.4. Дефиниции причинности: от понятийной чехарды через кошмар многоголосицы к возможному выходу

Наконец, еще одним важным терминологическим сюжетом является тот набор понятий связанных с каузальностью или причинностью, который фигурирует в исследовательских работах.

Среди терминов, которые используют авторы, можно выделить несколько: «истоки», «факторы», «причины», «предпосылки», «условия», «генезис». Они, так или иначе, связаны с представлениями об этапности и динамичности изучаемого феномена, находятся друг с другом в смысловой связи. При этом здесь присутствует категориальная разноголосица.

Казалось бы, термин «истоки» должен использоваться для обозначения глубинных корней события, его зарождения в продолжительной исторической перспективе, охватывающей многие десятилетия. Так, в работе воронежского исследователя М.Д. Карпачёва 1991 года «истоки российской революции» усматриваются в народническом движении второй половины XIX века¹. В более позднем исследовании «О социальных истоках русских революций начала XX века» М.Д. Карпачев обращает внимание на события, преимущественно, конца XIX – начала XX вв.².

Однако в реальности ситуация обстоит сложнее. В историографической работе В.И. Голдина глава 2 называется «Истоки и причины гражданской войны». Несмотря на разделение этих двух понятий в названии, в действительности они слабо различаются в самом тексте, хотя по смыслу некоторых высказываний можно определить истоки как «внутренние корни» явления, а причины, как нечто более конкретное, приближенное к событию³. Интересно, что здесь встречается отсылка к зарубежной традиции. Цитируемый В.И. Голдиным английский исследователь Дж. Свейн еще в 1996 г. издал большую монографию, которая называлась «Истоки гражданской войны в России» («The Origins of the Russian Civil War»), вышедшую в многотомной

¹ Карпачев М.Д. Истоки российской революции: легенды и реальность. – М.: Мысль, 1991. – 269 с.

² Он же. О социальных истоках русских революций начала XX века // Вестник ВГУ. Сер: История. Политология. Социология. – 2015. – № 3. – С. 21-28.

³ Голдин В.И. Россия в гражданской войне... С. 53.

серии «The Origins of modern wars». В ней, между прочим, изучение «истоков» не выходит за хронологические рамки 1917 – 1918 гг.¹.

В новом историографическом обзоре, вышедшем в 2012 году, В.И. Голдин предлагает еще один термин – «генезис». В главу 1, посвященную этому, вошли материалы из главы 2 издания 2000 года, дополненные за счет исследований, появившихся в истекшее десятилетие. Немногочисленные отсылки к термину «генезис» в тексте указывают на то, что, во-первых, он является синонимом оборота «исток и причины», а, с другой, что генезис гражданской войны прочно увязывается с событиями революции – ее причинами и, главное, ее феноменом².

Понятие «предпосылка» для большинства исследователей является термином, обозначающим создание обстоятельств для возникновения изучаемого феномена.

В работе В.И. Бовыкина, посвященной формированию предпосылок Октября, речь идет «о процессах социально-экономического развития, обусловивших объективную необходимость и возможность социалистической революции в России», охватывающих всю вторую половину XIX – начало XX вв.³. Исследования Б.Н. Земцова о социальных и социально-психологических предпосылках революции 1917 года, оперируют тенденциями конца XIX – начала XX вв.⁴.

Вместе с тем, содержания термина «предпосылки» может варьироваться. Так, Д.П. Иванов и В.В. Канищев выявляют экологические и демографические предпосылки антоновщины, оперируя данными за 1880-е – 1920-е гг. Однако предпосылкой крестьянских выступлений у них считается и географическое расположение сел (например, местность, препятствующая оперативному противодействию восставших со стороны правительственных сил или, наоборот, близость к железным дорогам). Таким образом, предпосылкой

¹ Swain G. The origins of the Russian Civil War. – L.; New York: Longman, 1996. – 315 p.

² Голдин В.И. Гражданская война сквозь призму лет: историографические процессы. – Мурманск: МГГУ, 2012. – С. 18-46.

³ Бовыкин В.И. Россия накануне великих свершений: к изучению социально-экономических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции. – М.: Наука, 1988. – С. 152.

⁴ Земцов Б.Н. Революция 1917 г.: социальные предпосылки. – М.: изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 1999. – 233 с.; Он же. Социально-психологические предпосылки революции 1917 года в России. Дис. докт. ист. наук. – М., 1999. – 473 с.

выступает не только динамическое явление (нарастающий на протяжении десятилетий кризис), но и статическое, находящееся в относительной временной неподвижности, при этом неожиданно сработавшее во время восстания¹.

Авторы современного исследования о крестьянстве и казачестве используют термин «предпосылка» по отношению к тенденциям, охватывающим периоды от нескольких десятилетий до месяцев: «несмотря на отсутствие видимых причин для беспокойства, *социально-психологические предпосылки* дестабилизации политической обстановки в империи были налицо. Речь идет о формировании в массовом сознании представления о неспособности государства эффективно решать важные вопросы внешнего и внутреннего порядка»; «*предпосылки “военного коммунизма” складывались в ходе аграрной революции*, когда крестьянство достаточно радикально решало земельный вопрос»; «к середине июня 1918 г. на востоке страны уже сложились предпосылки для создания армейских объединений на базе сформированных в конце мая – начале июня 1918 г. Западного и Восточного Чехословацких, Урало-Оренбургского, Северо-Урало-Сибирского фронтов»².

Термин «причина» является, пожалуй, наиболее применяемым в исследованиях. При этом его использование в современной историографии также достаточно произвольно. Например, вышедший в 2014 г. представительный сборник, где понятие «причина» вынесено в заглавие, подобрал в себя материалы во временной протяженности с XVIII до начала XX в.³. Тем не менее, участник дискуссии Б.Н. Миронов настаивал на принципиальном разделении понятий «причина» и «предпосылка» революции, о чем подробнее будет сказано ниже.

Одновременно, «причина» представляет собой понятие, способное возникать уже в течении существования феномена. Так, исследователи говорят

¹ Иванов Д.П., Канищев В.В. Естественно-исторические предпосылки Тамбовского восстания 1920 – 1921 гг. Учебное пособие. – Тамбов: ООО «Центр-пресс», 2011. – 55 с.

² Крестьянство и казачество России в условиях революции 1917 г. и Гражданской войны: национально-региональный аспект / под ред. В. В. Кондрашина, В.А. Юрчёнкова. – М.: Саранск, 2017. – С. 96, 407, 459.

³ О причинах Русской революции / Отв. ред. Л.Е. Гринин [и др.]. – М.: Издательство ЛКИ, 2014. – 432 с.

не только о причинах гражданской войны вообще, но и о причинах эскалации вооруженного противостояния уже в ходе войны¹.

Иногда вместо термина «причина» исследователи используют термин «фактор». Судя по контексту, эти термины воспринимаются как синонимы. М.Д. Карпачёв в статье «Объективные предпосылки и субъективные факторы Великой русской революции 1917 года», во-первых, противопоставляет в названии «предпосылки» и «факторы», а, во-вторых, в контексте статьи говорит не только о «субъективных», но и об «объективных» факторах революции, определивших свержение монархической государственности.

Однако и здесь при желании можно увидеть категориальные «огрехи». В разбираемом тексте «причины» практически уравниваются с «предпосылками». Термин «предпосылки» употребляется только в названии статьи, что же касается «причин», то текст позиционирует их как результат развития тенденций второй половины XIX века: «Приход XX столетия застал русское общество в обстановке высоких ожиданий. Для этого были свои причины. *Последние сорок лет ушедшего столетия прошли в России под знаком реализации освободительных реформ царствования Александра II.* Отмена крепостного права, учреждение местного общественного самоуправления (уездных и губернских земств), устройство современной судебной системы и гуманного судопроизводства, реформы в области экономики, финансов, просвещения и военного строительства имели одну объединявшую их цель – осуществление модернизации России, преодоления ее хозяйственной и культурной отсталости от ведущих стран североатлантической цивилизации. В конце века можно было подводить некоторые итоги такой политики»². Кроме того, «объективными» в тексте становятся не предпосылки, а «факторы».

Понятие «фактор» встречаем в историографическом обзоре В.И. Голдина: «Анализ современной исторической литературы позволяет выделить ряд факторов, которые предопределили неотвратимость, масштабность и

¹ 1918 год: от «малой» к широкомасштабной и фронтовой гражданской войне // Голдин В.И. Гражданская война сквозь призму лет... С. 47-89.

² Карпачев М.Д. Объективные предпосылки и субъективные факторы Великой русской революции 1917 года // Веков неспешный ход: проблемы социально-экономической и политической истории России. Сборник статей к 70-летию профессора Валерия Николаевича Никулина / отв. ред. И.Н. Данилевский. – Калининград: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2018. – С. 255.

жестокость гражданской войны в России»¹. При этом в дальнейшем перечисляются пять масштабных и порой продолжительных по времени процессов, которые можно с равным успехом считать и «причинами» и «предпосылками» события.

Еще одним термином, употребляемым исследователями, является «условие»². В работе воронежского историка Е.А. Зверкова в специальном параграфе диссертационной работы термин «условие» употребляется в понятийном смысле «условие возникновения изучаемого феномена» и, судя из контекста, автор предлагает отделить его от понятия «причина». Главным «условием» Октябрьского переворота в Воронеже Е.А. Зверков предлагает считать большевистский переворот в Петрограде, т.е. внешний фактор: «Рассматривая вопрос об *условиях* событий октября 1917 года в Воронеже, необходимо помнить о наличии разных обстоятельств: местных и, прежде всего, общероссийских. Это важно, прежде всего, в том плане, что без соответствующих событий в Петрограде выступление было маловероятным, ибо большевикам Воронежа пришлось реагировать именно на события в столице. Во-вторых, существенно меняется тональность – один оттенок имеет выступление в рамках общего процесса насильственного свержения власти, и совсем другой – одинокий мятеж в провинции. Таким образом, переворот в Воронеже стал возможен именно благодаря подобному событию в Петрограде»³. Далее Е.А. Зверков приводит набор «причин», благодаря которым воронежским большевикам удалось воспользоваться возникшими «условиями» и совершить вооруженный переворот⁴.

Назвать понятийный ряд данной работы строго логичным также нельзя. Название анализируемого параграфа диссертации звучит как «условия и предпосылки Октябрьской революции в Воронеже», однако, из текста видно, что «условия» воспринимаются как «предпосылка» к конкретно перечисляемым «причинам».

¹ Голдин В.И. Россия в гражданской войне... С. 37.

² Булдаков В.П. Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917 – 1918 гг.: условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. – М.: Новый хронограф, 2010. – 1096 с.; Миронов Б.Н. Страсти по революции: нравы в российской историографии в век информации. – М.: Издательство «Весь мир», 2013. – С. 66.

³ Зверков Е.А. Общественное движение в Воронежской губернии в 1917 году. Дис. канд. ист. наук. – Воронеж, 2019. – С. 208-209.

⁴ Тем же. С. 210-216.

Склонен отделять «причины» от «условий» Б.И. Колоницкий. «Историки нередко упрекают друг друга в телеологичном описании прошлого: всегда можно найти важные причины для состоявшихся событий, последние часто ретроспективно представляются неизбежными и безальтернативными. Далеко не всегда относительно списков этих причин будет достигнут консенсус исследователей. Порой плодотворнее говорить не о причинах, относительно которых сложно достичь консенсуса исследователей, а о необходимых условиях», – пишет он¹. В качестве таковых условий Б.И. Колоницкий называет и «культурную подготовку» гражданской войны, и формирование кадров войны из офицеров военного времени и унтер-офицеров, имевших большой военный опыт. Как видим, понятие «условие» обладает здесь согласительным, консолидирующим потенциалом для исследователей, поскольку конкретные «причины» гражданской войны, в силу, судя по всему, их конкретности, вызывают непримиримые и бесконечные споры.

Таким образом, исследователи, оперируя набором определенных терминов, довольно часто употребляют их произвольно. Это явление может вызывать дискуссии о дефинициях, попытки разделить их. Однако, как будет показано ниже, попытки эти не менее произвольны, чем и беспорядочное применение указанных терминов.

* * *

Свой вклад в терминологическую многоголосицу вносят давние споры о предпосылках Октября, а также о целесообразности формулирования масштабных причин исторических событий, поскольку последние объясняют произошедшее задним числом и, следовательно, их познавательный потенциал имеет известные ограничения.

Соотношение понятий «причина» и «предпосылка», равно как и обращение к категориям причинности, вызывали и вызывают в историографии дискуссию. Например, советские историки второй половины XX века большое значение придавали вопросу о формировании предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции. Одни полагали, что капиталистические отношения в России не вполне сформировались и выводили причины революции из противоречий, возникавших в силу многоукладности экономики. Другие считали, что российский капитализм «созрел и перезрел»,

¹ Колоницкий Б.И. Политическая культура России и гражданская война... С. 62.

тем самым создав объективную предпосылку для перехода в новую, социалистическую, формацию, формирование сил пролетарской революции¹. (В свою очередь, ряд современных авторов вообще ставят под вопрос существование экономических предпосылок революции)².

Принципиально важным различие между «предпосылками» и «причинами» видится Б.Н. Миронову. Полемизируя с оппонентами, он отмечает: «Н.А. Иванова, Т.Г. Леонтьева и П.П. Щербинин по существу сводят мое объяснение происхождения революции к умелому пиару оппозиции. Это не так. По моему мнению, в России начала XX в. реально существовали острые социальные, экономические, национальные, политические и культурные проблемы. Эти проблемы являлись *предпосылками*, или предварительными условиями, революции. К ним следует отнести и военные поражения. Но у всякой революции есть также и причины, т.е. обстоятельства, непосредственно ее порождающие. Непосредственная причина революции заключалась в борьбе за власть между разными группами элит»³. В приведенном тексте причины и предпосылки не только разделяются, но им также дается определение. (Помимо прочего, используется понятие «условие» как синоним «предпосылки»).

Некоторые исследователи вообще довольно осторожно (а порой весьма критично) относятся к проблеме выявления причинно-следственных связей происхождения революции и гражданской войны, так сказать, доминантного, объясняющего феномен в целом характера.

Порой это связано с целенаправленным отказом от прежних идеологических схем (марксистских, либеральных, консервативных), дающих предугаданные ответы на сложные вопросы истории.

В.П. Булдаков, подвергая критике существующую картину истории революции, говорит о доминировании в революционном процессе нерациональных, стихийных, стохастических (случайных) мотивов, которые возникали и решались на основе синергетики. В работах исследователя постоянно звучит термин «хаос» как определяющее для революции понятие. Автор настаивает на том, что революционный процесс носил черты хаоса, многое в нем объясняется психопатологией испуганного человека: «Между тем

¹ Бовыкин В.И. Россия накануне великих свершений... С. 143-152.

² Булдаков В.П. Еще раз об «успешной» империи... С. 194.

³ Миронов Б.Н. Страсти по революции... С. 66.

следовало бы давно усвоить, что “человек толпы” начинает вести себя “непредсказуемо” именно потому, что он утратил ориентацию в хаосе событий. Как результат он, внимая новейшим утопиям, вместе с тем панически обращается к опыту прошлого, надеясь отыскать дорогу в “привычное будущее”»¹. Распространяя рассуждения не только на гражданскую войну и революцию, но и на Первую мировую, автор (совместно с Т.Г. Леонтьевой) заключает: «Соединение неуверенности и страхов за собственные судьбы вылилось в агрегированное состояние ужаса неизвестности и обернулось поиском “точки опоры” в лице ближайшего источника силы»².

Критике в работах В.П. Булдакова подвергается, прежде всего, упрощенный экономический детерминизм, представления идеологов Февраля и Октября о движущих силах 1917-го года, которые транслируются в современной исторической науке, пытающейся найти рациональные объяснения непредсказуемому и нерациональному. Отвечая своим критикам (и сам полемизируя), В.П. Булдаков пишет: «иные ученые под влиянием благородных страстей с легкостью превращают жупелы в “понятия”, иллюзии в “концепции”, доктрины в “теории”; это словно специально делается для того, чтобы вслед за тем начать прятаться от собственных “непреложных” умозаключений с эвристической многозначительностью... Людям образованным нравится думать, что их существование определяется закономерностями “высшего” порядка»³.

Работы В.П. Булдакова не отрицают причинности, которая содержится, например, в критике современных «оптимистов», не замечающих, по мнению исследователя, элементов развития Российской империи, подведших ее к «порогу устойчивости»⁴. Однако корни появления, основу динамики и основные итоги революции и гражданской войны он выводит из психоэмоциональных реакций населения на фрустрирующее воздействие окружающей среды, не поддающихся логическим предугадываниям.

Интересно, что «Красная смута» исследователя все еще оставалась «октябрецентричной». Чтобы дополнить и максимально объяснить свою

¹ Булдаков В.П. Революция, которую мы выбираем. Итоги и перспективы «юбилейного» бума // Российская история. – 2018. – № 6. – С. 22.

² Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию. – М.: Новый хронограф, 2015. – С. 698.

³ Булдаков В.П. Хаос и этнос... С. 11-12.

⁴ Он же. Еще раз об «успешной» империи... С. 193.

концепцию, автор, среди прочих работ, написал совместное с Т.Г. Леонтьевой исследование о Первой мировой войне с характерным названием: «Война, породившая революцию». Развитие идеи поиска причинности в малопредсказуемой, но однозначно отличающейся от официозной «картинки» психоэмоциональной сфере можно увидеть и в фундаментальной монографии В.Б. Аксенова¹.

Термин, который периодически звучит, когда речь заходит о критике «предпосылок и причин» революции и гражданской войны – это «телеологичность». Телеология – учение о цели и целесообразности, наличие у действий и явлений конечных целей. При том, что телеология бывает различной (антропоцентрической, метафизической, трансцендентной, имманентной)², смысл критики в общем понятен. Заданность исторических явлений вызывает сомнение, поскольку исследователи постфактум начинают подверстывать предшествующие события под него.

К.А. Соловьев отмечает: «У историка есть преимущество: он знает, чем все закончилось, а современник – нет. В итоге телеологичность – невольный порок любого исследователя. Шиллер начинал свои лекции по всеобщей истории словами: “То, что мы собрались с вами в этой аудитории, – результат всемирного исторического процесса”. С этой точки зрения можно искать причины революции в 1914 г., или в 1905 г., или в 1861 г. или даже в 862 г.»³.

Еще более развернуто выражает эту мысль Б.И. Колоницкий: «Я очень осторожно отношусь к построению причинно-следственных связей, когда речь идет о политической истории. Я рассматриваю революцию, прежде всего, как политический процесс. Правда, надо отметить, что мы мыслим причинно-следственными связями так же, как хронологически, но не факт, что они объективно существуют. Многие интерпретации революции являют собой пример телеологических построений. Так, часть исследователей считает, что возникновение революции было неизбежным, что на тот момент исторического развития все вело к революции, другие подчеркивают ее случайный характер, связанный с последствиями прежде всего мировой войны. Но и те, и другие

¹ Аксенов В.Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914 – 1918). – М.: Новое литературное обозрение, 2020. – 992 с.

² Философский словарь: основан Г. Шмидтом / под ред. Г. Шишкоффа. – 22-е, перераб. изд. – М.: Республика, 2003. – С. 436.

³ Российская империя между реформами и революциями, 1906–1916. Коллективная монография / под ред. А.И. Миллера и К.А. Соловьева. – М.: Квадрига, 2021. – С. 764.

взгляды все равно являются вариантами телеологии. Я считаю надуманной “оппозицию успешной модернизации” и “системного кризиса”, поскольку это не взаимоисключающие друг друга процессы»¹.

Выход из состояния фатальной предугаданности событий видится исследователям, опять же, в сосредоточении на «механике» происшедшего, изучении процесса (политического процесса у Б.И. Колоницкого), отказа от линейного восприятия причинно-следственных связей, ввод понятия «случайного».

Можно также вспомнить заряженное критикой высказывание И.В. Нарского о том, что в историографии «все еще преобладает конструирующая, а не интерпретирующая модель»². Последняя модель была применена исследователем в его блестящей работе «Жизнь в катастрофе», построенной на теоретических принципах истории повседневности³. При этом, как и В.П. Булдаков, Нарский активно использовал понятие «хаос».

Тем не менее, жесткого противопоставления указанных концептов понятию причинности, полного отрицания причин явлений, не наблюдается. Критика «телеологии» означает лишь необходимость действовать от многообразия источников, рассматривать процесс с максимально большего количества сторон и как можно меньше схематизировать. Она также не означает, что сами авторы окончательно отказываются от телеологии. Например, в своем недавнем интервью Б.И. Колоницкий высказывает мысль о том, что корниловский мятеж сделал неизбежным скатывание страны в гражданскую войну⁴.

* * *

¹ «Революция – это специфическое состояние власти, отличное от так называемого “нормального времени”». Интервью с Б.И. Колоницким // Историческая экспертиза. – 2017. – № 4. – С. 175.

² Нарский И., Хмелевская Ю. «Упоение» бунтом в русской революции (на примере разгромов винных складов в России в 1917 году // Российская империя чувств. Подходы к культурной истории эмоций / под ред. Я. Плампера [и др.]. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – С. 261.

³ Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: будни населения Урала в 1917 – 1922 гг. – М.: РОССПЭН, 2001. – 632 с.

⁴ История только начинается. Выпуск 14. Ленин, Керенский и неизбежность гражданской войны [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=X19sTkIHOqk> (дата обращения 17.06.2023)

Обозначенные выше расхождения в терминологии нуждаются в прояснении. Насколько правомерно авторы используют тот или иной термин в определенном смысле и можно ли эти термины выстроить в единый понятийный ряд?

«Истоки». Толковый словарь русского языка отсылает нас к значению «истока» как «Первопричине, началу чего-либо, зарождению»¹. Так что разделение терминов «истоки» и «причины», судя по всему, можно считать субъективным.

«Генезис». Происходит от греческого *genesis* – происхождение, возникновение; «в широком смысле – момент зарождения и последующий процесс развития, приведший к определенному состоянию, виду, явлению»². Несмотря на биологический оттенок, очевидно, что данный термин вполне (и, возможно, наиболее) подходит для определения процессов, связанных с зарождением феномена и может использоваться как синоним понятия «истоки» в его первом варианте.

«Фактор». От латинского *factor* – делающий, производящий. «Причины, движущая сила какого-либо процесса, явления, определяющего его характер или отдельные его черты»³. Таким образом, понятие «фактор» может употребляться как синоним «причины» и, одновременно, подчеркивать многогранность феномена, возможно, дополняя при этом понятие «причина», если последнюю представлять в качестве более обобщенного понятия.

Объяснить соотношение понятий «предпосылка», «причина» и «условие» сложнее. Их употребление очевидно ранжируется в историографии, при этом «условие» и «предпосылка» противопоставляются «причине» события, причем последняя выступает уже не как понятие широкое, обобщенное (как в случае с соотношением «причина»/«фактор»), а как конкретное, определенное, относительно узкое.

Представляется, что такое соотношение, равно как и употребление большого количества терминов, описывающих причинность, является схоластическим, риторическим приемом, исходящим из индивидуальных

¹ Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. – М.: РОО «РООССА», 2008. – С. 330.

² Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 288; Новый энциклопедический словарь. – М.: РИПОЛ классик, Большая российская энциклопедия, 2006. – С. 245.

³ Советский энциклопедический словарь... С. 1412.

мыслеобразов каждого конкретного исследователя, и действует только в определенном контексте, опираясь на момент когнитивного консенсуса исследователя и того, кому предназначено его исследование.

В философии смысловое наполнение данных терминов тесно связано с давно идущими дебатами о «причинности», отрицаемой рядом философских направлений как объяснения мироустройства, где все события связаны причинно-следственными связями. Принцип казуальности (причинности) означает, что каждое событие имеет свою причину и одновременно является причиной другого события; без причины ничего не происходит. «Причина», таким образом, определяется как «то, без чего бы не было другого (следствия)»¹ или «явление, действие которого вызывает, определяет, изменяет, производит или влечет за собой другое явление, называемое следствием»². Согласно философскому словарю И.Т. Фролова, «явление (процесс, событие) называется причиной другого явления (процесса, события), если: 1) первое предшествует второму во времени; 2) первое является необходимым *условием, предпосылкой* или основой возникновения, изменения или развития второго, иными словами, если первое порождает второе»³. Таким образом, «предпосылка» и «условие» выступают синонимами понятия «причина».

Одновременно понятие «условие» в рассуждениях о казуальности несет важную смысловую нагрузку. Оно подчеркивает многообразие причин, которые могут породить следствие. «Условие – философская категория, выражающая отношение предмета к окружающим его явлениям, без которых он существовать не может. Сам предмет выступает как нечто обусловленное, а условие – как относительное внешнее предмету многообразие объективного мира. *В отличие от причины, непосредственно порождающей то или иное явление или процесс, условие* составляет ту среду, обстановку, в которой последние возникают, существуют и развиваются»⁴.

Подчеркивая вариативность «условий», отделенность от понятия «причина», а также степень влияния «условия» на «причину», энциклопедический словарь отмечает, что «при разных условиях одна и та же причина вызывает неодинаковые следствия»⁵.

¹ Философский словарь: основан Г. Шмидтом... С. 362.

² Новый энциклопедический словарь... С. 969.

³ Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. – изд. 5-е. – М.: Политиздат, 1987. – С. 383.

⁴ Там же. С. 497.

⁵ Новый энциклопедический словарь... С. 969.

Чтобы разрешить довольно непростой вопрос о различии «условия» и «причины», философия (по крайней мере, советская) предлагала разделять «полную причину» и «причину специфическую». «Полная причина – это совокупность всех обстоятельств, при наличии которых необходимо наступает следствие. Специфическая причина – это совокупность ряда обстоятельств, появление которых (при наличии многих других обстоятельств, уже имевшихся в данной ситуации и до наступления следствия и образующих собой *условия* действия причины) ведет к появлению следствия. Установление полной причины оказывается возможным лишь в сравнительно простых случаях, и обычно научное исследование направлено на раскрытие специфических причин данного явления. Это происходит еще и потому, что в специфическую причину объединены наиболее существенные в данной ситуации компоненты полной причины, а остальные компоненты выступают лишь как *условия* действия этой специфической причины»¹. Иначе говоря, «полная причина» включает в себя понятие «условие», а «специфическая причина» – нет.

Парадоксальным образом, учитывая активное употребление термина в историографии, понятие «**предпосылка**» практически отсутствует в философской справочной литературе. Приведенная выше цитата из словаря 1987 года в сущности аналогизирует понятия «причина» и «предпосылка», а «Большая советская энциклопедия» делает то же самое с «предпосылкой» и «условием»: «Предпосылка – 1) условие, при котором может возникнуть, существовать, развиваться что-либо; 2) мысль, положение, взятое за исходный пункт в каком-либо рассуждении»².

Таким образом, понятие «причина» является наиболее общим, всеобъемлющим, предпочтительным для употребления. Прочие понятия либо являются его синонимами, либо, как в случае с «предпосылкой» и «условием», входят в его смысловую структуру. Это доказывает правомерность вынесения термина «причина» в название монографии, ряда глав и параграфов.

Насколько можно судить, терминологическая разногласица порождена объективным состоянием философии и многогранностью языка. Споры о первенстве каких-либо причин происходившего, упорядоченности и

¹ Философский словарь / под ред. М.М. Розенталя и П.Ф. Юдина. – М.: Издательство политической литературы, 1963. – С. 363.

² Большая советская энциклопедия / гл. ред. Б.А. Введенский. – Изд. 2-е. – М.: Государственное научное издание «Большая советская энциклопедия», 1955. – Т. 34. – С. 407.

синергетике, восходят еще к фундаментальной дискуссии философов «материалистов» и «идеалистов», а учитывая популярность последних (например, отчаянно критикуемого в советских философских словарях Д. Юма) в среде современных психологов-когнитивистов, осуществляющих впечатляющие прорывы в современной науке о человеке, нетрудно понять, какую мощную поддержку получили взгляды последних в научном познании вообще.

Наложили свой отпечаток и политизированные, вызывавшие личные обиды споры в советской историографии о предпосылках Октября. Старшее и задающее сейчас тон поколение историков и историографов революции и гражданской войны, родившихся в 1940-е – 1950-е гг., хорошо их помнит и старательно стремится избежать повторения дебатов с навязываемыми выводами, либо просто схоластическими.

* * *

Как это часто бывает, один из главных возмутителей спокойствия – Б.Н. Миронов – предлагает путь к примирению, выводя классификацию причинности. «Изучение русской, как и любой другой, революции происходит на трех уровнях, – пишет он. – Макроуровень – анализ условий или предпосылок революции – их иногда называют также глубинными причинами. Мезоуровень – анализ факторов и причин, непосредственно порождающих революцию. Наконец, микроуровень (его иногда называют событийным) – конкретно-исторический анализ всей массы фактов и обстоятельств, касающихся революции... Три уровня анализа революции примерно соответствуют изучению долговременных, среднесрочных и краткосрочных факторов революции. Каждый важен и интересен по-своему. Полная картина получается, когда анализ идет на всех уровнях»¹.

Другим способом избежать очевидной путаницы в понятиях является проговаривание авторской позиции по вопросам дефиниций. Такой подход, как представляется, характерен не только для работ Б.Н. Миронова или Б.И. Колоницкого. В историографическом обзоре В.В. Калашникова, специально посвященной освещению причин революции в советской историографии, видим: «Будем говорить о предпосылках как о факторах,

¹ Миронов Б.Н. Благосостояние населения и революции в имперской России: XVII – начало XX века. – М. : Весь мир, 2012. – С. 563.

делавших революцию в России объективно (потенциально) возможной, а понятие “причины” будем применять по отношению к факторам, которые делали ее необходимой или, по меньшей мере, порождали как одну из реальных альтернатив развития»¹.

В любом случае, построение иерархий и проговаривание позиции выглядят как часть авторских концепций, взглядов на события.

Выигрышность современной историографической ситуации в ее плюралистичности, возможности не только проповедовать, но и совмещать различные подходы и школы для объяснения тех или иных событий. Например, сосредоточение на «механике» событий, их повседневности никак не может помешать изучению причин событий, поскольку это, во-первых, в реальности почти одно и то же, а, во-вторых, историческая наука уже довольно далеко отодвинулась от события (революции и гражданской войны), чтобы избежать очевидной идеологической заданности, хотя, наверное, каждая эпоха и даже каждое поколение историков идет в прошлое со своими вопросами, которые сложно разделить с политической повседневностью современности.

Задача настоящего исследования – систематизировать знания о причинах революции и гражданской войны, выявить перечень этих причин, обозначить существовавшие и существующие проблемы с их невыявлением, сопоставить с представлениями о причинности в обобщающих трудах об отечественной истории в целом.

Выбор точек исследования – Февраль, Октябрь и начало гражданской войны – представляется традиционным для историографии. Вместе с тем, он несет и определенные ограничения. Свои причины, причем несущие важную объяснительную нагрузку, были у многих поворотных событий 1917 – 1918 гг., среди примеров можно назвать корниловский мятеж или разгон Учредительного собрания. Не менее важными для ситуации в Черноземном регионе стали калединское восстание, отделение Украины с последующими боями за нее и германской оккупацией. Однако в настоящем исследовании они порождают причины «второго плана», зависимые или дополняющие данные по указанным «поворотным точкам».

¹ Калашников В.В. Причины Русской революции: советская историография 1917–1991 гг. – СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2020. – С. 18.

Глава 2. Причины событий 1917 – 1918 гг. в обобщающих исследованиях

Исследователи оперируют представлениями о некоем множестве причин, породивших революцию и гражданскую войну, расставляя акценты, конструируя собственные комбинации, приводя дополнительную аргументацию. Это не означает, что указанное «множество» является единым взаимосвязанным целым, т.е. что выявление его совокупности приведет нас к окончательному пониманию произошедших потрясений. На данное множество влияют идеологии, концептуализация, выбор источников, личность исследователя, ограничения человеческого познания. Вместе с тем, полезно составить представление о нем для систематизации существующего знания и определения направлений дальнейших исследований указанных феноменов.

Для того чтобы понять вклад региональной историографии в проблему изучения причинно-следственных связей, приведших к революционным потрясениям и гражданской войне, необходимо (хотя бы кратко) обратиться к общей историографии вопроса. Данный обзор, конечно, не может являться исчерпывающим. Скорее он направлен на то, чтобы выявить современные подходы к причинам событий 1917 – 1918 гг., тем более, что проблеме выявления причин революции 1917 г. в советской историографии посвящена вышедшая совсем недавно монография В.В. Калашникова¹.

Тем не менее, в обзор включены наблюдения автора по поводу работ советского периода, высказывается мысль о влиянии наработок 1920-х – 1980-х гг. на конструкты современной историографии, а также, на основе анализа фундаментальной работы И.И. Минца доказывается наличие исключительно сложной, многоуровневой и логично построенной картины причин революции, далеко выходящей за рамки примитивного экономического детерминизма.

В обзоре использованы элементы междисциплинарного подхода. Дело в том, что существует довольно значительный пласт политологической и социологической литературы, разбирающей как феномен революций, так и причины, вызывающие современные гражданские войны. Игнорирование этих наработок ведет к отказу от ценного и полезного исследовательского материала, созданного уже не одним поколением ученых.

¹ Калашников В.В. Причины Русской революции: советская историография 1917–1991 гг. – СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2020. – 276 с.

2.1. Преемственность в историографии: к проблеме причинной совокупности

Советская историческая школа создала мощный пласт исследований, влияние которых на изучаемую проблему отмечается по сей день. Напомню, что в СССР с 1957 г. действовал Научный совет при институте истории АН СССР по проблеме «Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции». Дебаты по поводу зрелости российского капитализма и формирования условий для пролетарской социалистической революции способствовали выработке ответов на проблему закономерности Октября для советских историков.

Многообразие оттенков этой дискуссии было проанализировано в недавно вышедшей монографии В.В. Калашникова, который полагает, что к концу 1980-х гг. советская историография смогла достигнуть «сбалансированной точки зрения» по вопросу о социально-экономических предпосылках революции. Исследователь считает, что естественное развитие научной мысли и, одновременно, новые политические реалии 1980-х гг. позволили отказаться от двух крайностей: преуменьшения («новое направление») и преувеличения («школа А.Л. Сидорова») уровня капиталистического развития в России. Было доказано наличие монополистического капитализма во всех ведущих отраслях промышленности и финансов, развитие капитализма в сельском хозяйстве, с параллельным нарастанием социальных противоречий в деревне и городе. Сущностью указанных противоречий являлось недовольство трудового населения, как феодальными пережитками, так и капиталистическими отношениями. «В итоге любой серьезный кризис власти закономерно вел к радикальной революции, в которой задачи буржуазно-демократического характера сближались и переплетались с задачами социалистического характера», – пишет В.В. Калашников, обращая особое внимание на то, что в России существовал необходимый минимум предпосылок для проведения социалистической революции¹.

Отказ от этих решений в конце 1980-х – 1990-е гг. связан с критикой общей политической атмосферы, в которой они принимались. Политизированность рассуждений представителей исторической науки по

¹ Там же. С. 275.

указанной проблематике очевидна. По мнению В.В. Калашникова, «новое направление» в 1970-х гг. подверглось административным преследованиям именно из-за попытки внести новации в социально-политические трактовки марксистско-ленинской теории, а социально-экономическая концепция многоукладности в постановлениях, исходящих от академических и центральных органов, даже не упоминалась¹. Падение коммунистического режима привело к быстрому исчезновению дискуссии об идеологическом характере революций, которая просто утратила свою политическую актуальность.

Аналогичная судьба постигла обоснование причин гражданской войны, как явления, порожденного интервенцией. «На первое место в ряду причин Гражданской войны стал выделяться не внешний, а внутренний фактор. Причем в этом критерии ведущее положение стала занимать оценка деятельности большевистской партии в целом, политики “красного террора”, в частности. Практически полностью ушло понимание причин Гражданской войны как “сопротивление свергнутых классов”, “вооруженное противодействие белогвардейцев и интервентов победившему народу”», – отмечает В.Ж. Цветков².

Вместе с тем, определенная преемственность концептуальных положений советской поры и споров вокруг них наблюдается в новейшей российской историографии.

Во-первых, ослабление идеологического диктата породило кратковременную реанимацию концепта «многоукладной экономики»³, а историки еще в 1990-е гг. рассуждали о том, что в России не созрели условия для социалистической революции. Это было, несомненно, попыткой «восстановления справедливости», преодолением наследия «эпохи застоя»⁴.

¹ Там же. С. 266.

² Цветков В.Ж. Отражение причин и последствий Гражданской войны в России в советских и современных российских учебниках истории (к вопросу о принципиальных различиях) // Преподавание военной истории в России и за рубежом: Сб. статей. – М.; СПб.: Нестор-История, 2018. – С. 192.

³ Калашников В.В. Причины Русской революции 1917 года (о «парадигмах» советской историографии) // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. сб. научн. ст. / отв. ред. А.Б. Николаев. – СПб.: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2018. – С. 20.

⁴ Голдин В.И. Россия в гражданской войне... С. 50-51.

Однако в дальнейшем историография отказалась обсуждать и эти проблемы как устаревшие, связанные с доктриной социализма и временами «холодной войны». Кроме того, как уже говорилось в главе 1, современная историография транслирует подход к феноменологическому слиянию революции и гражданской войны, сформулированный в 1970-е гг. В.Д. Поликарповым.

Следует отметить, что возвращение к оценкам, исходящим из социалистической идеологии и положениям «ленинской» концепции революции и гражданской войны, на данный момент осуществляется некоторыми авторами, оперирующими не только высказываниями В.И. Ленина, но и И.В. Сталина¹, хотя эти рассуждения и выглядят необычными (в т.ч. идеологизированными) на общем фоне. Одновременно, следование источнику, ведет ряд исследователей, например, тех, кто изучает документы, исходящие из земского и городского самоуправления, к воспроизводству положений либеральной доктрины. Некоторые авторы говорят об «антикапиталистической утопии», которую исповедовал не только русский социализм, но и значительная часть консервативных элит². Иначе говоря, мы не можем утверждать, что современная историография полностью деидеологизирована, хотя в разбираемых работах эта идеологизация носит имплицитный, неявный характер и влияет на выводы авторов лишь косвенно. Прибавим к этому тот факт, что у общества и государства есть запрос на идеологию, охранительную ли, социалистическую ли, что не может не сказываться на попытках реанимации в т.ч. советских концептов.

Во-вторых, современная историография обнаруживает преемственность с дискуссиями и школами 1920-х – 1930-х гг. Наиболее ярко это выражено, пожалуй, в отечественном крестьяноведении. Так, В.В. Кондрашин с похвалой отзывается о концепции двух революций (мировой пролетарской и «российской» крестьянской) М.Н. Покровского, выводах историков 1920-х – начала 1930-х гг. о широкой социальной базе крестьянского движения, стремлении крестьян к советской власти (но без коммунистов) – темах,

¹ Например, В.В. Калашников отмечает: «В “Кратком курсе” много пороков, но к трактовке Октября особых претензий нет»: см. Калашников В.В. Причины Русской революции 1917 года (о «парадигмах» советской историографии) // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. сб. научн. ст. / отв. ред. А.Б. Николаев. – СПб.: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2018. – С. 17.

² Давыдов М.А. Цена утопии: история российской модернизации. – М.: Новое литературное обозрение, 2022. – 536 с.

отброшенных или пересмотренных «сталинской» историографией 1930-х гг.¹. Простые подсчеты ссылок на научные работы в коллективной монографии «Крестьянство и казачество» показывают, что в разделе 3 (крестьянство в революции 1917 г.) авторы ссылаются на 10 работ, вышедших в 1920-е гг., 6 – в 1930-е – 1950-е гг., 26 – в 1960-е – 1980-е гг.; в разделе 4 (крестьянство в гражданской войне) это соотношение составляет 15/12/48². Наследие 1920-х гг., таким образом, активно используется. Если разбить исследуемые периоды на десятилетия, то получается, что работы 1920-х гг. цитируются даже больше, чем работы 1960-х – 1980-х гг. Одновременно, работы т.н. «сталинского» периода цитируются наименее часто. Эти же подсчеты показывают очевидную преемственности современной историографии от советской.

В-третьих, советской историографией разработана тематика социально-экономических причин (предпосылок) революции в таких масштабах, что ее просто нельзя игнорировать. Огромный пласт исследований содержит информацию о существенных проблемах в экономике империи и бедственном положении населения. Как результат – диссертанты до сих пор считают необходимым вставлять в рассуждения о 1917 годе главу о социально-экономической ситуации в регионе, автоматически выводя из этой информации причинность событий 1917 года. Тенденция к осуждению политических радикалов и рассуждения о прогрессивных тенденциях в империи начала XX века наткнулись на сопротивление тех историков, которые указывают на проблемы модернизации и скромный уровень жизни большинства населения, что будет рассмотрено ниже на примере Черноземного региона. Одновременно, утверждения о концепциях и парадигмах советской историографии встречают упреки в упрощении и некорректности. Например, в такой некорректности В.В. Калашников упрекает Б.Н. Миронова, отмечая, что советские историки говорили не о кризисе всего российского общества, а лишь о кризисе самодержавия, как о причине Февраля³.

¹ Кондрашин В. В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. – М. : РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2009. – С. 11-18.

² Крестьянство и казачество России в условиях революции 1917 г. и Гражданской войны: национально-региональный аспект / под ред. В. В. Кондрашина, В.А. Юрчёнкова. – М.; Саранск, 2017. – 1048 с.

³ Калашников В.В. Причины Русской революции 1917 года (о «парадигмах» советской историографии) // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. сб. научн. ст. /

В-четвертых, очевидно следование современных историков за спорами, характерными для советской и современной ей зарубежной историографии. Скажем, о роли заговорщического фактора в Февральской революции говорил еще М.Н. Покровский, полагавший, что существовало два заговора против революции – заговор «дворцовой камарильи, стремившейся при помощи сепаратного мира выйти из войны и ликвидировать угрозу революции, и заговоре военных и буржуазных кругов, направленном к предупреждению революционного взрыва при помощи смены Николая II другим царем»¹. Сходные идеи высказаны в трехтомнике И.И. Минца. Аналог подобных взглядов видим, например, у О.Р. Айрапетова². Споры же «оптимистов» и «пессимистов» можно проследить в зарубежной историографии еще с 1950-х – 1960-х гг.³.

Все вышесказанное наводит на мысль о глубинной преемственности современной историографии от историописания предыдущих периодов. Историки доверяют выводам советской и одновременной ей зарубежной историографии, используют сходные концепты, в их среде возникают дискуссии, которые являются наследницами споров 1920-х – 1980-х гг. Отсутствие идеологического диктата в академической среде не означает отсутствия идеологизации конечных и промежуточных выводов авторов.

отв. ред. А.Б. Николаев. – СПб.: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2018. – С. 12-15. См. также: Калашников В. В. Причины Русской революции: советская историография 1917–1991 гг. – СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2020. – С. 8-11.

¹ Городецкий Е.Н. Советская историография Великого Октября 1917 – середина 1930-х гг. – М.: Наука, 1981. – С. 182.

² Айрапетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и революцию. 1907 – 1917. – М.: Модест Колеров и «Три квадрата», 2003. – 256 с.

³ Калашников В.В. Причины Русской революции 1917 года (о «парадигмах» советской историографии) // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. сб. научн. ст. / отв. ред. А.Б. Николаев. – СПб.: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2018. – С. 9-10, 12-15. См. также: Калашников В. В. Причины Русской революции: советская историография 1917–1991 гг. – СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2020. – С. 5-7.

2.2. Причины свержения царизма и большевистского переворота в «Истории Великого Октября» И.И. Минца

Несколько лет назад Г.З. Иоффе назвал И.И. Минца «главным историком 17-го года»¹, имея в виду создание этим выдающимся советским ученым огромной «Истории Великого Октября». Не приуменьшая значения работ других историков и наличие различных дискуссий по поводу причин и движущих сил революции в советской историографии, обратим внимание на проработку И.И. Минцем вопроса о причинах революции 1917 года.

Концепция, сформулированная исследователем, и отражающая важнейшие положения «официальной» точки зрения на интересующий нас вопрос, включала детальное рассмотрение социально-экономической ситуации в Российской империи перед революцией, роль Первой мировой войны в обострении существовавших на тот момент противоречий, а также деятельности партии большевиков в период до 1917 г. При этом И.И. Минц не ограничился общей характеристикой предреволюционного периода, а создал нарратив, который содержит достаточно четкое представление о поэтапности движения к Февральской революции и дальнейшего ее перерастания в революцию социалистическую, Октябрьскую.

И.И. Минц полагал, что Россия в начале XX века становится страной, наиболее предрасположенной к революции, «слабым звеном» в цепи мирового империализма. Сохранение феодальных пережитков на фоне развития капитализма вело к тому, что «в деревне крестьянин страдал и от полукрепостного гнета, и от капиталистической эксплуатации»². Противоречия феодально-капиталистического развития царизм решал через колониальную политику по отношению к национальным окраинам («русский капитализм, для которого оказался узким внутренним рынком, устремлялся в колонии»), обрекая их на отсталость нещадным грабежом, и подавляя национально-освободительные движения («Россия – тюрьма народов»)³. К этим противоречиям прибавилась «нарастающая угроза потери России национального суверенитета» из-за масштабного проникновения в экономику

¹ Иоффе Г.З. «Главный историк 17-го года» и его трехтомник (воспоминания редактора) // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды... С. 320-329.

² Минц И.И. История Великого Октября. – Изд. 2-е. – М.: Наука, 1977. – Т. 1. – С. 81.

³ Там же. С. 81-82.

страны иностранного капитала¹. Разумеется, от развития капитализма страдал и эксплуатируемый рабочий класс. Однако при этом российский пролетариат неожиданно оказывался в более выгодном, чем в других странах, положении для подготовки революции. Историческое развитие российской промышленности в сторону создания преимущественно крупных предприятий, приводило к высокой концентрации рабочих и стремительному «перевоспитанию» их в революционном духе². Сросшаяся с царизмом буржуазия не могла возглавить и борьбу крестьян против помещиков за землю. «Только пролетариат был заинтересован в том, чтобы довести трудящиеся массы деревни на доведение революции до конца... Не случайно как раз в России впервые в истории созрела та общественная сила – союз пролетариата и крестьянства, которая сломала сопротивление эксплуататоров и привела трудящихся к победе»³. Далее указывалось на роль пролетариата в национальных движениях. Разумеется, в работе подчеркивалась роль партии большевиков, как единственного истинного выразителя интересов трудящихся масс⁴.

Однако этот перечень, в терминологии И.И. Минца, «условий» и «предпосылок» революции, с одной стороны, был только первым этапом рассуждений о ее причинах, а, с другой, подводил к мысли о том, что буржуазно-демократическая революция в России была обречена стать лишь кратким этапом на пути к революции социалистической, поскольку буржуазия никаким образом не могла выразить мнение хоть какого-то большинства населения: «Таким образом, весь ход экономического развития страны подготовлял наступление революции и создавал объективные предпосылки для превращения буржуазно-демократической революции в социалистическую. Могучим ускорителем событий была мировая война»⁵.

Последняя фраза переводит нас на «второй уровень» причинно-следственных связей, приведших к революции. События империалистической войны, по мнению И.И. Минца, ускорили те тенденции, которые объективно вели к социалистической революции, т.е. к Октябрю. Прежде всего, это развитие государственного регулирования экономики. Война усилила и

¹ Там же. С. 84.

² Там же. С. 86.

³ Там же. С. 88-89.

⁴ Там же. С. 90-94.

⁵ Там же. С. 94.

экспансионизм иностранного капитала в России, уводя ее в «трясину экономической кабалы», прежде всего, от стран Антанты, включая США, и обостряя вопрос о суверенитете страны. Война также позволила выкристаллизовать политические позиции большевиков, которые смогли расширить свое влияние в массах и обозначить свою позицию в международном социалистическом движении, подготовить себя к революции. Помимо этого война позволила лишний раз подчеркнуть эгоизм, своекорыстие эксплуататорских классов¹.

«Третьим уровнем» рассуждений становится выведение непосредственных причин февральской революции, которые проистекали из обозначенных выше предпосылок. К таковым И.И. Минц относит человеческие жертвы, отражавшиеся на положении семей убитых солдат в тылу и развитии экономики; упадок сельского хозяйства, в т.ч. и из-за мобилизации скота; разорение части предпринимателей и снижение количества рабочих мест; перенапряжение экономики из-за перевода ее на военные рельсы, что, например, пагубно сказывалось на развитии механизации в деревне; деградацию транспорта до уровня угрозы логистического паралича. Страна приближалась к финансовому банкротству из-за роста военных кредитов, массового печатанья необеспеченных купюр и краткосрочных облигаций. С 1914 по начало 1917 г. государственный долг вырос с 8,8 до 33,6 млрд р., причем за январь – апрель 1917 г. еще до 40,4 млрд р. «Недоедание стало уделом огромной массы населения, а значительная часть трудящихся переживала форменный голод»². Продовольственный кризис уже в предреволюционные годы сопровождался голодными волнениями. Реальный заработок рабочих существенно снижался, деревня разорялась. Политический кризис сопровождался перестановками в министерстве и распутинщиной. «Царская Россия переживала *не временные затруднения, а всеобщий кризис* (выделено мной. – М.Р.), который ярко свидетельствовал о приближении революции»³.

Этот кризис вызвал «революционный кризис» уже осенью 1915 г., а в 1916 г. сложилась «революционная ситуация», выражавшаяся в росте: забастовочного движения (причем с политической мотивацией), пиком

¹ Там же. С. 95-275.

² Там же. С. 283.

³ Там же. С. 291.

которого стал октябрь; крестьянского движения, «перераставшего в революцию»; непопулярности царизма в армии; восстании в Средней Азии 1916 г. и других волнениях на национальных окраинах (наполненных социально-экономическим, но не этническим содержанием)¹.

В качестве основного «механизма» революции, позволившему ей сработать в феврале 1917 г., И.И. Минц предлагает считать деятельность большевиков и поведение пролетариата в союзе с бедной.

Однако, как уже отмечалось, в работе И.И. Минца Февральская революция представляла собой лишь промежуточный этап на пути к революции истинной – социалистической. Поэтому можно выделить еще один уровень причинности – «четвертый».

Существенную роль в этом уровне, обозначившем переход к Октябрьской революции, играет концепт нарастающего контрреволюционного заговора. По мнению И.И. Минца, вполне отражающему общие представления советской историографии, уже летом 1917 г. силы «буржуазно-помещичьей контрреволюции» попытались оказать давление на пролетариат, крестьянство, поставить под контроль армию, изолировать большевиков. Итогом этого стал не только июльский кризис, но и корниловщина, глава о которой называется «Буржуазия развязывает гражданскую войну». Причем, потерпев поражение, силы контрреволюции стали готовить «вторую корниловщину».

Идея «второй корниловщины» включала в себя не только подготовку военного контрреволюционного заговора, но и т.н. «экономическую корниловщину», т.е. *сознательную* деятельность помещиков и буржуазии по ухудшению хозяйственной ситуации и организации голода. Буржуазия блокировала восстановление транспорта, продолжала «налоговую стачку», отказалась финансировать продовольственные мероприятия правительства. Помещики и кулаки, в свою очередь, срывали поставки хлеба, надеясь на отмену твердых цен. «Все политика буржуазии была направлена на то, чтобы усилить голод в стране, довести народ до отчаяния», – заключает И.И. Минц². Голод использовался буржуазией для обвинений против продовольственных комитетов, прикрытия своих спекуляций хлебом. Еще одной стороной «экономической корниловщины» стали локауты, причем, по мысли исследователя, «капиталисты разрабатывали план всероссийского локаута, в

¹ Там же. С. 330-374.

² Минц И.И. История Великого Октября. – Изд. 2-е. – М.: Наука, 1977. – Т. 2. – С. 671.

ходе которого они предполагали прекратить производство по всей стране, выбросить на улицу миллионы рабочих и обречь десятки миллионов людей на вымирание»¹. Разумеется, организация голода и подготовка всеобщего локаута были направлены на удушение народного революционного движения и создание условий для нового контрреволюционного выступления.

В качестве ударной силы этого выступления рассматривались чехословацкий и польский корпуса, казаки, юнкеры. И.И. Минц полагал, что Л.Г. Корнилов вместе со своим «быховским штабом» и Временное правительство, по сути, находились в заговоре, поддержанные международным империализмом. Приводится также высказывание В.И. Ленина о том, что сентябрьское коалиционное правительство, в организации которого участвовали буржуазия и эсеро-меньшевики, было ничем иным, как «вторым корниловским заговором»².

С идеей контрреволюционного заговора связаны также несколько концептов, показывающих размах противоборства и необходимость октябрьского выступления.

Во-первых, это утверждение о потакании Временного правительства интересам буржуазии и помещиков. Принимаемые правительством постановления защищали частную собственность, привлекали к хлебозаготовкам частный капитал, давая хлебным спекулянтам преимущества перед кооперацией. Дооктябрьский период вообще именуется «диктатурой буржуазии»³.

Во-вторых, эсеры и меньшевики, активно участвовавшие в переговорах и государственной деятельности в это время, вступали в сговор с корниловцами и, одновременно, теряли поддержку масс, предавали их.

В-третьих, все время подчеркивается роль внешнего фактора – «международного империализма» в организации контрреволюционных заговоров (и первого, и второго). И.И. Минц называет империалистов «еще одним главным участником» «второй корниловщины»⁴. Государства Антанты оказывали на Временное правительство дипломатическое давление, требуя защиты имущества своих граждан в России, собирались прислать свои войска, обещали японцам приращения за счет русских территорий. Исследователь

¹ Там же. С. 675.

² Там же. С. 689.

³ Там же. С. 675, 688.

⁴ Там же. С. 690.

утверждает также, что страны Антанты и Центрального блока вступили на «путь сепаратных переговоров о заключении мира за счет России для борьбы с революцией»¹. Временное правительство прощупывало почву для сепаратных переговоров с Германией с той же целью.

В свою очередь, условия для социалистической революции зрели и с другой стороны баррикад. Росло стачечное движение, шла большевизация Советов и армии, начинались крестьянские восстания, обострялась борьба крестьянской бедноты против кулачества, возникали солдатские мятежи, усиливалось национально-освободительное движение. При этом Временное правительство всегда стремилось подавлять социальные выступления, что еще более углубляло конфликт народа с властью.

Раскалывались и «соглашательские» партии, из которых выделились организации левых эсеров и меньшевиков-интернационалистов. По утверждению И.И. Минца, прежние меньшевистские организации практически развалились. Распалась их коалиция с кадетами. Некоторые группы кадетов «давно махнули рукой на своих обанкротившихся союзников, требовали сплочения с монархистами, возлагали все надежды на иностранное вмешательство. Часть кадетов ждала спасения от англо-франко-американских империалистов. Другие предпочитали немцев, готовили сепаратный мир с Германией, чтобы обрушиться на революцию»².

Таким образом, причины непосредственно для октябрьского переворота заключались в кризисе правящих социальных и политических групп, копивших, впрочем, силы для подавления революции, и готовности трудящихся масс к социалистической революции. При этом И.И. Минц всемерно подчеркивает роль В.И. Ленина, как человека, который верно разглядел возможность для такой революции, «организовал и вдохновил» вооруженное восстание³.

В целом исследователем была создана довольно стройная концепция возникновения в стране причин для свержения царизма и реализации социалистической революции. Концепция включала четыре уровня причинности, которые совокупно усиливали друг друга. Среди них причины, сформировавшие условия непосредственно для Октября, являются важной, но всего лишь частью факторов победы революции. Это объясняет тот дисбаланс

¹ Там же. С. 695.

² Там же. С. 792.

³ Там же. С. 807.

рассуждений о причинах революции, который отмечается на основании изучения исследований местного, регионального уровня, где традиционные главы о бедственном социально-экономическом состоянии губернии или региона в целом перед Февралем не сопровождаются сходными главами по поводу причин Октября.

При этом работа И.И. Минца превосходно иллюстрирует важнейшее положение советской историографии о том, что ход истории шел не по направлению к Февралю, а по направлению к Октябрю. Все причины, формулировавшиеся в работе, это в реальности причины Великой Октябрьской социалистической революции. Февральская же революция в этой логике уничтожалась, лишалась особой причинностной субъектности. Понимание этого, как ни парадоксально, является вторым объяснением отсутствия практически во всех работах глав, отдельно посвященных причинам Октября.

* * *

Называя «Историю Великого Октября» И.И. Минца, наряду с известными монографиями Э.Н. Бурджалова, «классическими марксистскими работами», в которых присутствует «весь набор марксистско-ленинских клише о революции»¹, Б.Н. Миронов дает развернутую характеристику марксистско-ленинского подхода к выявлению причин революции 1917 года: «Согласно марксистско-ленинской концепции, главная и единственная предпосылка, или глубинная причина, российских революций начала XX в. состояла в конфликте между растущими производительными силами и сложившейся системой социальных отношений и учреждений. Обострение на этой объективной почве экономических, политических и иных противоречий, особенно же классовой борьбы между эксплуататорами и эксплуатируемыми, и привело к революции»². И: «позднеимперская Россия находилась в состоянии глобального системного кризиса, вызванного тем, что быстрое экономическое развитие по капиталистическому пути требовало адекватных социальных и политических реформ, а они не проводились. В результате этого возникло пресловутое несоответствие производительных сил и производственных отношений. Политическая и социальная структура общества устарели и, самое важное, не поддавались трансформации без революции. Старая элита была недееспособна;

¹ Миронов Б.Н. Благосостояние населения и революции... С. 663.

² Там же. С. 567.

население нищало, а огромное неравенство усугубляло проблему бедности; царизм не желал никаких реформ, а те, которые под давлением революционного движения проводились, стремился ликвидировать или, по крайней мере, затормозить их реализацию. Первая мировая война послужила только последним толчком, чтобы уничтожить прогнивший снизу доверху режим»¹.

Как видим, это обобщение (как, впрочем, любое обобщение) упрощает реальную картину. Международный фактор, которому придавал такое большое значение И.И. Минц, в обзоре Б.Н. Миронова практически отсутствует. Сложно здесь разглядеть и положения о злокозненности, вплоть до организации голода, буржуазии, и рассуждения о роли личности В.И. Ленина в истории². Можно также обратить внимание на то, что, позиционируя приведенное выше обобщение как взгляд на причины революции 1917 года вообще, Б.Н. Миронов говорит, прежде всего, о причинах Февраля, а целый блок причин Октября, по сути, пропущен. Понятно, что исследователь не ставил задачей проанализировать результаты исследований именно И.И. Минца, но в ссылке, которая должна подтвердить объективность приведенной выше (второй) цитаты, Б.Н. Миронов ссылается на советские работы по Февралю и Октябрю примерно в соотношении 50 на 50³. Подобное несоответствие вполне вписывается в сформулированное в первой главе положение о роли моральных императивов в исторических исследованиях: важнейшей идеей И.И. Минца было доказать историческую необходимость благотворного Октября, в то время как Б.Н. Миронов рассуждает о сомнительной целесообразности Февраля. Внешне объективные точки зрения, таким образом, в реальности наполнены эмоциями и вводят в заблуждение, предлагая одно и то же объяснение разным событиям. И.И. Минц в «Истории Октября» в действительности рассуждает и о

¹ Там же. С. 568.

² В какой-то мере эту картину дополняет обобщающее высказывание В.П. Булдакова: «В советской историографии проблема предпосылок революции занимала весьма существенное место. В соответствии с марксистско-ленинской доктриной основные («объективные») предпосылки революции связывались преимущественно с социальной сферой, отягощенной «феодальными пережитками» капиталистической экономики, противоречия которой резко обострились в так называемую эпоху империализма. Их дополнял «субъективный фактор», ограничиваемый, однако, ролью революционных сил». См.: «Круглый стол». Февральская революция 1917 г. в российской истории // Отечественная история. – 2007. – № 5. – С. 9.

³ Миронов Б.Н. Благополучие населения и революции... С. 663.

причинах Февраля. Б.Н. Миронов, критикуя марксистско-ленинскую концепцию, «обрубает» обобщающие положения советской историографии Февралем, предлагая, одновременно, считать их главными причинами и Октября тоже, что не верно.

2.3. Причины революции: от конкретики к теориям, от теорий к консенсусной среде

Советская историография породила важную традицию в изучении революции – использование применительно к объекту исследования теорий социального развития и, конкретнее, теорий революций. Марксистско-ленинские интерпретации, однако, сменились иными концепциями. С одной стороны, это дает более высокий уровень дискуссии, построенный на многообразии осмысления феномена. С другой же, создает трудности для простейшей систематизации знания о причинах революции, поскольку одни и те же факторы рассматриваются то как главные, то как второстепенные, а то и как вообще несущественные. Однако, в любом случае, использование теоретического потенциала различных наук выгодно отличает изучение революции от исследований гражданской войны, предпочитающей фактографию и обобщения первичного уровня. Попытаемся с помощью индуктивного метода проследить движение от понимания отдельных причин революции к теоретическим обобщениям и их границам.

Следует еще раз подчеркнуть, что отделить Февральскую и Октябрьскую революцию от понятия Великая российская революция в рассуждениях исследователей не всегда возможно. Общая тенденция такова, что, выводя причины революции, историки рассуждают то о революции вообще, то о Феврале, то о Феврале и Октябре как о совокупности. Эта тенденция нашла отражение в данном историографическом обзоре, где в виде табл. 1 приведены причины Великой российской революции и Февраля, который воспринимается в качестве начала этой революции. Далее отдельно идут причины Октября и общие рассуждения по этому поводу. Причины же Гражданской войны выделены в отдельный параграф и таблицу.

Причины революции 1917 г. в современной историографии

Обобщающее понятие	Причина революции	Источник
<p>Политический кризис</p>	<ul style="list-style-type: none"> - политика самодержавия не отвечала вызовам современности; - раскол элит: самодержавной власти и либеральной оппозиции; правительства и «образованного общества»; - политический кризис 1915 – 1916 гг. и последовавший за ним паралич государственной власти конца 1916 – начала 1917 г.; - целенаправленная деятельность либеральной политической оппозиции по подрыву авторитета самодержавия; - личный фактор: неготовность Николая II справиться с «небывальными потрясениями», отказался идти на уступки Думе, его «политическая бездарность»; - наличие политического заговора против Николая II: «Дума и либералы»; конкретно: А.И. Гучков, А.И. Коновалов, Н.В. Некрасов, М.И. Терещенко, М.М. Федоров, М.В. Родзянко, А.А. Бубликов; «заговор генералов», конкретно – М.В. Алексеев и др.; - деятельность левых партий против самодержавия, опирающихся на стихийное движение масс; - перепроизводство элиты. 	<p>9; 12, С. 4-5, 9; 13, С. 656-657; 14, С. 156-158; 16, С. 18-19, 21; 19, С. 143-144, 146-148, 151-152, 155-157.</p>
<p>Коммуникативный фактор</p>	<ul style="list-style-type: none"> - информационная война: целенаправленная деятельность политической оппозиции по подрыву авторитета самодержавия – манипуляция общественным сознанием (Миронов Б.Н.), доктринальное «разжигание» настроений толпы интеллигенцией (Булдаков В.П.); - десакрализация власти в массовом сознании; - особенности политической культуры России: разговор народа и власти «на разных языках» как системная характеристика российского общества; - результат государственной пропаганды: высоко подняв градус патриотизма, власть способствовала коллективному разочарованию в ней после военных неудач; 	<p>2, С. 694-695; 4, С. 666, 671; 11; 13, С. 643-644; 14, С. 156-161; 16, С. 21.</p>

	- слухи как катализатор народного недовольства и «самосбывающееся пророчество» (разжигание агрессии, аффектов толпы массовыми фобиями);	
Социокультурный и политико-культурный фактор	<ul style="list-style-type: none"> - разрыв культуры власти и населения (т.е. «по вертикали»): враждебность традиционалистского сознания модернизации, проводимой властью; - культурный разрыв внутри различных социальных групп (т.е. «по горизонтали») – нарастание взаимной враждебности, отчужденности в обществе; раскол «городской» и «сельской» культуры, усугубленный модернизацией; - наличие «культуры взрыва», эпилептоидного типа социального поведения у населения из-за невозможности государства осуществлять планомерное дисциплинирующее насилие и культурный диктат; - десакрализация действующей власти, кризис патриархальной политической культуры; - отсутствие реалистичных альтернатив сложившейся политической и социально-экономической ситуации: конкуренция «консервативной» и «социалистической» утопий; - наличие развитой контркультуры политического «подполья»; - отсутствие поддержки самодержавия со стороны его традиционных социальных институтов: дворянства и церкви; - отсутствие гражданского общества, стремление всех социальных групп решить свои бытовые проблемы за счет государства 	1, С. 186; 3, С. 189; 4, С. 666, 669; 6, С. 483; 8; 9; 10; 13, С. 643-644.
Социально-экономический кризис	<ul style="list-style-type: none"> - последствия модернизации: неудовлетворенность части населения достигнутым уровнем жизни при значительном росте экономики («относительная депривация»); психологический дискомфорт населения от быстрых изменений; раскол «городской» и «сельской» культуры; маргинализация населения - угасание гражданского сектора экономики в годы мировой войны; - высокая концентрация рабочих, при общей враждебности их к самодержавию; - аграрный вопрос: низкий уровень жизни крестьянства; 	3, С. 193; 9; 13, С. 641; 14, С. 156; 15, С. 67-75, 139; 16, С. 16-19; 19, С. 144-146, 148-149.

	- снижение уровня потребления из-за демографического роста при голодном экспорте, экосоциальный кризис;	
Социально-политический кризис	- невозможность для власти удовлетворить социальные ожидания рабочих и крестьян; - перепроизводство элиты; - национальный вопрос: депортации немцев, евреев, «национализация» империи в годы мировой войны обострили несущественную для империи национальную проблему (Б.Н. Миронов); изначальное стремление к национальной автономии или отделению;	13, С. 641; 16, С. 18-19; 17, С. 21-22; 18; 19, С. 149.
Социальный кризис	- маргинализация населения вследствие модернизации общества (аграрного реформирования, урбанизации) и мировой войны; - ювенализация населения; - демографический взрыв;	3, С. 193; 4, С. 671-672; 15, С. 67-75, 139; 19, С. 146.
Влияние мировой войны	- кризис и паралич государственной власти; - война расшатала политические позиции самодержавия и усилила оппозицию, активизировала массовые разрушительные импульсы в условиях распадающейся социально-патерналистской системы; - ухудшение уровня жизни; угасание гражданского сектора экономики при росте городского населения из-за временных мигрантов (солдат, раненых, беженцев, военнопленных) создавало ситуацию дефицита и угрозу голода; - маргинализация населения; - финансовое банкротство к началу 1917 г.; - военные поражения, грядущий проигрыш в войне; - результат государственной пропаганды: высоко подняв градус патриотизма, власть способствовала коллективному разочарованию в ней после военных неудач и попытке новой патриотической мобилизации в 1917 г.; - активизация слухов на почве фобий, общее эмоционально-нервное состояние общества как результат мобилизаций и поражений на фронтах; - активизация националистической политики на национальных окраинах;	2, С. 964-965; 3, С. 193; 4, С. 671; 5, С. 698; 7, С. 43; 9; 12, С. 8; 14, С. 159-161, 167.
Внешнеполитический фактор	Рост отставания и зависимости от важнейших геостратегических противников	19, С. 148.

Источники:

1. Аксёнов В.Б. Рецензия на: Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. 1917 год. Элиты и толпы: культурные ландшафты русской революции. – М.: Истлит, 2017. – 624 с. // Вестник ТвГУ. Серия «История». – 2018. – № 4.
2. Аксёнов В.Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914 – 1918). – М.: Новое литературное обозрение, 2020.
3. Булдаков В.П. Еще раз об «успешной» империи. Рец. на: Российская империя между реформами и революциями, 1906–1916. Коллективная монография / под ред. А.И. Миллера и К.А. Соловьева. – М. : Квадрига, 2021. – 792 с. // Российская история. – 2022. – № 1.
4. Булдаков В.П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. – М.: РОССПЭН, 2010. – 2-е изд.
5. Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию. – М.: Новый хронограф, 2015.
6. Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. 1917 год. Элиты и толпы: культурные ландшафты русской революции. – М.: Истлит, 2017.
7. Давыдов М.А. О проблемах российской модернизации // Российская история. – 2018. – № 3.
8. Давыдов М.А. Цена утопии: история российской модернизации. – М.: Новое литературное обозрение, 2022.
9. Земцов Б.Н. Социально-психологические предпосылки революции 1917 г. в России. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. – М., 1999.
10. Колоницкий Б.И. Товарищ Керенский: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа»: март – июнь 1917 года. – М.: Новое литературное обозрение, 2017.
11. Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой Мировой войны. – М.: Новое лит. обозрение, 2010.
12. «Круглый стол». Февральская революция 1917 г. в российской истории // Отечественная история. – 2007. – № 5.
13. Миронов Б.Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVII – начало XX века. – М. : Весь мир, 2012;
14. Миронов Б.Н. Российская модернизация и революция. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2019.
15. Нефёдов С. А. Уровень жизни населения и аграрное развитие России в 1900-1940 годах. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2017.
16. О причинах Русской революции / Отв. ред. Л.Е. Гринин [и др.]. – М.: Издательство ЛКИ, 2014.
17. Солдатенко В.Ф. Украина в водовороте внешнеполитических альтернатив. Исторический экскурс в 1917-1922 годы. – М.; Берлин: Директмедиа Паблишинг, 2022.
18. Солдатенко В.Ф. Феномен украинской революции // Российская история. – 2009. – № 1.
19. Февральская революция 1917 года: проблемы истории и историографии: сб. докл. международной науч. конф. /отв. редактор проф. В.В. Калашников; под ред. Д.Н. Меньшикова. – СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2017.

Приведенная выше таблица показывает, насколько меньшее внимание уделяется современной историографией социально-экономическим причинам революции по сравнению с исследованиями советского времени. Впрочем, как будет показано ниже, один из наиболее острых споров происходит именно в области определения примата социально-экономических и политических

причин в происхождении Февраля 1917 года. Внешний фактор представлен, в основном, влиянием Первой мировой войны. Современные исследователи меньше всего склонны видеть в качестве причин революции интриги представителей иностранных держав, а также ответом на внешнеполитический вызов превращения России в полуколонии стран Антанты. При этом не исключается наличие внутреннего заговора в широком (либеральная оппозиция vs самодержавная власть) и узком (заговор конкретной группы лиц) смыслах, как решающего фактора в событиях конца февраля – начала марта 1917 г.

Представляется, что на современные представления о причинности огромное влияние оказали те области научного знания, которые говорят о роли различных элементов ментальности, языка и социальной психологии в создании побудительных мотивов для революции. Борьба традиционализма и модерна, несоответствие уровня жизни массовым и индивидуальным ожиданиям, социокультурные расколы разной направленности, особенности политической культуры российского общества, роль коммуникативных практик, социальных и политических образов – все это области исследования, не характерные для советской историографии. В то же время рядом исследователей именно им придается решающее значение в реализации революционной ситуации.

Учитывая современные мейнстримные представления о «катастрофичности» или «необязательности» Февраля 1917 года, а также обозначенную выше тенденцию советской историографии объединять причины Февраля и Октября в единый причинно-следственный комплекс вызревания социалистической революции, неудивительным выглядит незначительное количество работ, посвященных причинам собственно Октября. Удивительным выглядит другое – многие современные авторы с пониманием относятся к тем серьезным проблемам, которые испытывали почти все социальные категории в Российской империи, в общем позитивно относятся к необходимости демократизации, которую потенциально обещала и отчасти дала Февральская революция, но при этом лишают Октябрь, перечеркнувший многое из того, что принято называть демократией, а также по своему, зачастую катастрофично, решавший социальные проблемы империи, особой, ярко выраженной причинности. Получается, что произошла подмена понятий – если ранее четкой субъектности, а, следовательно, – причинности, был лишен Февраль, то в современной историографии – Октябрь. С другой стороны, учитывая трагический пафос многих исследований о революции и гражданской войне в

России, нельзя ли говорить о том, что Октябрь не обладает ярко выраженной субъектностью вне контекста причин последовавшей за ним гражданской войны?¹

Высказанное обобщение следует принимать с долей условности. Так, крупный уральский исследователь М.А. Фельдман в статье 2012 года отмечает: «Многое в отношении общего и специфического в событиях 1917 г. прояснится, если верно сопоставить понятия “октябрьский переворот” и “октябрьская революция”. Вооруженный захват власти в Петрограде 25 октября 1917 г. действительно может быть назван переворотом, но он – только частное событие, проявление того грандиозного, противоречивого, переломного процесса, каким стала революция в России. В такой постановке вопроса становится видна подлинная роль социальных слоев, поверивших лозунгам большевиков и левых эсеров и поддержавших власть Советов. В этой связи обоснованным представляется суждение о классификации событий октября 1917 г. – весны 1918 г. как леворадикальной революции...»².

Выявление причин Октября наталкивается на проблему дезинтегрированности информации. В современной историографии нет ни одной обобщающей работы, в которой мнение исторического сообщества было бы полно представлено по этому вопросу. В целом, как представляется, большинство исследователей опирается на идею усугубления в период с марта по октябрь 1917 г. причин, вызвавших Февраль. Признается также наличие отдельных самостоятельных факторов, возникших уже в указанный период. Исследователи полагают, что:

1. Временное правительство не решило возникшие перед ним проблемы: продолжило участие в мировой войне, очевидно ведя страну к поражению; не справилось с нараставшим крестьянским движением, экономическим (в т.ч. продовольственным) кризисом; не разрешило проблему собственной

¹ Здесь уместно сослаться на высказывание Л.Г. Протасова: «В иерархии причин – объективных и субъективных, долгосрочных и сиюминутных, структурных и случайных, – обусловивших Октябрь именно как *национальную катастрофу (а не прорыв в царство социальной справедливости)*, ведущее место заняла Первая мировая война, заставшая Россию в состоянии исторического транзита, неустойчивого социального равновесия» (выделено мной. – М.Р.). См.: Российские революции: 90 лет спустя. «Круглый стол» в Институте российской истории РАН // Отечественная история. – 2008. – № 6. – С. 169.

² См.: Фельдман М.А. Была ли Октябрьская революция 1917 года пролетарской? (проблемы истории и историографии) // Общественные науки и современность. – 2012. – № 5. – С. 119.

легитимности и упустило возможность быстрого созыва Учредительного собрания; попустительствовало радикалам¹;

2. Пришедшие к власти революционные группы либералов и социалистов были разобщены, неспособны договариваться, чему препятствовала конкуренция «либеральной» и «социалистической» утопий, доминирование социалистической политической культуры²;

3. Культурно-идеологический и нормативный кризис: ущербность, «утопичность» революционных идеологий, несоответствие их текущему моменту; процесс секуляризации общественного сознания, утрата значения связующих христианских ценностей; конфликт между позитивным (действующим) правом и правосознанием (нравственностью), терпимое отношение интеллигенции к правовому нигилизму³;

4. Растущая поляризация общества и социально-политических элит: усиление позиций ультрарадикалов (большевиков, левых эсеров), складывание социально-политических сил, первичных элементов программы будущей белой «контрреволюции»⁴;

5. Ярko проявился личностный фактор, феномен «вождизма», истоки которого исследователи видят и в архаизации массового сознания, и в «исторической гениальности» ряда политических деятелей, умевших предложить то, что нужно подавляющему большинству или сконструировать, подобно современным имиджмейкерам, свой политический образ; и в тех ошибках, которые политические вожди допускали⁵;

¹ Февральская революция 1917 года: проблемы истории и историографии: сб. докл. международной науч. конф. /отв. ред. В.В. Калашников. – СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ». – С. 163-165.

² Там же. С. 165, 167-168; «Круглый стол». Февральская революция 1917 г.... С. 21-22.

³ Февральская революция 1917 года: проблемы истории и историографии... С. 167; Российские революции: 90 лет спустя. «Круглый стол»... С. 193-202; Булдаков В.П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. – М.: РОССПЭН, 2010. – 2-е изд. – С. 70-93;

⁴ Цветков В.Ж. Белое дело в России: 1917-1919 гг. – М.: Яуза-Каталог, 2019. – С. 102; Колоницкий Б.И. Политическая культура России и гражданская война... С. 71.

⁵ О причинах Русской революции / Отв. ред. Л.Е. Гринин [и др.]. – М.: Издательство ЛКИ, 2014. – С. 20-21; Колоницкий Б.И. Товарищ Керенский: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа»: март – июнь 1917 года. – М.: Новое литературное обозрение, 2017. – 511 с.; Булдаков В.П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. – М.: РОССПЭН, 2010. – 2-е изд. – С. 391-424; «Круглый стол».

6. Первая мировая война застала страну в ситуации «исторического транзита», обеспечив катастрофичность сценария развития событий, а также напрямую влияла на поляризацию общества¹.

Проведенное недавно исследование историографической ситуации второй половины 1980-х – 1990-х гг. по поводу возможностей социально-политического диалога к осени 1917 г. рисует нам сходную картину. Согласно собранным данным, получается, что надежды на социалистическое единство разбились о фактическое отсутствие такого единства, коалиция либералов с социалистами также была признана нежизнеспособной. Деятельность лидеров, выступавших с примирительных позиций, нейтрализовалась их антиподами, а также личными амбициями и приверженностью доктринам. Идеологии, которые должны были вести население к различным вариантам более справедливого и свободного общества, воспринимались либо превратно, либо узкосоциально. Кроме того, они были «заражены» идеей насилия. Выжидательные настроения, нежелание обострять ситуацию уперлись в стремление Временного правительства подмять под себя все общественные организации при провалах попыток укрепления своего авторитета. Наконец, инерция общества, не желавшего вступать в кровавый конфликт, быстро расшатывалась сначала полным непониманием захвативших власть революционеров истинных народных чаяний, а затем сознательно разрушалась большевиками².

Таким образом, получается, что современные представления о комплексе причин Октября сложились в основном в конце 1980-х – 1990-х гг. и в последующий период подверглась лишь некоторым уточнениям и дополнениям. При всех отличиях от советской картины причинности, к которым, несомненно, стоит отнести оценочные характеристики и внимание к

Февральская революция... С. 20; Российские революции: 90 лет спустя. «Круглый стол»... С. 187-192.

¹ Февральская революция 1917 года: проблемы истории и историографии... С. 167-168; Российские революции: 90 лет спустя. «Круглый стол»... С. 169.

² Разиньков М.Е. Историография второй половины 1980-х – 1990-х гг. о социально-политическом сотрудничестве в революции 1917 года // Вопросы истории. – 2020. – № 11-1. – С. 122-126; Разиньков М.Е., Морозова О.М. Социально-политический диалог в России (1917–1918 гг.): тенденции, механизм, региональные особенности. – М.: Квадрига, 2021. – С. 39-57.

«психологии»¹ (в действительности к широкому кругу вопросов, который можно обозначить как «культурно-идеологический и нормативный кризис»), современные представления роднит с ней примат политических составляющих, что, собственно, и позволяет определять Октябрь как «политическую революцию» или «переворот» в отличие от «Большой» революции, неважно каких хронологических границ (1917 – 1918 или 1917 – 1922 гг.).

Среди несомненных уязвимых мест такого подхода – недостаточное внимание к фактору дефицита и возможного голода, на которых, между прочим, строили свои рассуждения не только советские историки, но и П. Сорокин; недоучет возможности свержения Временного правительства правыми силами; сведение внешних причин к проигрываемой Первой мировой войне, исключив из рассуждений дипломатические интриги и иностранное финансирование. Последний фактор, правда, периодически всплывает в форме дебатов о «германских деньгах» большевиков, но обычно решается в отрицательном ключе². Кроме того, Октябрьскую революцию не следует рассматривать как единовременное событие, датируемое 25 октября по старому стилю. Как и любое большое общественное явление, она растянута во времени, включая в качестве этапных событий и историю Учредительного собрания, и Брестский мир, и, вероятно, победу большевиков в первой «малой» гражданской войне 1917/18 гг. внутри России, и их же коллапс на национальных окраинах.

«Политическую» картину причин Октября неустанно критикует В.П. Булдаков, полагающий, что в основе Октябрьской революции и последовавших за ней событий лежало «восстание масс», носившее психопатологический характер, обусловленное ужасом и вседозволенностью в условиях распадающейся патерналистской имперской системы и, в связи с этим, слабо подверженное «политико-манипулятивному» воздействию. «Так случается во всех революциях: политическое господство доктринеров оказывается иллюзорным, пассионарии физически выбывают из игры,

¹ Фельдман М.А. Была ли Октябрьская революция 1917 года пролетарской? ... С. 115.

² См., например: Старцев В.И. Немецкие деньги и русская революция: ненаписанный роман Фердинанда Оссендовского. – 3-е изд. – СПб.: Крига, 2006. – 288 с. В пользу немецкого финансирования российского революционного движения и конкретно большевиков выступает крупный современный исследователь-германист Л.В. Ланник. Однако его высказывания в прессе и на интернет-каналах пока не подкреплены специальным научным исследованием.

человеческая масса заставит оставшихся из числа тех и других придерживаться той схемы власти-подчинения, которая понятна ей самой. Ни один революционный проект не осуществим в соответствии со своим замыслом: по определению он не способен учитывать факторы и степень архаизации социальной жизни», – пишет В.П. Булдаков¹.

В завершение следует отметить и наличие конкурирующих (а отчасти и взаимодополняющих) концептов причинности, истекающих из понимания единовременной множественности революций и, как следствие, разнообразия их логики. Речь идет о концептах «общинной» и «национальных» революций.

В первом случае усиливается значение социальных и социально-экономических причин, причем слияние большевистской (городской, «пролетарской», «солдатской») революции с крестьянской традиционалистской, стало, по мнению крестьяноведов, важнейшим, если не главным, фактором победы большевиков (в реальности – большевиков и представителей «левой коалиции», куда входили и левые эсеры) в конце 1917 года. Солдатские массы при этом (в т.ч. по советской традиции) считаются «крестьянами в шинелях». Важнейшим постулатом концепции «общинной революции» является утверждение о конечной победе ее к началу 1920-х гг., выразившемуся не только в полном разделе земли между крестьянами и реанимацией общины, но и в уступках со стороны большевиков (нэп)².

В случае же развития концепций «национальных» революций или национально-освободительных войн, на первый план выходят социально-этнические и политико-этнические факторы. Им придается настолько большое значение, что вызывает упреки в гиперболизации и неисторичности³.

¹ Булдаков В.П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. – М.: РОССПЭН, 2010. – 2-е изд. – С. 628.

² Шанин Т. Революция как момент истины: Россия 1905-1907 гг. → 1917-1922 гг. – М. Весь мир, 1997. – 554 с.; Люкшин Д.И. Вторая русская смута: крестьянское измерение. – М.: АИРО-XXI, 2006. – 144 с.; Он же. Коммунары поневоле: общинная революция в драматургии Второй русской смуты. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2017. – 212 с.; Кондрашин В.В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. – М.: РОССПЭН, 2009. – 575 с.; Он же. Отечественная и зарубежная историография крестьянского повстанческого движения в России в годы гражданской войны // Крестьянский фронт 1918 – 1922 гг. Сб. / Под ред. А. В. Посадского. – М.: АИРО-XXI, 2013. – С. 24-47; Посадский А.В. Зеленое движение в Гражданской войне в России: крестьянский фронт между красными и белыми, 1918-1922 гг. – М.: Центрполиграф, 2018. – 318 с.

³ Солдатенко В.Ф. Феномен украинской революции // Российская история. – 2009. – № 1. – С. 43.

Кстати, как представляется, эти факторы, напротив, недоучтены в картине общероссийской революции. Насколько она была «русской» и насколько современная историография отделяет понятие «российский» и «русский» с точки зрения причинности, движущих сил Февраля, Октября, да и гражданской войны тоже? Обычно роль национального фактора рисуется по нарастающей – от незначительного для империи, до усиливающегося, но все же второстепенного, к Октябрю, и важнейшего в годы гражданской войны. Однако в данном случае имеется в виду не русские, а все прочие народы. Понятие же «русский», как представляется, подменяется отчасти понятием «имперский», соответственно Российская империя в отечественной историографии имплицитно предстает как «царство русских», но сама революция 1917 года (ни Февраль, ни Октябрь) никак не анализируется с точки зрения соответствия их причин, задач и результатов интересам русского народа (в т.ч. на национальных окраинах).

* * *

Настоящую энциклопедию теоретических подходов, применяющихся к российской революции, дает Б.Н. Миронов, при этом сам автор склоняется к выводам теории относительной депривации и политическим теориям объяснения причин российской революции 1917 года¹. Не отрицая наличия серьезных проблем в развитии России, как до 1914 года, так и после, исследователь полагает, что все они более-менее успешно решались, и что в обрушении монархии большую роль сыграла политическая кампания либерально-радикальной оппозиции.

Прямыми оппонентами Б.Н. Миронова выступают С.А. Нефедов и В.П. Булдаков. Первый, используя структурно-демографическую (в т.ч. идею «молодежного бугра») и мальтузианскую концепции революции, доказывает примат социальных (перенаселение), социально-экономических и экосоциальных причин революции. Второй обращается к синергетике, определяя революцию 1917 г. (наряду со Смутой начала XVII века) как «синергетический (а не линейный) процесс самосохранения сложноорганизованной имперской системы... То, что кажется цивилизационной катастрофой, на деле может быть проявлением естественного

¹ Миронов Б.Н. Благополучие населения и революции... С. 563-660.

развития цивилизации...»¹. В последнем случае поиск в исследовании причин революции затрудняется, поскольку автор принципиально отстаивает идею нелогичности выбора, нелинейности развития «вошедшей в штопор» империи, хотя в его исследованиях присутствует практически весь характерный для современного этапа историографии комплекс социальных, политических и прочих конфликтогенных проблем, характерных для эпохи последних Романовых.

Спор, давно вышедший за рамки академического, сопровождается признаниями авторов в эмоционально-личностном подходе к объекту своего исследования². Он также исходит из принципиальных расхождений, связанных с историософствованием, где-то имплицитным (как у Миронова), а где-то вполне эксплицитным (как у Булдакова). Рецензируя одну из работ В.П. Булдакова, В.Б. Аксенов отмечает: «Следует заметить, что исследование Булдакова и Леонтьевой можно отнести к историософии: в нём на громадном фактическом материале поднимаются глубинные темы, раскрывающие природу исторических процессов, а также явно ощущается авторская рефлексия на тему катаклизмов XX в., с помощью которой происходит и некоторая интерпретация современности»³. Утверждая, что кризисы – это «естественная форма пространственно-временного существования России»⁴, В.П. Булдаков склоняется к мысли, что «россиянин – это эпилептоид, т. е. этнокультурный тип, в попытках целостного и мгновенного охвата пространства и времени привыкший опираться не на логику, а на мислеобраз, а потому склонный к замедленной реакции на “мелкие” внешние раздражители и, соответственно, конденсирующий в себе взрывоопасный заряд психической энергии»⁵. В рассуждениях исследователь много уделяет внимание феноменологии Российской империи, социокультурному расколу, психоментальности. В свою

¹ Российские революции: 90 лет спустя. «Круглый стол»... С. 173.

² См., например: Миронов Б.Н. Страсти по революции... С. 11-12. Вся книга может служить примером такого личностного подхода, равно как и «Красная смута» В.П. Булдакова.

³ Аксёнов В.Б. Рецензия на: Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. 1917 год. Элиты и толпы: культурные ландшафты русской революции. – М.: Истлит, 2017. – 624 с. // Вестник ТвГУ. Серия «История». – 2018. – № 4. – С. 192-193.

⁴ Булдаков В.П. Quo vadis? Кризисы в России: пути переосмысления. – М.: РОССПЭН, 2007. – С. 75. См. также Булдаков В.П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. – М.: РОССПЭН, 2010. – 2-е изд. – С. 661, 668.

⁵ Булдаков В.П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. – М.: РОССПЭН, 2010. – 2-е изд. – С. 665-666.

очередь, критикующий синергетический подход Б.Н. Миронов, едко отмечает: «я затрудняюсь оценить гомоэнергетическое истощение этнического ядра империи или степень “симфонизма” священства и царства»¹. Однако и его исследования содержат элемент историософии – автор настойчиво утверждает тезис о поступательном развитии Российской империи, отрицая тезис о ее «природной» кризисности.

Яркое высказывание по поводу необходимости поиска причин революции 1917 г. и роли историософского осмысления событий находим у А.Н. Боханова: «На мой взгляд, простой анализ причин, движущих сил, следствий Февральской революции сейчас не очень интересен и не слишком конструктивен, потому что о ней известно все или почти все. Никаких новых комплексов документов, материалов, каких-то исследований, которые перевернули бы наше представление о революции, думаю, в обращение уже не поступит. Наступило время историософского осмысления тех событий. Потому что в едином пространстве и времени нашей истории Февральская революция занимает очень важное и совершенно особое место. Потому что другие революции, как правило, это всегда прорыв. Русская же революция оказалась провалом»².

В действительности практически каждый крупный исследователь опирается, сознательно или подсознательно, на определенные историософские теории. Философская рефлексия по поводу событий истории России первой четверти XX века порождает и порождает талантливые обобщения, будь то работы А.С. Ахиезера или А.И. Солженицына, либо же рассуждения митрополита Тихона (Шевкунова). Представляется, что конкретно для исторической науки историософский импульс обсуждения темы придала деятельность А.Н. Медушевского на посту главного редактора журнала «Российская история» (2007 – 2012). Впрочем, возможно, историософствование и дебаты вокруг обобщающих философских выводов связаны с ограниченностью познания прошлого: «слабостью» человека, связанной с неподъемным документальным материалом, отсутствием достаточного времени, сил, наконец, протяженностью человеческой жизни. Дебаты, возникающие вокруг нашей темы, продуктивны до тех пор, пока не заводят в тупик полярности позиций, а, порой, и личных обид. Именно поэтому важно

¹ Миронов Б.Н. Благосостояние населения и революции... С. 565.

² «Круглый стол». Февральская революция 1917 г... С. 7.

выяснить консенсусные позиции современной историографии, а также еще раз подчеркнуть зоны полярности.

* * *

Данные о консенсусных позициях в историографии можно выделить, по крайней мере, из двух источников. В первом случае, это результаты анкетирования 25 исследователей, проведенное к 100-летней годовщине Февральской революции. Во втором – анализ утверждений наиболее значительных обобщающих работ по теме, опубликованных в 2000-е – 2020-е гг. Каждый из этих источников, однако, не лишен недостатков. В случае со сборником анкет налицо произвольная выборка исследователей, куда не попали, например, крестьяноведы или специалисты по национальной истории, что предопределило полученный материал. При анализе обобщающих работ главным ограничением выступает, пожалуй, авторская (моя) субъективность отбора таковых.

Вначале обратимся к результатам анкетного опроса.

Определяя «самую острую и опасную для политической стабильности страны» проблему России, 10 исследователей (40 %) выбрали ответ о проблемах самодержавной власти и участия в ней либералов, 4 (16 %) – рабочий вопрос, 3 (12 %) – крестьянский вопрос. Характерно, что «национальный вопрос», как острейшую проблему не выбрал никто, хотя ряд авторов подчеркнули его значимость. О значении комплексной совокупности проблем высказались 8 (32 %) опрошенных.

Отвечая на вопрос о роли Первой мировой войны как важнейшем факторе, приведшем к революции, 7 исследователей (28 %) высказались о том, что она сделала последнюю «неизбежной», еще 17 (68 %), что – «весьма вероятной».

«Главными виновниками» Февраля 16 авторов (64 %) назвали «царя и правительство», 3 (12 %) «Думу и либералов», только 1 (4 %) – социалистические партии, еще 10 (40 %) заявили о необходимости рассматривать все факторы в комплексе.

При этом политической силой, приведшей к падению самодержавия, 6 исследователей (24 %) назвали думских лидеров и либеральные круги, 4 (16 %) – генералитет, 4 (16 %) – левые партии и стихийное движение рабочих, 14 (56 %) – комплекс всех этих и некоторых других факторов.

Таким образом, при достаточно высоком значении комплексного подхода, в пользу которого высказалось от 32 до 56 % опрошенных, общая причинная совокупность сводится к политическим факторам, связанным с политикой власти и борьбой между различными элитарными, в т.ч. партийными, группами, и внешнему влиянию в лице мировой войны.

Последние два вопроса, касающиеся перспектив развития Февральской революции, продолжили указанные тенденции. Так, отсутствие решения аграрного вопроса как главную «ошибку» Временного правительства определил только 1 опрошенный (4 %), а вот отсутствие решения вопроса о мире – уже 7 (28 %; правда, пятеро из них были иностранными исследователями). 17 (68 %) высказались за необходимость комплексного определения причин падения Временного правительства. При этом 21 исследователь (84 %) заявили о невозможности или незначительных шансах сохранения либерального характера революции, т.е. по сути подтвердили тезис марксистско-ленинской концепции о перерастании либеральной революции в социалистическую (правда, в данном случае, речь идет не о социальной революции, а о политической ее составляющей).

В целом же результаты опроса выглядят как апология комплексному подходу исследования причин революции, и ее углубления в виде Октября, но с уклоном на определение примата внутривнутриполитических и военных причин как Февраля, так, видимо, и Октября.

Интересно, однако, что Февральскую революцию как «исторически необходимое событие» определили 13 исследователей, т.е. 52 %, а как «исторически ненужное» – всего 1 (4 %). Таким образом, «вариант Б.Н. Миронова» о высоких потенциальных возможностях развития Российской империи открытой поддержки не получил¹.

Заявления о необходимости изучения комплекса причин революции являются, несомненно, проявлением стремления исследователей к консенсусу. Тем более удивительными выглядят непримиримые дискуссии теоретиков, утверждающих тезис о ключевом характере одного-двух факторов, т.е. исключительном значении узкого набора конкретных причин.

Вместе с тем, определенный консенсус можно проследить и здесь. Практически все, кто оперирует теоретическими построениями, связывают

¹Февральская революция 1917 года: проблемы истории и историографии... С. 139-142.

формирование причинностной совокупности революции 1917 года (да и гражданской войны) с модернизацией империи.

«Модернизация в России протекала неравномерно, в различной степени охватывая экономические, социальные, этнические, территориальные сегменты общества. Наблюдались побочные разрушительные последствия в форме роста социальной напряженности, девиантности, насилия, преступности и т. д. На этой основе возникали серьезные противоречия и конфликты между отраслями производства, социальными слоями, территориальными и национальными сообществами», – пишет Б.Н. Миронов¹.

«Подводя итоги, можно охарактеризовать российский революционный кризис 1905 – 1921 гг., как кризис начальной модернизации», – отмечает С.А. Нефедов². Параграф «Красной смуты» В.П. Булдакова, который обрисовывает ту же совокупность социально-экономических проблем, носит характерное название «Модернизация и война».

Что немаловажно, авторы с пониманием относятся к правительственной политике, полагая, что оно предпринимало усилия для решения складывавшейся непростой ситуации. Однако взгляды их не вполне однородны. Близкие к апологетике высказывания Б.Н. Миронова соседствуют с положениями С.А. Нефедова о голодном экспорте, но, одновременно, и высказываниями о том, что «перемены к лучшему уже начались»³, а также в общем-то критическим настроем В.П. Булдакова.

Особое значение придается Первой мировой войне.

«Для государства, находящегося в неустойчивом состоянии стагфляции, любая война сопряжена со смертельным риском. Социальное напряжение в России было столь велико, что поражение где-то на Дальнем Востоке спустило пружину первой русской революции 1905 – 1907 гг. Естественно, что вторжение неприятельских армий в Европейскую Россию в 1914 – 1917 гг. должно было вызвать вторую, более мощную, революцию, которая и разрушила существовавшую социальную систему», – отмечает С.А. Нефедов⁴.

«Настоящие факторы революции 1917 г. стали формироваться лишь по мере вовлечения России в мировую войну, в связи с квазирелигиозной реакцией

¹ Миронов Б.Н. Благополучие населения и революции... С. 647.

² Нефедов С.А. Об экономических предпосылках русской революции // *Общественные науки и современность*. – 2005. – № 3. – С. 95.

³ Там же. С. 92, 95.

⁴ Там же. С. 95.

на ее тяготы», – пишет В.П. Булдаков¹. Стремясь объединить это положение с фактором модернизации, он заключает: «В сущности, все новейшие беды России связаны с тем, что ее социокультурное распадение на “город” и “деревню” стало к началу XX в. болезненно заметным на бытовом уровне, а война усилила персональную человеческую остроту этого ощущения. Галопирующая маргинализация (выпадение из без того разрушающихся сословных границ традиционных социумов) довершила дело»².

«Именно неудачная для России Первая мировая война расшатала власть, дисциплину и общественный порядок, породила материальные трудности, позволила выйти наружу социальным противоречиям, которые до войны, хотя и с большим трудом, удерживались в определенных границах. Война также дала возможность радикальным партиям спекулировать на трудностях и агитировать в пользу революции. Война стала также экологической катастрофой: она сорвала со своих мест миллионы людей, превратив империю “в океан беженцев”, борющихся за выживание с более устроенной частью населения», – пишет Б.Н. Миронов³.

Вспомним также, в общем-то, единодушное заявление участников анкетирования о решающем значении мировой войны в начале революции, и консенсусная «связка» – модернизация/война/начало революции – станет очевидной.

Констатируя эту консенсусную совокупность, проще увидеть точки расхождения. Для Б.Н. Миронова трудности модернизации и войны не были обязательными причинами революции. Как уже говорилось, гораздо большее значение в реализации Февраля он придает политическому заговору или, более широко, информационной войне оппозиции против самодержавия⁴. Исходя из

¹ Булдаков В.П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. – М.: РОССПЭН, 2010. – 2-е изд. – С. 24.

² Там же. С. 29.

³ Миронов Б.Н. Благополучие населения и революции... С. 646-647.

⁴ Со взглядами Б.Н. Миронова смыкаются идеи, высказанные в сборнике: Миллер А.И., Российская империя между реформами и революциями, 1906–1916. Коллективная монография / под ред. А.И. Миллера и К.А. Соловьева. – М.: Квадрига, 2021, в которых, по сути, говорится об отсутствии для революции существенных экономических причин. Об этом же: Булдаков В.П. Еще раз об «успешной» империи. Рец. на: Российская империя между реформами и революциями, 1906–1916. Коллективная монография / под ред. А.И. Миллера и К.А. Соловьева. – М.: Квадрига, 2021. – 792 с. // Российская история. – 2022. – № 1. – С. 195.

подхода Б.Н. Миронова, можно утверждать, что империя могла и выжить. В.П. Булдаков видит источник революции в накоплении конфликта в социокультурном ядре, связывает этот процесс с переходом от традиции к модерну, при этом придает мировой войне огромное значение (у Б.Н. Миронова она – лишь один из многих факторов), и полагает, что империя была, видимо, обречена, поскольку накопившийся взрыв оказывалось невозможно избежать. При этом, если Мионов исследует, прежде всего, статистические показатели развития экономики, уровня жизни, то Булдаков уделяет огромное внимание психосоциальным проблемам¹. Что касается С.А. Нефедова, то в его интерпретации ведущим фактором революции стала проблема перенаселения и создания, по сути, угрозы биологическому выживанию в условиях ухудшавшейся экономической ситуации периода мировой войны. Неизбежность социального взрыва, таким образом, противопоставляет его концепцию концепции Б.Н. Миронова.

Вместе с тем, консенсусное сходство не ограничивается моделью модернизация/война/начало революции. Можно говорить о «сходствах второго уровня», продолжая сближать позиции дискутирующих сторон.

Социально-психологический детерминизм Б.Н. Миронова, выраженный в идее относительной депривации, в действительности сложно разграничить с социокультурным расколом, накоплением конфликтов в психоэмоциональной сфере В.П. Булдакова, поскольку оба явления (или процесса) относятся к разряду психологических и вызваны последствиями модернизации. Психоэмоциональная сфера затронута и в работах С.А. Нефедова: чувство отчаяния от надвигающегося голода становилось важным фактором восстания масс. В этом отношении можно даже говорить о социоестественных причинах – инстинкте самосохранения, придававшем логику поведению «обезумевшего» населения.

Много говорится и о влиянии маргинализации общества на развитие ситуации в первой четверти XX века. Для В.П. Булдакова и С.А. Нефедова важен также концепт общинной революции. Тезис о «крестьянских» итогах

¹ Можно также указать на результаты не менее фундаментального исследования: В.Б. Аксенова: «В эмоциональном отношении революция 1917 г. стала результатом патриотической мобилизации 1914 г., так как, по мнению современников, должна была привести к настоящему сплочению власти и общества, открыть двери новой эпохи». См.: Аксенов В.Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции, 1914-1918. – М. : Новое лит. обозрение, 2020. – С. 964.

революции продолжает оставаться довольно популярным¹. Одновременно, примат политических причин Б.Н. Милонова неплохо ложится на общий фон упреков в адрес Думы, либералов и генералитета, высказанном участниками анкетирования. О доминировании в революционном процессе главного политического вопроса – вопроса о власти – говорит Б.И. Колоницкий².

Список сходств, думается, можно продолжать. Получается, что «теоретики» дискутируют в определенных, заданных рамках общей причинности, выделяя то один, то другой фактор как ведущий. Приведенная выше таблица обозначает эти границы. Окончательная же победа той или иной точки зрения невозможна, поскольку ее нельзя проверить эмпирически. Налицо итоговое состояние определенного периода развития историографии.

Впрочем, является ли указанный спор – спором? Сложно отрицать, что российское государство в лице элиты в определенных условиях должно действовать решительно; что уровень жизни большинства людей в начале XX века был довольно скромным; что ужасы мировой войны потрясли сознание российского общества?

Нельзя также не заметить, что, отгораживаясь от «марксистско-ленинской» концепции, исследователи, зачастую, просто подменяют понятия, почти наверняка не осознавая этого. Неужели «относительная социальная депривация» и угнетение, исходящее от «классового неравенства» – это абсолютно различные понятия с точки зрения социальной психологии? «Авторитетный общинник» и «кулак» – неужели не сходные исторические персонажи? «Заговор» против революции (неважно, Октябрьской («вторая корниловщина») или Февральской) и заговор генералов, либералов, предпринимателей в конце 1916 – начале 1917 и летом – осенью 1917 гг. – эти концепты похожи друг на друга как братья. Одновременно тот пафос национальной историографии при описании борьбы с репрессивной империей в форме национальных революций – не является ли отголоском советского концепта «угнетающей империи» и «колониального режима»? Равно как и устойчивое отрицание современной отечественной историографией значимости национального фактора в причинностной совокупности 1917 г.?

* * *

¹ Булдаков В.П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. – М.: РОССПЭН, 2010. – 2-е изд. – С. 628.

² Колоницкий Б.И. «Товарищ Керенский»... С. 9.

Обращение к политологическому знанию показывает, что теоретические построения современной историографии касательно причинности, в общем, соотносятся с построениями (и концептуальными расхождениями) ученых-политологов. Так, С. Хантингтон интерпретирует революцию как неудавшуюся модернизацию, т.е. аномалию в развитии политической системы, а Ш. Эйзенштадт как один из вариантов модернизации в принципе, «предпосылки которого заложены в структуре социальных центров и культурных кодов соответствующего общества»¹. Еще в 1979 г. Р. Айя классифицировал теории революции как раз по принципу причинности, выделив три модели возникновения революций: 1. модель «внешнего провокатора», согласно которой революции – результат действий подрывных революционных сил, а население является жертвой политических манипуляций, пропаганды и идеологии; 2. «вулканическая» модель, где революции – это результат народного недовольства, возникающего спонтанно в результате накопления социально-психологического напряжения в обществе; 3. «политическая» модель, по которой революции происходят по причине военно-политического кризиса государства, ослабления правительственного контроля за использованием средств принуждения, обостряющейся борьбы за власть в состоянии «множественного суверенитета»². Несложно заметить черты сходства первой модели со взглядами Б.Н. Миронова или, скажем, Р. Пайпса, второй – с концепцией В.П. Булдакова и, вероятно, С.А. Нефедова. Третья модель, как представляется, отражена в работах Б.И. Колоницкого.

Впрочем, современные политологи, во-первых, склонны к синтезу различных теорий, чего, несомненно, не избежала и современная историография революции, а, во-вторых, к характеристике научных выводов 1960-х – 1970-х гг., как существенно устаревших и нуждающихся в пересмотре или дополнениях.

Как известно, Д. Голстоун сформулировал тезис о четырех поколениях научных теорий изучения революций. При этом уже первое поколение этих теорий дало подробную характеристику политических, экономических, социальных и идеологических причин революций³.

¹ Революция в 1917 году: институциональный ресурс, социальные риски и цивилизационный коллапс / под ред. М.О. Орлова. – Саратов: ИЦ «Наука», 2017. С. 26.

² Там же. С. 28.

³ Там же. С. 37.

Интересно, что в периодизации Д. Голдстоуна первое поколение академических исследований зародилось в 1920-е – 1930-е гг. в США¹. Предыдущие же этапы развития взглядов на революцию (включая положения об их причинах) выносятся за скобки. Любопытно, что советский марксизм и советская «социология революций» не присутствуют при описании дальнейших периодов развития теорий революции по Голдстоуну². При этом было бы небезынтересно выяснить их место в «поколенческой» истории теорий революции, а также тот позитивный багаж, который он, вероятно, несет, тем более, что, относимые Голдстоуном к исследованиям «третьего поколения» работы Б. Мура основаны во-многом на марксистском классовом подходе, а Т. Скокпол, называет «теорию революций Карла Маркса и его видение социализма ... более или менее явной точкой отсчета» для ее книги³. Несомненно, что уже в советский период, и описанная выше концепция труда И.И. Минца это лишний раз подчеркивает, отечественная историческая наука во-многом справилась с задачей формулирования базовых причин революции (разумеется в своем, своеобразном, их понимании), а исчезновение идеологических препятствий завершило этот процесс.

Современный этап историографии революции 1917 года демонстрирует свободное оперирование теориями и выводами, характерными для «второго поколения» теорий революции, расцвет которых на Западе произошел в 1960-е гг. Именно в этот момент были сформулированы концепции, связанные с относительной депривацией и модернизацией, которые шли в смысловой связке: «революции вероятны не в самых отсталых и не в самых развитых

¹ Там же. С. 30-37.

² В этом отношении небесполезно отметить этот факт, как своеобразное ограничение концепции, а также обратить внимание не только на наличие большого количества объяснительных теорий революции, но и на то, что марксистский подход вполне жив и в современной российской политологической мысли. Наиболее подробно об этом см.: Завалько Г.А. Понятие «революция» в философии и общественных науках: Проблемы, идеи, концепции. – Изд. 4-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 384 с. В современной историографии такой подход представлен в обобщающих работах В.В. Калашникова: Калашников В. В. Причины Русской революции: советская историография 1917–1991 гг. – СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2020. – 276 с.; Калашников В. В. Русская революция: ключевые решения...

³ Скокпол Т. Государства и социальные революции: сравнительный анализ Франции, России и Китая. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2017. – С. 275.

странах, а сами по себе процессы модернизации и экономического роста могут оказывать чрезвычайно дестабилизирующее воздействие»¹.

Дальнейшее развитие теорий революции («третье поколение») оказалось связанным с критикой предыдущих периодов и попытками уточнения существующих концептов, ростом понимания всей сложности феномена революции. «Четвертое поколение», как отмечает сам Д. Голдстоун, «уделяет больше внимания культурным аспектам революций, непредвиденным событиям, лидерству, мобилизации..., а также глобальным паттернам»².

Модернизация воспринимается на данный момент не в качестве непосредственной причины революции, а как контекст, в котором причины формируются³. Работы Б. Мура и Ч. Тилли показывают высокую вариабельность возникновения и характера революций, в зависимости от тех социально-политических коалиций, которые возникали на момент ее начала⁴.

Ч. Тилли выделяет как минимум четыре революционные ситуации: военная интервенция, стремление части страны обрести самостоятельность, стремление влиятельных претендентов оказать воздействие на политику, фрагментация государственного аппарата⁵. Он же определяет три политических условия для возникновения революции: появление претендентов, стремящихся контролировать правительство; солидаризация с этими требованиями большинства населения; нежелание или неспособность правительства подавить альтернативную коалицию, либо присоединиться к их требованиям⁶.

Что касается политической мобилизации, которой уделяет такое большое внимание Ч. Тилли, то его концепция соседствует с концепциями анализа социального протеста (политических возможностей, мобилизующих структур, фреймов коллективного действия, моделью Алемана-Янга), позволяющими

¹ Революция в 1917 году: институциональный ресурс... С. 48.

² Чем революции на Украине и в Белоруссии отличаются от Великой Французской революции. Интервью с историческим социологом Джеком Голдстоуном. [Электронный ресурс]. URL: <https://gorky.media/context/chem-revoljutsii-na-ukraine-i-v-belorussii-otlichayutsya-ot-velikoj-frantsuzskoj-revoljutsii/> (дата обращения 26.06.2023 г.).

³ Голдстоун Д.А. Революции. Очень краткое введение. – М.: Изд-во института Гайдара, 2017. – С. 28-29.

⁴ При этом взгляды сторонников теории «общинной революции» в России созвучны концепту социалистической революции Б. Мура, как наиболее радикального варианта революционных модернизаций, проистекающей из расстановки социальных сил в стране.

⁵ Последнее, кстати, относится Ч. Тилли к ситуации гражданской войны.

⁶ Революция в 1917 году: институциональный ресурс... С. 59.

анализировать зарождение и возможности для реализации массовых социальных протестов, учитывая не только поведение властей и элит, но и массовые настроения, использование в протестах традиционных социальных институтов и потенциала традиционной самоорганизации, культурно-цивилизационной и морально-оценочной подоплеке протестов¹. Момент перерастания недовольства в социальное действие является важной частью изучения возможного перехода революционной ситуации в революцию.

В работе Т. Скокпол развивается идея влияния внешних, геополитических причин на возникновение революции. Режим, неспособный отвечать на вызовы, обусловленные вовлеченностью его в международные отношения, становится жертвой растущей борьбы внутренних социально-политических сил, включая борьбу элит, что ведет в определенных условиях к государственному распаду в форме революции. Отягощающими факторами здесь могут выступать военное поражение; рост фискальной нагрузки в силу преодоления внешнеполитических проблем, отставания от конкурентов и военного кризиса; а также народные восстания.

Еще раз подчеркнем, что геополитическое напряжение выступает у Скокпол базовой причиной, исходя из которой возникает все остальное («современные социальные революции случались только в странах, занимающих неблагоприятное положение на международной арене»)².

Законченную концепцию причин революций формулирует и сам Д. Голдстоун. Он отмечает: революции «происходят только тогда, когда правители слабеют и оказываются в изоляции, когда элиты нападают на власть, вместо того, чтобы ее защищать, а люди начинают чувствовать себя частью многочисленной, сплоченной и исполненной правоты группы, способной действовать сообща, ради перемен»³.

Отрицая главенство определенной социальной или политической проблемы в возникновении революции (хотя и отдавая преимущество политическим причинам), Д. Голдстоун говорит о пяти «условиях», которые приводят общество в состояние неустойчивого равновесия, после чего «любое

¹ Подробнее см.: Стрельцов Д.В. Социальный протест на современном Востоке: к методологии исследования // Социс. – 2016. – № 5. – С. 87-95.

² Революция в 1917 году: институциональный ресурс... С. 62-64; Скокпол Т. Государства и социальные революции ... С. 32.

³ Голдстоун Д.А. Революции... С. 18.

неблагоприятное событие может вызвать волну народных мятежей и привести к сопротивлению элит, и тогда произойдет революция»¹.

К этим условиям он относит экономические или фискальные проблемы, отчуждение и сопротивление элит, «широко распространенное возмущение несправедливостью», идеологию (нарратив сопротивления), неблагоприятную для власти международную обстановку. Характерно, что ситуацию с определением этих условий Голдстоун определяет как консенсусную в политологической науке, т.е. разделяемую всеми, по крайней мере, ведущими исследователями².

Вместе с тем, причинностная совокупность Д. Голдстоуна не ограничивается определением условий. Следующим уровнем причин выступают структурные причины, которые, воздействуя на условия, порождают их обострение и перерастание в революцию: демографические сдвиги; войны и глобальная конкуренция; неравномерное или зависимое экономическое развитие; появление новых способов вытеснения или дискриминации отдельных групп; развитие персоналистских режимов, т.е. постепенная утрата политическим лидером поддержки населения и элитарных групп. Развитие структурных причин занимает не один год и даже десятилетие.

Еще одним уровнем являются причины-поводы: случайные события, которые могут повлиять на условия примерно так же, как и долговременно зреющие структурные причины. Это может быть резкий скачок инфляции (особенно на продукты питания), поражение в войне, бунты и антиправительственные демонстрации, репрессивная реакция властей на протесты. Как отмечает Голдстоун, причины-поводы слишком ситуативны, и не могут сами по себе привести к революции, поэтому «именно структурные причины, которые порождают подспудную нестабильность, исследователи считают основополагающими причинами революций»³.

Одновременно, Д. Голдстоун отказывается от выведения «причинностной формулы» революции. Отражая достижения политологической науки, он справедливо утверждает: «короткий и непротиворечивый список факторов, ведущих к революции, представляется химерой. Помимо внешнего военного давления и конфликтов внутри элиты по поводу налогообложения, на которые

¹ Там же. С. 39.

² Там же. С. 35-39.

³ Там же. С. 41-47. См. также: Революция в 1917 году: институциональный ресурс... С. 65-67.

указывает Скочпол, исследователи революций доказали, что с самыми разными революциями были связаны такие факторы, как экономические кризисы, культуры восстания, зависимое развитие, демографическое давление, структуры колониального режима или личной власти, межклассовые коалиции, утрата националистической репутации, военная измена, распространение революционной идеологии и примеров, эффективное лидерство, хотя в каждом конкретном случае они действовали по-разному... Более того, в число факторов, благоприятствующих мобилизации народа, входят традиционные сельские и профессиональные общины, неформальные городские связи, репрессии и (или) уступки со стороны государства в ответ на действия оппозиции, партизанские организации, революционные партии, а также эффективная идеологическая основа и организация, созданная лидерами-визионерами и прагматиками»¹.

Конечно, объединение слишком уж многообразных исследований под одной крышей «поколения» революций, наверное, не вполне корректно. Очевидно также, что одни исследователи отдают предпочтение социальным факторам, другие – политическим, тем более, что социология и политология не всегда идут «рука об руку».

Есть и другая проблема – это соотнесение данных политологов с данными, полученными историками. Так, чтение описания Д. Голдстоуном событий 1917 года в России довольно примитивно и может вызвать недоумение². При этом Голдстоуну известны (и одобрительно им оцениваются) работа С.А. Нефедова, написанная им в соавторстве с П.В. Турчиным. Более серьезными выглядят исторические штудии по российской революции Т. Скокпол, но ее исследование подвергалось критике по поводу корректности сравнения избранных объектов, опираясь, кроме того, сугубо на зарубежную историографию при почти полном отсутствии анализа аутентичных источников за исключением некоторого количества мемуаров³. В целом же, судя по всему, для политологических исследований причины Великих революций становятся не столь уж актуальным объектом для изучения, поскольку мир меняется, а им требуется соотнести изменения в мире с максимально обобщенными моделями исторического развития. В этой связи неудивителен интерес Голдстоуна к

¹ Голдстоун Д. К теории революции четвертого поколения // Логос. – 2006. – № 5. – С. 98-99.

² Голдстоун Д.А. Революции... С. 111-115.

³ Кром М. М. Введение в историческую компаративистику: учебное пособие. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. – С. 100-101.

работам П.В. Турчина и Л.Е. Гринина по «клиодинамике», математическому моделированию А.В. Коротаева¹.

Анализ концепции Д. Голдстоуна приводит к еще одному любопытному выводу. Дело в том, что если сравнивать ее с концептуальными построениями в работе И.И. Минца, можно увидеть определенное структурное сходство в определении иерархии причин. В любом случае ранжированность, многоуровневость причин революции, определяемых И.И. Минцем, доказывает, что советская историческая наука в этом отношении оказывается созвучной современным исследованиям и выходящей за рамки примитивного экономического детерминизма.

Стоит также задаться вопросом о том, насколько современные исторические исследования согласуют свои представления о причинах 1917 года с «третьим» и «четвертым» поколениями политических теорий революции? Сравнительный анализ показывает, что согласование это происходит не вполне.

Во-первых, международный фактор (глобальная конкуренция), имеющий столь большое значение в концептуальных построениях Т. Скокпол и Д. Голдстоуна, в отечественных исследованиях мало учитывается. Влияние Первой мировой войны, которому уделяется столь большое внимание, не объясняет всей сложности политической и экономической конкуренции между странами начала XX века. Начало революций в соседних странах (равно как и революция 1905 – 1907 гг.) учитывается незначительно.

Во-вторых, модернизация, которой современной историографией отводится выдающаяся роль в формировании революционной ситуации, не является с точки зрения политологов причиной революции. Впрочем, в данном случае, как представляется, и у политологов нет четкого ответа «да» или «нет».

В-третьих, наблюдаемое в построениях современных историков-теоретиков стремление выделить один-два фактора в качестве ведущих в общем чуждо политологическим исследованиям, хотя, наверное, и может быть оправдано исторической спецификой, поскольку часть политологических концептов рассматривают причины революции обобщенно, с точки зрения выведения «чистой теории», а историческая ситуация всегда конкретна.

¹ Чем революции на Украине и в Белоруссии отличаются от Великой Французской революции. Интервью с историческим социологом Джеком Голдстоуном. [Электронный ресурс]. URL: <https://gorky.media/context/chem-revoljutsii-na-ukraine-i-v-belorussii-otlichayutsya-ot-velikoj-frantsuzskoj-revoljutsii/> (дата обращения 26.06.2023 г.).

Б.Н. Миронов в своих, несомненно, выдающихся по степени привлечения источников исследованиях, в итоговых выводах, по сути, отрицает тезис Д. Голдстоуна о том, что структурные причины являются основополагающими для революции. Его концепция соотношения предпосылок/причин «зависает» между структурными причинами и причинами-поводами, причем предпочтение, судя по всему, отдается вторым. Б.Н. Миронов отрицает также наличие «молодежного бугра» и «перепроизводства» элиты в России непосредственно к 1917 г., что противоречит концепции Д. Голдстоуна.

Однако, как говорится, отрицательный результат – тоже результат. Наличие заочной дискуссии Миронов-Голдстоун показывает высокий теоретический уровень исторических исследований, соотнесение их с самыми современными политическими теориями. Одновременно огромное внимание В.П. Булдакова к социокультурной и синергетической проблематике революции вполне созвучно вниманию «четвертого поколения» к культурным различиям и малопредсказуемым причинам-поводам.

* * *

Высокотеоретический уровень дискуссии в контексте соотношения история/политология дает сборник «О причинах русской революции»¹, в котором помимо С.А. Нефедова и Б.Н. Миронова участвовали П.В. Турчин, Л.Е. Гринин и А.В. Коротаев, чьи исследования, как уже говорилось, пользуются известностью среди зарубежных политологов. Характерно, что по стилистике большинство статей напоминало политологические исследования с их математическим и графическим аппаратом, а также системой логических доказательств вместо обычной «источниковой» дискуссии историков. Широкое использование компаративных данных по другим странам довершает картину сходства. Характерно при этом, что общего консенсуса так и не удалось достичь: практически каждый автор предлагал собственную интерпретацию событий. Многие, одновременно, отчасти соглашались с оппонентами. Не менее важно, что во время дискуссии М.А. Давыдовым было озвучено наличие когнитивного и методологического тупика: теоретизирование без эмпирического материала, понимания многообразия процессов и явлений именно российской революции никогда не будет принято профессиональным

¹ О причинах Русской революции / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков. – М.: Издательство ЛКИ, 2014. – 432 с.

историческим сообществом. (О незначительном эффекте политологических и сравнительных исследований для собственно исторических исследований вне этой дискуссии высказывался и В.П. Булдаков)¹.

Анализ соотношения сходств и расхождений авторов по поводу причин революции дает приблизительно такую картину:

Таблица 2

**Авторские концепты причинности в сборнике
«О причинах русской революции». М., 2014**

С.А. Нефедов	Концепт мальтузианской ловушки. Демографический взрыв породил угрозу голода, что было приговором существующему режиму, продолжавшему «голодный экспорт».
Б.Н. Миронов	Мальтузианский кризис перепроизводства населения, а также «голодный экспорт» отсутствовали. Отсутствуют и другие материальные признаки кризиса режима. Империя могла развиваться далее. Революция 1917 г. «рукотворная» – ее организатор либерально-радикальная интеллигенция.
Н.С. Розов	При большей теоретической обоснованности идей С.А. Нефедова, позитивные тенденции, описанные Б.Н. Мироновым, присутствовали. Но негативные тренды очевидно побеждали. Призыв учитывать внешние факторы: геополитические (участие в войнах), геоэкономические (кредиты, экспорт, политическая зависимость от кредиторов), геокультурные (заимствование либеральных и радикальных идей из зарубежных «центров престижа»).
П.В. Турчин	Структурно-демографическая теория (в частности, перепроизводство элит) лучше объясняет кризис в России, нежели мальтузианская теория. Теория модернизации, к которой обращается Б.Н. Миронов, устарела.
Л.Е. Гринин	Имела место не мальтузианская, а мальтузианско-марксова ловушка: ситуация обостряется за счет роста городского населения, прежде всего, рабочих. Скопление в городах большого количества недовольной уровнем жизни молодежи, а не прямая угроза голода. Государство теоретически могло преодолеть этот кризис.
М.А. Давыдов	Поддержка Б.Н. Миронова. Упрек участникам дискуссии в излишнем теоретизировании, недостаточном уровне владения фактами и историографией революции 1917 г.

¹ Булдаков В.П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. – М.: РОССПЭН, 2010. – 2-е изд. – С. 6, 204, 609-610 и др.

Итоговая статья: Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев, С.Ю. Малков	Выход из мальтузианской ловушки сопровождается резким ростом населения, ростом безработицы и проч., увеличением количества молодежи, по природе склонной к насилию, структурно влияет на экономику и сопровождается нежелательной (нисходящей) социальной мобильностью. Наиболее активное население концентрируется в городах. Все это создает угрозу политической стабильности. Ситуация ухудшается при военных поражениях или экономическом кризисе.
---	--

Вместе с тем, следует признать, что работы подобного рода дают возможность создания атмосферы диалога между историками, политологами и социологами. Характерно также, что Б.Н. Миронов, С.А. Нефедов, Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев активно публикуют свои работы в неисторическом журнале «Социс». Важно подчеркнуть и роль Центра изучения стабильности и рисков при Высшей школе экономики, директором которого является А.В. Коротаев. Выпускаемые центром ежегодники содержат немало полезной информации, касательно изучаемой проблемы причинности революций. Авторы ежегодника широко используют количественные методы, привлекают впечатляющий статистический материал. Ведущие авторы сборника – А.В. Коротаев и Л.Е. Гринин – имеют более чем солидный индекс Хирша в РИНЦ (на 2023 г. 50 и 45) и Scopus (20 и 11).

Обобщая результаты своих исследований, и явно соотнося их с существующими теориями революции, Л.Е. Гринин приводит модель возникновения и реализации революционной ситуации, состоящую из пяти уровней¹. Он отмечает, что возможности возникновения революций в обществе «связаны, во-первых, с достижением обществами определенного уровня развития и появлением в них определенных явлений, феноменов и отношений; во-вторых, с особенностями социально-политического строя обществ; в третьих, с возникновением в некоторый момент кризисной ситуации особого рода»².

Поясняя эти тезисы, автор обращает внимание на то, что общество должно быть готово к революции, т.е. в нем должны начаться процессы

¹ Уровни причин революции в исследовании Л.Е. Гринина выделены мною. – М.Р.

² Гринин Л.Е. Революции и их роль в историческом процессе // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Ежегодник. – Волгоград: Учитель, 2021. – С. 11.

модернизации¹: быстрые перемены как таковые, перемены в демографии (в т.ч. резкий рост молодежи), урбанизация (создающая социальную базу для революции через концентрацию образованного населения)², появление объединяющей идеологии. Революции случаются в обществах с архаической политической культурой, в частности там, где государства не успевают политически «модернизироваться» (обычно – демократизироваться) достаточно быстро. Модернизация создает социально-политический фон для революции (уровень первый).

Далее должны возникнуть условия для возникновения непосредственной революционной ситуации: достаточно жесткая разделенность общества на сегменты (социальные, национальные и т.п.); противоречия в лагере элиты; распространенность альтернативной идеологии и готовность части общества ее воспринять; постепенное падение авторитета власти и «относительная либеральность режима» (уровень второй).

Формирование «общей революционной ситуации»: появление кризисной ситуации, опасной для режима; неспособность власти к адекватным действиям для преодоления кризиса, падение «ниже допустимого» авторитета власти; ослабление элиты и ее сплоченности, изменение социально-политической расстановки сил; рост недовольства населения «выше допустимого» (уровень третий).

Формирование «непосредственной революционной ситуации», определяемое как бифуркационный процесс. Признаками такой ситуации являются концентрация недовольства населения в определенном месте; появление повода для протестов; неспособность власти адекватно отреагировать на протесты, потеря ею сторонников (уровень четвертый).

Влияние факторов, способствующих победе революции, среди которых особенно важно подчеркнуть позицию элиты или ее части, действия армии и силовых структур, а также внешнюю поддержку революции³ (уровень пятый).

¹ В этом, пожалуй, состоит разница с Д. Голдстоуном, полагающим, что революция и модернизация – процессы, обнаружить связь между которыми проблематично. Для Л.Е. Гринина между революцией и модернизацией есть «тесная связь».

² Здесь мы видим, возможно, отличие современных революций от революции 1917 г., где концентрация населения в городах была не так связана с получением серьезного образования. Впрочем, согласно Б.Н. Миронову процесс роста образованности тоже шел достаточно успешно.

³ Гринин Л.Е. Революции и их роль в историческом процессе... С. 11-18.

Несложно заметить, что третий уровень причинности содержит отсылки к некоему градусу недовольства, либо сплоченности, что на первый взгляд представляется уязвимой стороной концепта. Однако очевидно, что Центр А.В. Коротаева как раз и занимается проблемами выяснения различных индексов политического и социального поведения с помощью математических методов. Судя по всему, предсказательный потенциал теоретических знаний, продуцируемых Центром, как раз и сводится к попыткам выявления опасного момента зарождения «общей революционной ситуации». Проверка предсказательного потенциала исследований практикой – сильная сторона политологических исследований, позволяющая определять соответствие теорий реальности. Это, а также построение математических моделей, отчасти дает возможность уяснить, хотя бы отчасти, верность теоретических концептов историков революции, на что указывают сторонники широкого применения математических методов П.В. Турчин и Л.И. Бородкин.

Препятствием на пути такой проверки служит не только обозначенная выше подозрительность профессиональных историков к широким обобщениям и моделям, предлагаемым чаще всего не историками, а философами (Л.Е. Гринин, П.В. Турчин), или не специалистами по конкретному историческому периоду, либо событию (Л.И. Бородкин, А.В. Коротаев). Хронологическая разница между событиями современности и начала XX века все более увеличивается, что позволяет утверждать о специфике революции 1917 года по сравнению с революциями второй половины XX века и, тем более, наших дней. В частности, критика Б.Н. Мироновым концепта «молодежного бугра» указывает на полезность его для изучения некоторых современных событий, но не событий в России начала XX века. Концепт мальтузианской ловушки, активно продвигаемый С.А. Нефедовым для объяснения 1917 года, считается устаревшим для современных событий. Исследователи Центра А.В. Коротаева для объяснения «арабской весны» начала 2010-х гг. успешно (по крайней мере, по их утверждению) применили свою модель «ловушки на выходе из мальтузианской ловушки».

Осознавая эту проблему, Л.Е. Гринин в другой работе указывает на черты различия революций XIX и XX вв., т.е. действует с точки зрения исторического подхода. Здесь же в виде таблицы приведен перечень всех революционных событий XX века. Отдельный раздел статьи посвящен специфике причин революций XX века: провоцирование большинства революций войнами; связь с геополитическими изменениями; «обучение» революционеров в Европе,

влияние европейских идей на революции на Востоке; распространение идеологии национализма из Западной Европы на весь мир; стремление к социалистическим изменениям; отчетливая связь между революциями и государственным (национальным) строительством¹. Несмотря на спорность большинства этих тезисов (сам Л.Е. Гринин видит специфику причин революций XX века скорее в масштабировании всех перечисленных процессов из Западной Европы и США на весь мир), мы можем говорить об определенной работе в направлении сближения исторического и политического знания.

2.4. Причины гражданской войны

Согласно современным историографическим обзорам, большинство исследователей склонны увязывать события революции и гражданской войны. Это приводит к следующим важным последствиям.

Причины революционного кризиса автоматически выступают причинами гражданской войны. Для одних они носят «предпосылочный» характер, для других – прямой, непосредственный, поскольку, по опросам В.В. Калашникова, заметная часть исследователей (6 из 25 опрошенных) полагает, что гражданская война началась уже в феврале – марте 1917 г.². Это не означает, однако, что исследователи совершенно отождествляют причины революции и гражданской войны. Думается, что существует определенный консенсус по поводу понятийного разделения событий в «широком» и «узком» смысле. В первом случае гражданскую войну расширяют до самых неожиданных хронологических границ. Во втором говорят о т.н. «фронтальной» войне 1918 – 1920 гг. Это позволяет исследователям рассуждать о причинах в таких же двух смыслах. В опросе В.В. Калашникова и обзоре В.И. Голдина эти смыслы довольно четко разделяются, но происходит ли это в конкретно-исторических исследованиях, в т.ч. крупного, монографического, характера?

Другим последствием выступает выведение причин гражданской войны непосредственно из феномена революции, т.е. революция «виновата» в

¹ Гринин Л.Е., Гринин А.Л. Революции XX века: общие причины и классификация // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Ежегодник. – Волгоград: Учитель, 2021. – С. 36-69.

² Гражданская война в России: взгляд через 100 лет. Проблемы истории и историографии / отв. ред. В.В. Калашников. – СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2018. – С. 187.

развязывании гражданской войны. Понятно, что в поиске причинно-следственных связей исследователи стремятся конкретизировать «виновную» сторону или фактор. Однако сама постановка границ начала войны в Феврале или Октябре 1917 г. указывает на то, что фактор революции рассматривается не только как причина ценная сама по себе, но и как причина важнейшая. Вместе с тем, как было показано нами¹, революция несла с собой не только разрушительные тенденции, но еще и вызвала к жизни масштабные процессы самоорганизации, носившие конструктивный, диалоговый характер. Кроме того, политическая культура революции содержала и существенные возможности для проведения переговоров между конфликтующими сторонами, благодаря чему удалось в существенной степени прекратить гражданскую войну к началу 1918 года.

Все это ставит вопрос о правомерности использования термина «гражданская война», по меньшей мере, к событиям февраля – октября 1917 года, а также ставит проблему реконструкции факторов, способствующих разрушению конструктивных импульсов революции к середине 1918 года, когда гражданская война уже очевидно началась не только на востоке, но и на юге страны.

Наконец, как показывают те же обобщающие исследования, революции у нас были разные. Это и полузабытая «пролетарская», и успешно интегрированная в современные представления «общинная», и столь болезненно переживаемые в политической сфере «национальные» революции. Соответственно, и гражданские войны тоже были разные. Причем если конструкты причин «пролетарской» и «общинной» революций, так или иначе, отрефлексированы отечественной историографией (советской, либо современной), равно как и перетекание их в гражданскую войну, то с вписанностью «национальных» революций в общий комплекс причин гражданской войны на территории бывшей Российской империи наблюдаются большие проблемы. Распад СССР породил и распад единого историографического поля, в т.ч. в концептуальном, обобщающем плане. Настоящее исследование, к сожалению, не способно решить эту проблему, но лишь ставит ее в виде важнейшего и актуального вопроса для современной историографии, а также указывает на свои познавательные границы.

¹ Разиньков М.Е., Морозова О.М. Социально-политический диалог в России (1917–1918 гг.): тенденции, механизм, региональные особенности. – М.: Квадрига, 2021. – 712 с.

В качестве таковых в данной главе выступают преимущественно «общероссийские» причины, сформулированные опять же в основном российскими исследователями начала XXI века. Вместе с тем, специализированные главы, посвященные Центральному Черноземью, способны подчеркнуть важность регионоведческих исследований, причем «национальные» исследования, описывающие процесс (или попытки) создания национальных государств на территории бывшей Российской империи не могут не носить черт такого регионоведения по отношению к обозначенной империи, в которой они существовали десятилетиями, а порой и столетиями.

* * *

Изучение представлений современной историографии о причинах гражданской войны указывает на примат политики над всеми прочими факторами. Различные сочетания описаний политического, социально-политического кризисов, конкретных событий, связанных с ними, внешнего вооруженного и дипломатического влияния при довольно скромном месте собственно социальных и социально-экономических сюжетов разительно отличают современные представления от советского «социального» посыла о классовой борьбе, как основном содержании феномена гражданской войны.

Основным источником для получения информации стали историографические обзоры В.И. Голдина, а также сборник, посвященный столетию начала гражданской войны, ответственным редактором которого выступил В.В. Калашников (как и в случае с Февральской революцией авторами сборника было проведено анкетирование 25 историков). Были также привлечены некоторые отдельные работы, в т.ч. В.П. Булдакова, Б.И. Колоницкого, В.В. Кондрашина, результаты исследований которых по интересующему вопросу не вполне представлены в указанных обзорах. Как и в предыдущих случаях, таблица максимально формализована и для более подробного ознакомления автор рекомендует обратиться к указанным обзорам.

Причины гражданской войны в России в современной историографии

Обобщающее понятие	Причины вооруженного противостояния	Источник
Социально-политический кризис	<ul style="list-style-type: none"> - противоречия комплекса революций социальных низов и элит; - накопившаяся ненависть «низов» к «верхам»; - неумение власти справиться с агрессивными импульсами социума; - формирование новых элементов гражданского общества и конфликт их с прежними гражданскими (земско-городское самоуправление vs Советы) и военными элитами («комитетский класс» vs офицерство); - революционный передел собственности породил социальный реваншизм; - политика большевиков (продразверстка, создание комбедов, мобилизации, попрание местных традиций и норм казачьего самоуправления) привела к крестьянским и казачьим восстаниям. Защита крестьянства от большевистской политики; - намеренное стремление большевиков расколоть деревню; - борьба крестьян с репрессивным государством; - борьба центробежных и центростремительных тенденций империи; - конкретное событие-причина: восстание П.Н. Краснова (1918 г.) 	1, С. 338; 2, С. 55, 59-60; 3, С. 37-38, 48, 59-64; 4, С. 192, 195-196, 206, 209; 5, С. 64-67; 7, С. 94-95.
Политический кризис	<ul style="list-style-type: none"> - кризис монархического, феодального государства; - попытки модернизации и реформ блокировались как слева, так и справа; - слабость центральной советской власти; - революционный разрыв политического поля, ведущий к конфронтации; - взрывная политизация 1917 г., конфликт «комитетского класса» с «традиционными» элитами; - конкретное событие-причина: Февральская революция, Апрельский кризис, Корниловский мятеж, Октябрьская революция, разгон Учредительного собрания; 	2, С. 21, 47, 59-60; 3, С. 37-38; 4, С. 187, 195-197, 208; 6, С. 85; 5, С. 68, 71-72.

	<ul style="list-style-type: none"> - противостояние партий: проигрыш умеренных и контроль радикалами политической сферы; применение партиями силовых, военных и террористических методов борьбы; раскол левосоциалистического лагеря весной-летом 1918 г.; деятельность эсеров, возглавивших крестьянские восстания; - создание в 1918 году большого количества правительств 	
Военно-политический кризис	<ul style="list-style-type: none"> - влияние факта захвата власти большевиками на ход уже шедших вооруженных конфликтов внутри страны; - организация генералитетом Белой армии на юге; - чехословацкое восстание; - иностранная интервенция; - крестьянские восстания. 	2, С. 47, 59-60; 4, С. 195-196, 206-209; 5, С. 61.
Особенности политической культуры и поведения	<ul style="list-style-type: none"> - влияние дореволюционной культуры методов решения конфликтов – подмена политических методов репрессивными, полицейскими. Использование армии для решения социально-политических проблем (милитаризация конфликтов); - отсутствие укорененных традиций демократии; - массовая культура не знала компромиссов как способов разрешения конфликтов и противоречий; - незрелость российского государства для социалистического эксперимента; - традиции бунтарства и крестьянских войн; - накопившаяся ненависть «низов» к «верхам»; - особенности политической коммуникации: левые радикалы и особенно большевики легкомысленно эксплуатировали лозунг гражданской войны, провоцировали массовую ненависть; - ничем не сдерживаемая и провоцируемая партиями агрессия обезумевшего от страха обывателя; - стремление крестьян не подчиняться никакой власти; - культура насилия, привнесенная мировой войной, в т.ч. через демобилизованных; - доминирование социалистической политической культуры мешало достижению социальных компромиссов; 	1; 3, С. 37-50; 5, С. 62-63, 70; 6, С. 85.

Социальный кризис	- столкновение интересов городской (пролетарской) революции и деревенской (крестьянской). Социальный эгоизм крестьян; - обострение классовой борьбы; - обострение межнациональных противоречий	2, С. 47; 4, С. 192, 195.
Осложнение международных (дипломатических) отношений	- влияние революции на международную ситуацию предопределило интервенцию; - реализация идеи мировой революции; - социально-экономические и политические последствия Брестского мира	3, С. 37-38; 4, С. 197, 208.
Мировая война	- первая мировая война «подготовила почву» для войны гражданской, в т.ч. сформировала кадры – офицеров военного времени и опытных унтер-офицеров, военных специалистов волостного и уездного уровней, которые были, одновременно, и политиками; - мировая война сформировала культуру насилия («атмосферу, психологию и поведение населения», «брутализация»), в т.ч. через демобилизованных; - поиск «внутреннего врага» в пропаганде военного времени;	2, С. 55; 3, С. 37-38; 5, С. 62-63.
Вооруженное вмешательство других стран	- вооруженная интервенция как ведущий или второстепенный фактор;	2, С. 47, 59-60; 4, С. 195-196, 206-207, 209.
Восстание иностранцев внутри страны	- конкретное событие-причина: восстание чехословацкого корпуса как ведущий или второстепенный фактор;	4, С. 196, 205-209.

Источники:

1. Булдаков В.П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. – М.: РОССПЭН, 2010. – 2-е изд.
2. Голдин В.И. Гражданская война сквозь призму лет: историографические процессы. – Мурманск: МГГУ, 2012.
3. Голдин В.И. Россия в гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х – 90-е годы). – Архангельск: издательство «БОРГЕС», 2000.
4. Гражданская война в России: взгляд через 100 лет. Проблемы истории и историографии / отв. ред. В.В. Калашников. – СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2018.
5. Колоницкий Б.И. Политическая культура России и гражданская война // Эпоха Революции и Гражданской войны в России. Проблемы истории и историографии / отв. ред. проф. В. В. Калашников. – СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ».
6. Колоницкий Б. И., Годунов К. В. «Корниловщина» как «гражданская война»: использование понятия в условиях политического кризиса // Вестник Пермского университета. История. – 2021. – № 3(54).
7. Кондрашин В. В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. – М. : РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2009.

Внутренние факторы начала гражданской войны заметно преобладают над внешними, хотя последние тоже учитываются. Можно также отметить то значение, которое уделяется конкретным событиям, как непосредственным причинам войны. Несложно заметить, что многие внутренние (и некоторые внешние) причины связаны с началом революции 1917 года или с революционной политикой.

Разумеется, таблица не может отразить всех нюансов исследовательских рассуждений, в т.ч. терминологических, приоритетных (какая причина/причины «главнее»), а также определить авторитетность тех или иных точек зрения. Однако сборник по итогам анкетирования В.В. Калашникова и некоторые данные наукометрии дают нам некоторую возможность это сделать.

Прежде всего, и В.И. Голдин, и создатели анкетирования разделяют понятие гражданская война в «широком» и «узком» смыслах, специально это проговаривая и относя начало «фронтной» гражданской войны к весне – лету 1918 г. К сожалению, авторы анкеты не спрашивали исследователей напрямую о причинах гражданской войны в этих двух смыслах, однако, четвертый вопрос («Почему летом 1918 г. в стране разразилась крупномасштабная война?») напрямую ориентировал исследователей на ответ о причинах начала «фронтной» гражданской войны. Одновременно, первый вопрос («Каким временем (событием) Вы датируете начало Гражданской войны?») в какой-то степени дает возможность ответить на вопрос о причинах войны в «широком» смысле.

Из 25 исследователей 6 (24 %) назвали датой начала гражданской войны в «широком» смысле Февральскую революцию, 8 (32 %) – Октябрьскую революцию, 3 (12 %) – разгон Учредительного собрания. При этом Б.И. Колоницкий, включенный в статистику ответов «за» Октябрьскую революцию, оговорился, что склонен более считать началом войны события корниловского мятежа. Что касается начала гражданской войны в «узком» смысле, то практически все опрошенные отнесли его к событиям чехословацкого восстания и смежным с ними крестьянским восстаниям конца весны – начала лета 1918 года. При этом 5 (20 %) назвали выступление корпуса причиной войны, а 19 (76 %) совместили эту причину с последствиями большевистской политики. В.И. Голдин, участвовавший в анкетировании, здесь и на страницах своих работ ведущими факторами начала гражданской войны называет иностранную интервенцию, противостояние города и деревни, провоцировавшее советскую власть вести жесткую политику по отношению к

крестьянам, и, в свою очередь, вызывавшую их восстания, а также последствия восстания чехословацкого корпуса.

Очевидно также, что среди исследователей ведется дискуссия о приоритетности в перечне причин разных факторов, прежде всего, последствий большевистской политики и восстания чехословацкого корпуса. Консенсусное решение заключается здесь в признании многофакторности гражданской войны, что подчеркивает в аналитическом обзоре В.В. Калашников.

Вызывает некоторое недоумение стремление большинства авторов назвать в качестве причин гражданской войны чехословацкое восстание. Действительно, неужели восстание пусть большого, но не имевшего отношения ни к одной противоборствующей стороне корпуса, могло вызвать гражданскую войну масштаба всей страны? Ответ, думается, заключается в том, что большинство авторов связывают его с фактором интервенции или политики Антанты. Прямой вопрос, прозвучавший в анкетировании, («Какова роль Антанты в выступлении чехословацкого корпуса?») показал, что 3 исследователя (12 %) заявили о том, что Антанта дала прямой приказ о выступлении. Еще как минимум 13 (52 %) высказали мнение, что влияние было, хотя являлось второстепенным. Только единичные заявления исследователей (Б.И. Колоницкого, А. Захарова, П. Кенеза) указывают на крайне незначительную роль Антанты в восстании и событиях, связанных с его последствиями.

Таким образом, можно сделать заключение, что советский концепт «заговора Антанты» исключен большинством современных исследователей из перечня основных, эксплицитных причин гражданской войны, но само начало гражданской войны с внешнеполитическим фактором все же имплицитно увязывается, что обнаруживает некоторую преемственность с советским концептом причинности.

Что касается социальной тематики, то акцент смещается в сферу межнациональных отношений. Не будем забывать и крестьянский фактор, который большинство исследователей называют важнейшим для понимания причин гражданской войны, отказавшись, в общем, от примата «пролетарской» революции в пользу «крестьянской», общинной. Как представляется, по сравнению с советской историографией, речь здесь идет уже не о классовой борьбе, т.е. противоречиях, связанных преимущественно с социально-экономическими проблемами, а о социально-политических аспектах: приобретение народами разной степени государственного суверенитета, борьбе

общинного крестьянства с советским государством. В.В. Кондрашин отмечает: «В отличие от предшествующего периода (1917 г. – М.Р.), крестьянское движение приобретает “оборонительный характер”. Крестьяне теперь уже не наступают на власть, а защищаются от ее жестокой, разоряющей их хозяйства, но объективно неизбежной в условиях Гражданской войны аграрной политики. Именно эта политика становится непосредственной причиной крестьянского движения в Поволжье в 1918-1922 гг.»¹.

Роль национального вопроса подчеркивают ответы на вопрос № 13 анкеты («Какое влияние оказал “национальный вопрос” на ход и исход гражданской войны в России?»). 14 авторов (56 %) определили это влияние как «очень важное», 7 (28 %) – как «относительно неважное». Ситуация же в историографии национальных государств, возникших на территории бывшей Российской империи, по этому вопросу представляется не вполне изученной отечественными историками. Бытующие в современной российской историографии представления о доминировании здесь концепций «национальных революций» и «национально-освободительных войн» указывают, конечно, на то, что здесь причины национального освобождения рассматриваются как основные, главные. Однако они не подкреплены подробными историографическими обзорами.

Насколько влиятельны точки зрения авторов, привлекаемых к историографическому обзору исследований (участники анкетирования В.В. Калашникова и отдельные авторы), отчасти возможно выяснить, используя данные «Научной электронной библиотеки elibrary.ru». К сожалению, индекс Хирша иностранных авторов там не фиксируется. Тем не менее, определенные выводы можно сделать.

Таблица 4

Наукометрические данные участников анкетирования 2017 года

Индекс Хирша исследователя на 2023 год	Количество исследователей – участников опроса
1-5	1
6-10	5
11-15	7
16-20	3
21-25	0
26-30	3

¹ Кондрашин В.В. Крестьянство России в Гражданской войне... С. 94-95.

Как видим, большинство авторов, чье мнение включено в таблицу причин гражданской войны (таблица 3), являются высокоцитируемыми, учитывая, что создателями наукометрической базы индекс Хирша, равный 10, оценивается как «состоявшийся ученый». Впрочем, применение такого определения к исследователям, попавшим в «нижние горизонты», является не вполне корректным – практически все они известны своими серьезными работами по изучаемому периоду. Таким образом, можно заключить, что выстраиваемая в таблице причин гражданской войны картина является авторитетной, отражающей мнение ведущих ученых, занимающихся данной темой.

Что касается наиболее цитируемых авторов, то в целом их рассуждения лежат в рамках указанных выше тенденций, хотя, разумеется, каждый имеет свое исследовательское лицо. Например, Б.И. Колоницкий, как уже говорилось, полагает, что после корниловщины у России практически не осталось шансов избежать гражданской войны, уделяет в своих рассуждениях значительное внимание мировому континууму кризиса и национальному вопросу. Подчеркнем также, что непосредственно тематикой гражданской войны среди авторов с индексом выше 16 наиболее плотно занимаются В.И. Шишкин и В.Ж. Цветков. Следует также обратить внимание на историографические обобщения В.И. Голдина, специализирующиеся исключительно на проблематике гражданской войны. Прочие же исследователи совмещают исследование гражданской войны с исследованием революции, что, как представляется, наложило отпечаток на их выводы.

* * *

Степень теоретизации изучения причин гражданской войны в исторической науке существенно уступает изучению причин революции. Отчасти это связано с тем, что научное исследование политическими науками гражданской войны как отдельного феномена, по утверждению С. Каливаса, началось только в 1980-х гг.¹, отставая, таким образом, от «первого поколения» теорий революции на 60 лет². Эта ситуация отражается как на состоянии

¹ Каливас С. Логика насилия в гражданской войне. – М.: Историческая память: Пятый Рим, 2019. – 780 с.

² Характерно и замечание Д. Агамбена о том, что «То, что в 1990-х ученые уделили этим войнам некоторое внимание, не смогло привести к развитию теории гражданских войн, а привело только к развитию доктрины управления, то есть контроля, манипуляции и

политической, так и исторической науки. Дело в том, что для политологов (а также социологов), занимающихся теорией революции, гражданская война является частью революционного процесса. Своеобразным символом такой ситуации является развиваемая на данный момент идея различения «вооруженных» и «невооруженных» революций¹.

В свою очередь, крупные историки, занимающиеся на данный момент гражданской войной, практически не исследуют военную составляющую конфликта, изучая социальные, экономические, политические и проч. процессы и явления. Для них гражданская война – это продолжение развития тенденций, вызвавших революцию или порожденных революцией.

Об итогах такой ситуации для исторического изучения уже говорилось выше – причины революции и гражданской войны а priori отождествляются, гражданская война теряет специфическую субъектность, ярко выраженную причинность, как потеряла ее, во-многом, Октябрьская революция. На данный момент Октябрьская революция воспринимается в основном как важнейший шаг к гражданской войне, одна из ее причин. Она характеризуется как национальная катастрофа, препятствовавшая прогрессу, вместо того, чтобы его ускорить². В свою очередь, образ «кровавого противостояния» гражданской войны распространяется порой и на всю революцию, в т.ч. на события февраля – сентября 1917 года³.

Среди причин одновременно и гражданской войны, и революции, в отдельных высказываниях называются Первая мировая война (в т.ч. как источник внутривнутриполитического конфликта и роста апокалиптических настроений населения), мальтузианский/экоцивилизационный кризис, национальные противоречия. Источники революционного насилия и насилия времен гражданской войны аналогизируются в образе «красной смуты».

интернационализации внутренних конфликтов». См.: Агамбен Д. *Stasis. Civil War as a Political Paradigm*. – Stanford: Stanford university press, 2015. – P. 3.

¹ Медведев И.А., Коротаев А.В. Структурные факторы мирной и вооруженной революционной смены власти: опыт анализа методами машинного обучения // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Ежегодник. – Волгоград: Учитель, 2021. – С. 145-189; Устюжанин В.В., Сумерников И.А., Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Урбанизация и революция: количественный анализ // Социс. – 2022. – № 10. – С. 85-86.

² Российские революции: 90 лет спустя. «Круглый стол»... С. 169.

³ О причинах Русской революции... С. 19; Булдаков В.П. Красная смута...

Структурное исследование причин революции и гражданской войны, проведенное выше (табл. 1 и 3), дает возможность их сопоставить и увидеть практически одинаковые обобщающие группы. Исключение составляет коммуникативный кризис – неплохо разработанный в истории революции, но находящийся на начальных этапах изучения в истории гражданской войны¹. Еще одна крупная группа причин (социально-экономический кризис) также оказалась плохо представленной в опросах и обзорах по истории гражданской войны. Однако, как известно, неомальтузианский концепт, а также представление о провале экономической политики Временного правительства, да и большевиков тоже (они не смогли обеспечить обещанный рост уровня жизни городских слоев, включая рабочих), присутствует в историографии.

Изучение причин гражданской войны в большей мере, нежели причины революции вообще, сосредоточено на изучении «катастрофического сценария» революции. Тем не менее, если посмотреть на современный перечень причин Октябрьской революции и сопоставим с причинами гражданской войны, то, думается, никаких особых различий не обнаружится. И там, и там причины описываются через архетип фатального раскола общества. Следовательно, имплицитно Октябрьская революция и гражданская война с точки зрения причинности для современных исследователей – одно и то же.

* * *

Подобное срастание представлений о существенном сходстве причин революции и гражданской войны вызвано объективными факторами: ситуацией в теории изучения феномена и реальной зависимостью.

Хорошим примером новаций в области теории исследований гражданской войны в России являются недавние работы Б.И. Колоницкого

¹ Разиньков М.Е. Война интерпретаций: концепция «гражданской войны» в российском политическом сознании 1917 – 1922 гг. // Вопросы истории. – 2017. – № 10. – С. 3-15; Резник А.В. Риторика репрезентации гражданской войны в «Известиях» (октябрь 1917 – январь 1918 гг.) // Вестник Пермского университета. История. – 2021. – № 3 (54). – С. 88-100; Колоницкий Б.И., Годунов К.В., Тарасов К.А. «Гражданская война»: политическое использование понятия и культурная подготовка гражданской войны в 1917 году // Гражданская война в России: проблемы выхода, исторические последствия, уроки для современности: сб. науч. тр. – Новосибирск: Изд-во Параллель, 2022. – С. 344-360; Слова и конфликты: язык противостояния и эскалация гражданской войны в России / под. ред. Б.И. Колоницкого [и др.]. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022. – 328 с.

(а также группы исследователей, в которой он является неформальным лидером), изучающие язык и политическую культуру гражданской войны. Предпочитая говорить о ситуативности развития революции, Б.И. Колоницкий перечисляет условия, при которых сценарий возникновения гражданской войны становился все более вероятным. Точкой невозврата он полагает выступление Л.Г. Корнилова, после которого возможности достижения политических договоренностей минимизировались¹. В исследовании присутствуют и долговременные, уходящие в имперский период, и возникавшие после февраля 1917 г. «условия», и, говоря языком Д. Голдстоуна, причина-повод (корниловщина). И все же исследования Б.И. Колоницкого – это еще одна попытка говорить о гражданской войне языком политологических теорий революции.

Немаловажно уяснить для себя – возможна ли теоретизация рассуждений о причинах гражданской войны в тех же сложных формах, как и в случае с причинами революций? Существует ли язык описания причин гражданской войны, вне языка теорий революции? Представляется, что да. Само понятие «война» на данный момент целенаправленно отделяется от понятия «революция»². Изучение гражданской войны на современном этапе развития прикладных социальных наук значительным количеством исследователей (политологами, социологами) представляется особой предметной областью, связанной с осознанием того, что речь идет о вооруженном конфликте. Последний факт существенным образом отличает гражданскую войну от революции, рассматриваемую сейчас как преимущественно политический конфликт (впрочем, как было показано ранее, есть тенденция разделять «вооруженные» и «невооруженные» революции). Проблема заключается в том, что в отечественных социально-гуманитарных науках эта область знания находится в стадии становления³. Попытки теоретизации проблемы гражданской войны, в т.ч. используя «союз» политологии и истории, являются

¹ Колоницкий Б.И. Политическая культура России и гражданская война...

² Яницкий О.Н. Современные войны: взгляд социолога // Социс. – 2015. – № 5. – С. 154-164; Образцов И.В. Война как объект социологического анализа // Социс. – 2020. – № 10. – С. 106-116; Малешевич С. Конец войне? Социологический анализ основных подходов к изучению войны // Социс. – 2021. – № 9. – С. 80-93.

³ Об этом см., например: Образцов И. В. Война в предметном поле современной зарубежной социологии // Социс. – 2023. – № 5. – С. 167-172.

единичными¹. Приходится обращаться преимущественно к зарубежному опыту выявления причин гражданской войны в контексте теоретического осмысления этого феномена.

Авторы доклада Мировому банку, посвященного феномену гражданских войн, выделили наиболее вероятные причины таковых, отталкиваясь от полученных статистических данных. Согласно их исследованию, главным фактором риска возникновения гражданских войн является... экономическое неблагополучие: «Большинство людей думают, что они уже знают коренные причины гражданских войн. Политические правые склонны считать, что это связано с этнической и религиозной ненавистью, те, кто находится в политическом центре, склонны предположить, что это происходит из-за отсутствия демократии и что насилие имеет место, где отсутствуют возможности для мирного разрешения политических споров, и левые политические деятели склонны считать, что это связано с экономическим неравенством или глубоко укоренившимся наследием колониализма. Ни одно из этих объяснений не сочетается (в очевидной степени) со статистическими данными. С эмпирической точки зрения наиболее поразительной закономерностью является то, что гражданские войны концентрируются в беднейших странах. Война порождает бедность, но еще важнее указать на то, что бедность увеличивает вероятность гражданской войны. Таким образом, наш центральный аргумент можно сформулировать кратко: ключевой первопричиной конфликта является провал экономического развития (выделено мной. – М.Р.). Страны с низким, застойным и неравномерным распределением доходов на душу населения, которые оставались зависимыми от сырьевых товаров для экспорта, сталкиваются с опасно высокими рисками затяжного конфликта. В отсутствие экономического развития, ни хороших политических институтов, ни этническая и религиозная однородность, ни высокие военные расходы, обеспечивают значительную защиту от крупномасштабного насилия»².

Продолжая мысль об исключительно важной роли экономического развития, авторы, ссылаясь на предыдущие разработки П. Коллиера и

¹ См., например: Посадский А.В. Гражданская война в России под углом зрения политической конфликтологии // Полис. – 2002. – № 3. – С. 72-80.

² Collier P., Elliott V. L., Hegre H., Hoeffler A., Reynal-Querol M., Sambanis N. Breaking the Conflict Trap: Civil War and Development Policy. – Washington: A copublication of the World Bank and Oxford University Press, 2003. – P. 53.

А. Хёффлера, отмечают: «Существуют три значимых экономических фактора: уровень дохода на душу населения, темпы его роста и структура, а именно, зависимость от сырьевого экспорта. Удвоение дохода на душу населения примерно вдвое снижает риск бунта; каждый дополнительный процент возрастания снижает риск на приблизительно один процент»¹. Одновременно, если экспорт сырья составляет около 30 % ВВП, то у страны существует немалая (33 %) степень риска начала гражданской войны. Если же такой экспорт составляет всего 10 %, то риск падает до 11 %. Завершая мысль, авторы указывают, что все исследования сходятся во мнении в том, что «существует связь между нищетой и гражданской войной»².

Они также обращают особое внимание на такой важный фактор гражданской войны, как формирование и причины устойчивого существования военных организаций и отрядов, без которых война вообще невозможна. «Чтобы понять первопричины гражданской войны, нам нужно изучить побудительные мотивы формирования этих частных военных организаций. Почему образовались такие группы, каковы их мотивы? Как они образуются, то есть каковы их возможности?»³.

Уже две озвученные выше мысли разрушают картину «политического» движения от революции к гражданской войне. Выдающаяся роль экономических факторов, а также необходимость изучать мотивацию, организационный и ресурсный потенциал основных сил гражданской войны, и, прежде всего, лиц, создавших вооруженные формирования, прямо противоречат тем акцентам, которые делаются современной историографией при описании причин гражданской войны (табл. 3). Если проводить историческую аналогию, то, видимо, следует обратить внимание на вооруженную деятельность большевиков перед Октябрем или сразу после него, а в дальнейшем на формирование военных организаций Белого, националистического, крестьянского движений именно с точки зрения уяснения причинности противостояния, а не его последствий или динамики. Показательно, что вышедшая недавно испаноязычная сравнительно-историческая монография о гражданских войнах XX века также указывает на

¹ Ibid. P. 58.

² Ibid. P. 58.

³ Ibid. P. 54.

то, что «подавляющее большинство их (гражданских войн. – М.Р.) произошло в бедных и периферийных странах»¹.

Другое наблюдение авторов доклада указывает на важнейшую роль этнического и религиозного фактора, но при условии, если существует ситуация «этнического доминирования», т.е. когда самая многочисленная этническая группа составляет от 45 до 90 % населения². Ситуация сходства с Российской империей представляется разительной, особенно при том, что ситуация взаимосвязи национального вопроса и причинности гражданской войны является в отечественной историографии дискуссионной, а религиозные факторы в перечне причин гражданской войны вообще отсутствуют (церкви разных вероисповеданий в современных исследованиях и публикациях описываются преимущественно как жертвы).

Риск этнических противоречий возрастает, если происходит борьба за обнаруженные природные ресурсы³, т.е. и здесь экономический фактор является той переменной, которая дестабилизирует ситуацию. В этом отношении можно вспомнить о ситуации с нефтью, обнаруженной на Северном Кавказе, и вызвавшую многоуровневую конкуренцию, начиная от попыток контролировать месторождения местными вооруженными группировками, и заканчивая надеждами политических режимов и интересами европейских государств. Другим, несомненно, дефицитным ресурсом здесь стала земля.

Статья Д. Диксона показывает многообразие исследований о причинах гражданской войны, в которых авторы изучают влияние на ее возникновение демографической ситуации, географических и экологических особенностей, ресурсов, общего экономического развития и соотношения экономических факторов, наличия вооруженных столкновений в предыдущие годы, смены режимов и их форм. В общем соглашаясь с мнением авторов доклада, приведенным выше, Д. Диксон говорит о работах, которые указывают на то, что примерно равномерная плотность населения повышает вероятность гражданской войны, то же можно сказать и о преобладании сельскохозяйственного населения. Влияют на начало гражданской войны и наличие войн в сопредельных государствах, и размер страны, и наличие

¹ Rodrigo J., Alegre D. *Comunidades rotas. Una historia global de las guerras civiles, 1917 – 2017.* – Barcelona: Galaxia Gutenberg, 2019. – P. 662.

² Collier P., Elliott V. L., Hegre H., Hoeffler A., Reynal-Querol M., Sambanis N. *Breaking the Conflict Trap...* P. 58.

³ *Ibid.* P. 60.

гористых местностей, и деградация почв, и проблемы с водоснабжением, и наличие важных с международной точки зрения природных ресурсов, и процент правительственного потребления ВВП, и сырьевой экспорт как процент ВВП, и рост числа беженцев, и повышение военных расходов на душу населения, и промежуточность режима («смесь» демократии и авторитаризма, в то время как крайние точки – чистая демократия и чистый авторитаризм, – скорее, снижают риск начала войны), и недавняя смена режима, неважно в какую сторону (демократию или авторитаризм) началось движение страны, и усиление дискриминации¹.

Дальнейшее изучение исследований, посвященных гражданской войне, указывает на ту роль, которую играет в ней интервенция. Склонность современных историков рассматривать интервенцию в качестве второстепенной причины гражданской войны в России (или подменять ее образом чехословацкого мятежа) находится в прямом противоречии с имеющимися политологическими работами. Так, Н. Карлен, обобщая современные знания о роли интервенции в гражданских войнах, отмечает следующее ее воздействие: увеличение продолжительности конфликта; уменьшение вероятности того, что конфликт будет решен путем переговоров; увеличение количества жертв; увеличение вероятности перерастания конфликта в международный; снижение вероятности установления демократического режима; увеличение вероятности борьбы между повстанческими группировками². Реалии ситуации на территории бывшей Российской империи на рубеже 1917 – 1918 гг. были таковы, что гражданская война в общем-то угасала. Однако привлечение к внутреннему противостоянию сил Центрального блока (в Финляндии, на Украине, на Кавказе), а затем Антанты, судя по всему, усилили тенденцию к продолжению войны.

Справедливости ради следует отметить, что, как и в исследованиях по поводу причин революций, в работах по гражданским войнам среди авторов

¹ Dixon J. What causes Civil wars? Integrating quantitative research findings // *International studies review*. – 2011. – № 11. – P. 707-735. См. также: Разиньков М.Е. Об изучении гражданской войны в современной англоязычной политологии // *Альманах Ассоциации исследователей гражданской войны в России* / под ред. В.И. Голдина. – Вып. 3. – Архангельск: Изд-во САФУ, 2017. – 49-54.

² Карлен Н. Исторические тенденции оказания помощи извне в гражданских войнах // *Ежегодник СИПРИ 2016. Вооружения, разоружение и международная безопасность*. – М.: ИМЭМО РАН, 2017. – С. 130-132.

нет устойчивого и однозначного мнения о наборе наиболее «железных» причин гражданской войны. Выделив 30 факторов, которые могут влиять на начало гражданской войны или, наоборот, препятствуют ее возникновению, Д. Диксон смог выделить только 2 позиции, которые подавляющее большинство исследователей относят к однозначным причинам гражданской войны – это нефтяной экспорт и нестабильность режима. Вокруг прочих причин ведутся дискуссии, и уровень консенсуса здесь Д. Диксон определяет как «средний» или «низкий»¹. Он подчеркивает, что неоднократные попытки предсказать гражданскую войну имели скромные результаты. Н. Карлен, разбираясь с вопросом о том, является ли помощь извне основной причиной начала гражданской войны, также указывает на дискуссионность этого вопроса².

* * *

Насколько взаимосвязаны революция и гражданская война? Простые наблюдения показывают очевидную зависимость гражданских войн от революций, по крайней мере, для первой половины XX века. По подсчетам Л.Е. и А.Л. Грининых, в этот период в мире произошли, как минимум, 42 события, которые можно отнести к революционным³. Из них только в единичных случаях в странах не наблюдалось вооруженных столкновений с сотнями погибших, а повстанческое движение против нового режима было, наверное, везде. Можно также утверждать, что в этот период не было гражданских войн, не порожденных революцией или каким-либо переворотом. Получается, что революция и гражданская война («в широком смысле») с точки зрения причинности – это действительно одно и то же, а причины гражданской войны в России можно представить в виде совокупности данных табл. 1 и 3.

С другой стороны, и крупномасштабные, разрушительные для страны, «фронтовые» гражданские войны – явление достаточно редкое. В этом отношении российская гражданская война не похожа на подавляющее большинство столь многочисленных внутренних вооруженных конфликтов. Представляется, что современную теорию революции и теорию гражданской войны объединяет одна важная особенность – в обоих случаях причинность событий не рассматривается как некая конечная совокупность. Причины

¹ Dixon J. What causes Civil wars?... P. 711.

² Карлен Н. Исторические тенденции... С. 132.

³ Гринин Л.Е., Гринин А.Л. Революции XX века... С. 56-62.

революции и гражданской войны возникают не только перед, но и в ходе осуществления этих феноменов, усиливая градус напряженности.

Следовательно, для исторических исследований остаются немаловажными вопросы – почему Февраль породил эскалацию противостояния в форме Октября и дальнейшей гражданской войны; и, главное, почему гражданская война стала такой крупномасштабной, действительно общегражданской и действительно настоящей «фронтальной» войной, а не простым внутренним вооруженным конфликтом, либо партизанско-повстанческой войной?

Глава 3. Историография 1920-х – 1970-х о причинах революций и гражданской войны в Центральном Черноземье

Советская историография была необъективной. Этот недостаток был вызван целым комплексом причин.

Что могли представлять собой работы по истории революции, написанные ее современниками, участниками или их политическими наследниками в 1920-х – 1950-х гг.? Нагруженные эмоциями, личными воспоминаниями, стремлением доказать право на победу, порой упрекнуть победителей, а то и пересмотреть свои «ошибочные» взгляды, они обладали чертами исторической публицистики и мемуаров, что вносило известную путаницу в само понятие – историография. До конца XX века воспоминания участников событий предлагалось считать начальным этапом историографии.

Насколько в 1920-х – 1980-х гг. были доступны источники по изучаемым событиям? Определенная свобода архивов, включая газетные публикации, в 1920-е гг. довольно быстро сменилась прямым государственным террором, как против историков, так и против источников. Оставила свой след и Великая Отечественная война, уничтожившая для Черноземья часть материалов. В дальнейшем архивы были, во многом, закрыты организациями, документация, которая из них выходила в виде исследовательских выписок, откровенно цензурировалась, далеко не все дела выдавались.

Постоянное и обязательное цитирование В.И. Ленина в качестве главного аналитика событий, стремление доказать правоту его слов, доходившее до подмены фактов высказываниями вождя большевизма, превращало исследования из исторических работ в разновидность политических сочинений.

Разумеется, это не исключает аналитичности монографий и статей 1920-х – 1970-х гг., своих вершин. Однако стремление с помощью научных работ доказать правоту единственной партии, доходящая до унижения противника риторика, привлечение выгодных источников для доказательства своей позиции, разработка таких же, выгодных, тем (например, истории исключительно большевистской организации) – все это, согласитесь, не признаки объективного исторического исследования.

Данные заявления относятся к региональной историографии Черноземья особенно. Следует понимать, что вплоть до 1980-х гг. ее практически не затронули многие новации советской исторической науки 1950-х – 1970-х гг., например, дискуссии о «мелкобуржуазных партиях», «средних городских слоях».

Вместе с тем, задачей этой главы является не обличение исследователей ушедших поколений, а попытка обобщить их взгляды на интересующие нас сюжеты.

3.1. Причины Февральской революции в регионе

Объединение историографии 1920-х – 1970-х гг. в один этап только на первый взгляд выглядит необычным. В действительности, как будет показано ниже, представления о причинах революции менялись в это время очень незначительно. Исследователи, в основном, «совершенствовали» утверждения, сформулированные еще в 1920-е – 1930-е гг. Помимо очевидных проблем в регионе, отмечавшихся еще современниками и получивших название «оскудение центра», такой консерватизм во взглядах объясняется вполне однозначными высказываниями В.И. Ленина по поводу состояния Черноземных губерний. А.Я. Переверзев, ссылаясь на вождя большевиков, отмечал: «Изучаемые губернии представляли собой один из самых отсталых аграрных районов России, где преобладали отработки, которые являлись главной причиной “застоя всего народного хозяйства и невиданного на свете принижения земледельца...”»¹. Единственным существенным дополнением к комплексу причин, вызвавших Февраль, стало изменение отношения к роли большевиков в конце 1930-х – начале 1950-х гг.

Практически любое крупное исследование о 1917 г. не могло обойтись без анализа социально-экономического развития Черноземья в предреволюционный период. Глава или параграф об этом стали традиционной и, в какой-то степени, ритуальной частью таких работ. Именно здесь сосредотачивались основные рассуждения о причинах падения царизма. Февралю в этом отношении «повезло» и «не повезло» одновременно. «Повезло», поскольку о его истоках рассуждали хотя и несколько однообразно, где-то идеологизированно, но много. «Не повезло», потому что последующим поколениям исследователей предлагалось, по умолчанию, считать причины

¹ Переверзев А.Я. Социалистическая революция в деревне Черноземного центра России (октябрь 1917 – 1918). – Воронеж: Из-во Воронежского университета, 1976. – С. 7. См. также: Шуляковский Е. В.И. Ленин и трудящиеся Черноземного центра. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издание, 1977. – С. 8-14.

Февраля, одновременно, причинами Октябрьской революции, и даже – Гражданской войны, о которых специального параграфа никто не составил.

Объясняется это марксистскими представлениями о ключевой роли социально-экономических факторов в изучаемых событиях, которые действовали на долгой исторической протяженности и, соответственно, не могли сильно меняться за год – полтора (1917 – 1918 гг.). Специальное разделение предпосылок и причин для Февраля, Октября и Гражданской войны по умолчанию считалось излишним. В свою очередь, политические причины воспринимались как вспомогательные, хотя, несомненно, тоже учитывались.

Следование идеологическим установкам и пониманию того, что на протяжении всего начала XX века шла деградация социально-экономической жизни, привело к очевидным недостаткам. Для описания предреволюционной ситуации давались цифры статистики то за 1903 г., то за 1905 г., то за 1917 г., то вообще за конец XIX века. Например, В.М. Фефелов для характеристики состояния крестьянского хозяйства непосредственно перед Октябрем использует данные статистики за 1905, 1912, 1916 гг., практически отрицая начавшийся весной – летом 1917 г. земельный передел¹. Сравнительные показатели, в т.ч. количество оцениваемых губерний Черноземья и в России в целом, определялись в какой-то степени произвольно. Скажем, в монографии А.Я. Переверзева, которую следует считать вершиной советского этапа «аграрной» историографии по количеству привлеченных и проанализированных материалов, оперируется цифрами сравнения то из 38, то из 47 губерний². Кстати, и работа В.М. Фефелова, и монография А.Я. Переверзева посвящены не Февралю, а Октябрю.

Интересно, что, несмотря на все призывы учесть важнейшую роль пролетариата в революционной борьбе, звучавшие порой очень интенсивно и настойчиво, историография 1920-х – 1970-х гг. так и не смогла сместить акцент рассуждений с крестьянской жизни на городское движение, что объясняется абсолютным преобладанием крестьянского населения в регионе.

* * *

¹ Фефелов В.М. Борьба воронежской большевистской организации за установление власти Советов и проведение первых земельных преобразований в Воронежской губернии (октябрь 1917 г. – июнь 1918 г.). Дис. ... канд. ист. наук. – Воронеж, 1963. – С. 183, 190.

² Переверзев А.Я. Социалистическая революция в деревне Черноземного центра России (октябрь 1917 – 1918). – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1976. – С. 6, 9.

Уже в 1920-е гг. центральным тезисом историографии революции стало утверждение о тотальном и непреодолимом в условиях царизма обнищании населения, усугубленном империалистической войной. По подсчетам И.Д. Балашова, в пересчете на гектары крестьяне в 1860 и 1917 гг. на душу населения имели в Курской губернии 3,4 и 1,9 га, Орловской – 3,6 и 1,9, Тамбовской – 3,9 и 2,1¹. Вместе с тем, очевидно, что среди авторов 1920-х – 1930-х гг. не было согласия – какие же, собственно, хозяйства считать бедными. Одни авторы говорили о бедности хозяйств в 2 – 3 и даже 5 десятин, другие и 6 десятин считали «нищенским» наделом². «Число земельной бедности» определилось, судя по всему, только к 1950-м гг., когда из исследования в исследование стала кочевать цифра в 8 десятин на двор (от 8 до 15 – середняцкое, от 15 и более – кулацкое)³.

К этой статистике добавлялись впечатляющие цифры хозяйств, которые вообще не имели скотины, либо были безлошадными. Например, в Тамбовской губернии численность безлошадных хозяйств к 1912 г. достигала 35,8 %. Отмечалось, что мировая война усугубила этот процесс. По данным А. Голубевой, в ранее скотоводческом (середина XIX века) Центрально-земледельческом районе цифра безлошадных хозяйств во время Первой мировой составляла 71 %⁴.

Естественно, вставал вопрос о причинах впечатляющей бедности. Поиск таковых осуществлялся, опять же, преимущественно в экономической сфере. Из этих причин выводились оправдания для революционного решения вопроса.

¹ Балашов И.Д. Аграрное движение в ЦЧО в 1917 году. – Вып. 1. – Воронеж: Издательство «Коммуна», 1930. – С. 23.

² Там же С. 18, 23; Голубева А. Аграрное движение в ЦЧО в 1917 году. – Выпуск II-ой (Материалы по б. Воронежской губ.). – Воронеж: Коммуна, 1930. – С. 4, 7; Верховых В.[М.] Пять лет борьбы. Деревенская беднота и рабочие в борьбе с буржуазией. Роль Борисоглебской организации РКП(б) в этой борьбе. Без места и года. С. 4. Впрочем, одновременно, признавалось, что не во всех уездах ситуация была одинаково плачевна. Например, в Борисоглебском уезде Тамбовской губернии безлошадность в 1918 г. составляла только 11 %, а урожаи были почти в 2 раза выше, чем в северных уездах губернии.

³ Глебов Л.Д. Борьба большевиков за установление и упрочение советской власти в Курской губернии (март 1917 г. – декабрь 1918 г.) – Курск: Областное книгоиздательство, 1952. – С. 10; Яненко И.Е. Борьба большевиков за победу и упрочение советской власти на Брянщине (март 1917 – июль 1918 гг.) – Тула: Приокское книжное издательство, 1977. – С. 19-21.

⁴ Голубева А. Аграрное движение в ЦЧО в 1917 году... С. 4, 7.

Характерно, что общий перечень комплекса социально-экономических причин революции, буквально попунктно, был дан еще в 1927 г. в работе, посвященной Курской губернии, и в дальнейшем историки, по сути, только подтверждали его сведениями по другим губерниям¹.

Действительно, по существовавшим на тот момент подсчетам, в Тамбовской губернии крестьянам принадлежало только 61,3 % земель. Следовательно, «черный передел» дал бы прирост крестьянских наделов почти в 2 раза.

Фактором, сдерживающим рост благосостояния крестьянских хозяйств, назывались крепостнические пережитки, к каковым относились всевозможные отработки и чересполосица: «Вот несколько примеров этой барщины. В дер. Рождественской, Мценского у., среди крестьянской земли расположены 3 участка, не принадлежащих крестьянам. За проезд через них на свои поля крестьяне отработывают. В дер. Знаменской, Орловской губ., надел расположен на 11 кусках: из них 2 – при поселении, а 3-й и 4-й – в чересполосице; проезд на эти участки есть, а за право прогона на них скота крестьяне убирают обыкновенно 6 дес. хлеба»².

Крепостнические пережитки, а также несправедливое распределение земли не позволяли крестьянам преодолеть порог бедности, поскольку они не могли ни приобрести улучшенные орудия труда, ни удобрить землю, ни отвести значительную часть земель на более доходные технические культуры. Бывших помещиков также обвиняли в навязывании крестьянам арендной платы, превышавшей доходность арендуемых земель.

Попытки крестьян региона самостоятельно выйти из кризиса путем развития кооперации и кустарных промыслов приводили к ничтожным результатам³. «Итак, борьба 75 % крестьянства за увеличение своей площади земли в два раза, борьба против крепостнических отношений, которые закабалили 98 % крестьянства – таковы главные основы крестьянской борьбы против помещика и помещичьего строя», – заключал И.Д. Балашов⁴.

¹ Курск в революции: сборник материалов по истории Октябрьской революции в Курском крае. – Курск: Истпарт Курского губкома ВКП(б), 1927. – С. 21-22.

² Балашов И.Д. Аграрное движение в ЦЧО в 1917 году... С. 26.

³ Курск в революции... С. 22.

⁴ Балашов И.Д. Аграрное движение в ЦЧО в 1917 году... С. 27.

Одновременно, в «зажиточных» уездах нарастал раскол внутри крестьянства, поскольку бедные продолжали беднеть, а богатые – богатеть¹.

Исследования 1950-х – 1970-х гг. воспроизводили сходные причины перманентного ухудшения жизни большинства сельского населения: сосредоточение земли у помещиков и кулаков, пережитки крепостничества, необеспеченность села скотом и сельскохозяйственной техникой². Важным тезисом было утверждение не только о бедности, но и голодовках, которые назывались причиной отходничества. Дополнить картину всеобщего страдания должны были данные о ничтожных расходах на образование и просветительские объекты (например, на библиотеки)³. Итоговая неграмотность населения, видимо, рассматривалась как еще одно препятствие на пути прогресса. В отдельных работах также обращалось внимание на работу появившихся в селе агрономов лишь в крупных «кулацко-помещичьих» хозяйствах, а также на низкий уровень здравоохранения⁴.

Правительство, по мысли историков, не могло разрешить этих проблем, поскольку, во-первых, поддерживало помещиков и богатеев, во-вторых, чрезмерно увеличило налоговый гнет на сельское население. «В доход казны нужно было уплачивать государственные сборы, которые слагались из оброчных податей, лесного налога, выкупных платежей (не существовали с

¹ Верховых В.[М.] Пять лет борьбы... С. 4.

² Соболев П.Н. Подготовка социалистической революции и установление Советской власти в Воронежской губернии. – Воронеж: Воронежское книжное издательство, 1955. – С. 7-9; Глебов Л.Д. Борьба большевиков за установление... С. 9-10; Краснов Б.И. Борьба партии большевиков за создание и укрепление союза рабочего класса и беднейшего крестьянства в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции (по материалам Курской губернии, март 1917 г. – март 1918 г.). Автореф. дис. канд. ист. наук. – Воронеж, 1955. – С. 7-8; Дзюба М., Михалев Г. В борьбе за власть Советов. – Орел: Орловское книжное издательство, 1959. – С. 7-8; Морев П.Г. Крестьянское движение в Воронежской губернии накануне Октябрьской революции (март – октябрь 1917 г.) – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1961. – С. 5-16; Феллов В.М. Борьба воронежской большевистской организации... С. 183, 190; Морозов В.Ф. Борьба большевистской партии за установление советской власти в северочерно-земных губерниях центральной России (октябрь 1917 – март 1918 г.) Автореф. дис. докт. ист. наук. – М., 1968. – С. 15; Яненко И.Е. Борьба большевиков за победу... С. 16-26; Переверзев А.Я. Социалистическая революция в деревне... С. 7-8.

³ Дзюба М., Михалев Г. В борьбе за власть Советов... С. 10-11.

⁴ Черников М.Н. Октябрь в Тимском уезде Курской губернии // Краеведческие записки / ред. М.Г. Кузнецова. – Вып. 2. – Курск: Курское книжное издательство, 1963. – С. 83-84.

1907 г. – М.Р.), поземельного налога и подушной подати; земство тянуло на земские нужды и в страховой сбор, мир – на мирские и общественные расходы», – указывала в 1930 г. А. Голубева¹.

Столыпинская реформа считалась провальной, вдобавок увеличивавшей социальные противоречия в крестьянстве. Поскольку от нее разорялись не только бедняки, но и середняки (земские начальники отдавали лучшие земли хуторянам), крестьяне-общинники были категорически против выхода из общины односельчан².

Первая мировая война рассматривалась исключительно в качестве фактора, усугубляющего обнищание и раскол деревни. От роста цен на сельскохозяйственные продукты выигрывали только кулаки, прочие же хозяйства теряли рабочие руки, лошадей, не могли купить дорожающую мануфактуру, вынуждены были отдавать землю в аренду богачам³.

* * *

Одновременно, нельзя сказать, что историография 1920-х – 1970-х вообще не эволюционировала. Среди явных особенностей можно назвать наличие своеобразных «альтернативных» взглядов у историков 1920-х гг. (как правило, бывших деятелей земского и социалистического движения), которые в дальнейшем были отвергнуты как неверные; попытки обратиться к демографическим сюжетам в 1950-е гг., положению солдат в 1950-е – 1970-е гг.; развитие представлений о роли большевиков и месте рабочих в событиях Февраля.

Из «альтернативных» версий развития ситуации в предреволюционной деревне следует выделить работу Н. Скрынникова по Борисоглебскому уезду Тамбовской губернии (судя по всему, это был бывший секретарь городской управы Н.С. Скрынников). Автор полагал, что до Первой мировой войны сельское хозяйство уезда интенсивно развивалось, а, повторяя тезис о губительном воздействии войны на земледелие, он все же делал существенные уточнения: семьи мобилизованных уменьшали запашку не только в силу

¹ Голубева А. Аграрное движение в ЦЧО в 1917 году... С. 9.

² Андреев В., Кулаев С. Октябрьская революция и гражданская война в Тамбовской губернии. – Тамбов, 1927. – С. 7; Дзюба М., Михалев Г. В борьбе... С. 8; Морозов В.Ф. Борьба большевистской партии... С. 15.

³ Андреев В., Кулаев С. Октябрьская революция... С. 11-12; Балашов И.Д. Аграрное движение в ЦЧО... С. 29.

отсутствия рабочих рук, но и из-за того, что, получая помощь от государства, они вообще оказывались не заинтересованы расширением запашки. Автор полагал, что помещики тоже пострадали от войны, поскольку недополучали рабочие руки, а сложные орудия труда и удобрения стали либо дороги, либо отсутствовали, т.к. были заграничными. В итоге, на войне очень сильно обогащались промышленники-мукомолы и торговцы. Первые получали большие госзаказы, вторые, поскольку «работа местного рынка потеряла спокойный характер, стала нервной», откровенно спекулировали. «Колоссальные барыши некоторых предприятий и торговцев не повели к росту промышленности и торговли, – возмущался Н. Скрынников. – За это “золотое время” для торговцев и промышленников район не обогатился ни одним предприятием, ни одной новой торговой фирмой. Местный торговый и промышленный капитал в последние дни своего покойного существования обнаружил лишь одну сторону свою: ненасытную жажду и полное отсутствие предприимчивости и делового размаха»¹. Иначе говоря, основной проблемой уезда к 1917 г. автор считал не вопиющую бедность и помещичий произвол, а разгул спекуляции и эгоизм местных бизнесменов.

Встречаются в 1920-е гг. – 1930-е гг. и любопытные историко-психологические сюжеты. В качестве причин нарастающей революционной ситуации называются всевозможные слухи о наделении крестьян землей, освобождении от налогов семей мобилизованных, а также «постоянные печальные вести с фронта»².

Следует подчеркнуть, что приобретший в наше время такое сильное звучание «демографический фактор» в советской историографии был не столь заметен, а по содержанию вообще был противоположен современным утверждениям. Историки советского периода долгое время полагали, что предреволюционная деревня откровенно вымирала. Это неудивительно, ведь тезис о «вымирающей деревне» был сформулирован еще до первой российской революции А.И. Шингаревым в одноименной работе³.

¹ Верховых В.[М.] Пять лет борьбы... С. 63-65.

² Андреев В., Кулаев С. Октябрьская революция... С. 11-12; Балашов И.Д. Аграрное движение в ЦЧО... С. 29.

³ Шингарев А.И. Вымирающая деревня: Опыт санитарно-экономического исследования двух селений Воронежского уезда. – 2-е изд. – СПб.: Обществ. польза, 1907. – 223 с.

Несмотря на то, что автор был выдающимся деятелем кадетской партии (для И.Г. Воронкова – «ярый защитник помещичье-кулацкой своры»)¹, ссылка на шингаревский труд не считалась крамольной даже в начале 1950-х гг.². Наиболее четко мысль о кошмарной смертности в деревне сформулировал П.Н. Соболев: «Задушенное бременем налогов, изнывающее под тяжестью непосильной работы, живущее впроголодь крестьянство [Воронежской] губернии вымирало. В 1906 году на каждую тысячу населения рождалось 20,4 человека, а умирало 33, в 1908 году рождалось 17,6 человека, умирало 33,6 человека, в 1909 году рождалось 7,8 человека, умирало 38,3 человека, в 1911 году рождалось 15,9 человека, умирало 40,4 человека»³.

Однако в дальнейшем этот тезис не получил широкого распространения. Исследователи предпочитали ограничиваться заявлениями не о вымирающей, а о голодающей деревне. Очевидно, это было связано с появлением в 1960-х гг. специализированных исследований, в частности, по истории медицины, которые приводили статистические сведения не об уменьшении, а о росте населения конца XIX – начала XX вв. Например, в очерках истории здравоохранения Воронежской области указывалось, что в 1864 г. в губернии проживало 1966,7 тыс., в 1897 г. – 2549,5 тыс., в 1913 г. – 3702,6 тыс. человек. Данные по соотношению рождаемости и смертности также указывали на то, что обычно рождаемость превышала смертность, хотя последняя была чрезвычайно велика⁴. Сходные сведения видим в истории здравоохранения Курской губернии⁵.

Несмотря на очевидную «зацикленность» историографии на крестьянском движении и аграрном характере региона, нельзя сказать, что ситуация с положением прочих социальных слоев оказалась совершенно забыта. Тенденция к изучению других «двигателей революции» – солдат и

¹ Воронков И.Г. Воронежские большевики в борьбе за победу Октябрьской социалистической революции. – Воронеж: Воронежское областное книгоиздательство, 1952. – С. 11.

² Глебов Л.Д. Борьба большевиков за установление... С. 10.

³ Соболев П.Н. Подготовка социалистической революции и установление Советской власти в Воронежской губернии. – Воронеж: Воронежское книжное издательство, 1955. – С. 8.

⁴ Фурменко И.П. Очерки истории здравоохранения Воронежской области: В 3 ч. – Ч. 1. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1968. – С. 186, 188-189.

⁵ Язвин М.А. Очерки по истории здравоохранения Курской области: В 3 ч. – Ч.2. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1967. – С. 167-169.

рабочих – особенно четко обозначилась уже в 1950-е гг., хотя историография уделяла пролетариату некоторое внимание и до этого. Тем не менее, жизнь этих социальных слоев представлялась калькой с крестьянской жизни. Эпитетами для описания их существования были: «бесчеловечная эксплуатация» и «хуже всякой тюрьмы». Так, В.Ф. Морозов, характеризуя жизнь солдат запасных полков в годы Первой мировой войны, заявлял: «Огромные массы людей были фактически заключены в казармах, которые сплошь и рядом были хуже всякой тюрьмы, ибо нигде так не давили и не угнетали личность, как в царской казарме; нигде не процветали в такой степени истязания, побои и надругательства над человеком»¹. С ним был согласен Л.Г. Протасов, называвший жизнь солдат «каторжной». В качестве доказательств он приводил выдержки из писем солдат, а также статистику Московского военного округа, по которой в 1915 г. в лечебных заведениях округа побывало 49,8 % личного состава, а в 1916 – 52,4 %; в течение 1916 г. умерло 6594 солдата, 137 покончили жизнь самоубийством. «В гарнизонах процветала кулачная расправа», в запасных частях были введены розги. Только в 1916 г. через военные суды МВО прошли 109765 дел².

Ситуация с рабочими долгое время представлялась аналогичной. Л.Д. Глебов отмечал: «Рабочие подвергались бесчеловечной эксплуатации, получали нищенскую зарплату. По данным статистики труда, средний годовой заработок рабочих Курской губернии в 1913 году составлял 112 рублей и являлся, после Тамбовской губернии, самым низким заработком из 70 губерний России»³. Не лучшей была жизнь рабочих Орловской губернии: шестнадцатичасовой рабочий день, отсутствие элементарной техники безопасности, низкие зарплаты (в 2 раза меньше, чем у немецких и английских рабочих), наличие очевидного гендерного неравенства и «беспощадных» штрафов, «кошмарные» жилищные условия, сходные с тюрьмой, не говоря уже о невозможности участия в политической жизни⁴. Дискуссии 1960-х гг. о мелкобуржуазности рабочих, имевших собственные дома и участки земли, позволяли, при желании, усомниться в утверждениях о голодном уровне жизни

¹ Морозов В.Ф. Борьба большевистской партии... С. 22.

² Протасов Л.Г. Солдаты гарнизонов Центральной России в борьбе за власть Советов. – Воронеж: изд-во Воронежского университета, 1978. – С. 31-32.

³ Глебов Л.Д. Борьба большевиков за установление... С. 9.

⁴ Дзюба М., Михалев Г. В борьбе... С. 5-6.

рабочих. Однако до 1980-х гг. исследователи Черноземья избегали делать серьезные обобщения на этот счет.

Одним из наиболее острых и откровенно проблемных вопросов для историографии был вопрос об участии большевиков в организации Февраля, как в деревне, так и в городе. Историография 1920-х – начала 1930-х гг., признавая наличие в губерниях Центрально-Черноземной области (ЦЧО) большевиков, все же не считала их присутствие сколько-нибудь важным фактором для событий Февраля. Рабочее движение, которое впоследствии увязывалось с деятельностью большевиков, также рассматривалось как явно вспомогательное.

В 1933 – 1935 гг. стала звучать самая жесткая критика в адрес таких воззрений, наиболее полно сформулированная в работах С. Фомичева. Рассуждая о тесном единстве крестьянского и рабочего движения до революции¹, автор заявлял: «рабочие ЦЧО, как часть рабочего класса, уже начиная со второй половины 90-х годов являлись авангардом революционного движения в условиях нашей области и в ходе борьбы трех революций проявили чудеса героизма»². Исследования И.Д. Балашова, где пролетариат выступает в качестве вспомогательной силы, названы в связи с этим «прямой клеветой на рабочих нашей области»³. Такой же критике была подвергнута и работа И.Г. Кизрина, которого упрекали в непонимании позиции большевиков в годы первой мировой войны, недооценке влияния пролетариата и партийных центров на развитие революции, переоценке роли крестьянства. «Образец надутый и пустой вульгаризации и извращения ленинизма, образец самостийной истории местной организации – так приходится характеризовать работу И.Г. Кизрина в целом... Истпарт ЦЧО, издавший в 1933 году эту работу, как первый этап истории местных организаций, совершил серьезную

¹ Фомичев С. Крестьянство ЦЧО в революции 1917 г. // Ленинский путь. – 1933. – № 10. – С. 19.

² Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИ ВО). – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 475. С. Фомичев. К вопросам изучения крестьянского движения в ЦЧО в 1917 г. Рукопись брошюры. 1933 г. – Л. 4.

³ ГАОПИ ВО. – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 476. С. Фомичев. Большевики Воронежской области в борьбе за крестьянство в 1917 г. 1935 г. – Л. 2.

политическую ошибку», – безапелляционно заключал автор рецензии С. Кржижановский¹.

Разумеется, доказать выдающуюся роль пролетариата в революции, а также сколько-нибудь существенное влияние большевиков на события Февраля оказалось довольно сложно. В 1930-е гг. как раз наблюдалось сворачивание многих исследований по причине «ошибочности» выводов и использования для работы «сомнительных» источников (небольшевистской прессы). Помешала и начавшаяся Великая Отечественная война. Так, например, не были изданы готовившиеся монографии и сборники документов по истории воронежской большевистской организации и большевистской организации ЦЧО, рабочем контроле.² В 1937 г. были уничтожены как «пришедшие в негодность» вышедшие всего за несколько лет до этого работы местных исследователей революции и гражданской войны³.

Тем не менее, после окончания Великой Отечественной войны работа в данном направлении возобновилась. Преемственность с тенденцией конца 1930-х гг. персонализировалась в лице воронежского исследователя И.Г. Воронкова, подготовившего монографию о большевиках еще в 1939 г. В вышедшей в начале 1950-х гг. работе автор не только приводил общие рассуждения о том, что рабочие и крестьяне «под влиянием политической агитации большевиков все больше проникались сознанием необходимости революционного выхода из создавшегося невыносимого положения»⁴, но и сформулировал фактическую составляющую концепта о роли большевиков в Февральской революции. Эта роль заключалась, по мысли И.Г. Воронкова, в немедленной радикализации настроений городского населения. Большевики сразу же повели агитацию среди рабочих, 4 марта «рабочие и революционные

¹ ГАОПИ ВО. – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 443. Рецензия истпартодела обкома ВКП(б) ЦЧО С. Кржижановского на книгу И.Г. Кизрина «Курская парторганизация в эпоху Октября и гражданской войны. 1917 – 1921 гг.». 1933 г. – Л. 19.

² ГАОПИ ВО. – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 85. План 2-го тома «Истории большевистских организаций ЦЧО» (февраль 1917 – 1935 гг.). 1935 г.; Д. 457. Рабочий контроль на предприятиях Воронежской губернии. 1917 – 1919 гг. Сборник документов. 1935-1936 гг.; Д. 437. И.Г. Воронков. Воронежские большевики в период подготовки и проведения Великой Октябрьской революции. Рукопись брошюры. 1939 г. и др.

³ ГАОПИ ВО. – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 101. Списки монографий, брошюр, журналов центральных и воронежского книгоиздательств, выделенных к уничтожению по спискам главлита и обллита. 1937 г. – Л. 1-2 об.

⁴ Воронков И.Г. Воронежские большевики... С. 24.

солдаты под руководством большевиков разоружили всю местную полицию и жандармов». Именно под их влиянием и вопреки пожеланиям меньшевиков и эсеров рабочие создали Совет рабочих депутатов. В срыве откровенного «соглашательства» меньшевиков и эсеров с буржуазией в форме усиления Комитета общественных организаций вместо создания Совета выдвинулось главное достижение большевиков, позволившее революции стать действительно революцией трудящихся. При этом Совет назывался единственной действительной властью в Воронеже¹. Также подчеркивалось, что связи воронежских большевиков с большевистскими организациями по всей России никогда не прерывались.

Этот концепт стал классическим. Он повторяется практически дословно в работе А.С. Поливанова, очерках истории воронежской организации КПСС². В последних изданиях обращалось внимание на активность большевиков в 1914 – 1916 гг. в среде рабочих, учащихся, солдат, влияние их на забастовочное движение, выступления в армии. Предлагалось считать, что крестьянские волнения также были прямо или косвенно связаны с большевистской пропагандой. Сходную картину видим и по другим губерниям³, хотя доказать на фактах активное участие большевиков в событиях февраля – марта 1917 г. здесь было сложнее, поскольку, в отличие от прочих губерний ЦЧО, только воронежские социал-демократы действительно тяготели к большевизму.

3.2. Причины Октябрьской революции в губерниях Черноземья

«Великая Октябрьская социалистическая революция» – этот термин был священен для советской пропаганды. Тем удивительнее выглядит тот незначительный объем информации, касающейся причин Октября в ЦЧО, который можно почерпнуть из исследований. В любом случае, она не выделяется в особые главы и параграфы, в т.ч. поскольку, как уже говорилось,

¹ Там же. С. 25-30.

² Поливанов А.С. Революционные события в Воронеже в 1917 году (материал для студентов). – Воронеж, 1967. – С. 15-19; Очерки истории Воронежской организации КПСС / отв. ред. А.В. Лосев. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1967. – С. 79-85; Очерки истории Воронежской организации КПСС / отв. ред. А.В. Лосев. – Изд. 2-е. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1979. – С. 82-88.

³ Очерки истории Курской организации КПСС / отв. ред. П.И. Кабанов. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1980. – С. 50-61.

социально-экономические причины, вызвавшие Февраль и лежавшие в основе революции, по мнению советских историков, никуда не делись весной и летом 1917 г. В связи с этим на первый план выступили рассуждения о политических факторах Октябрьской революции, как о более изменчивых, «надстроечных» по отношению к социально-экономическим.

Важнейшим тезисом, выдвинутым историографией, стало утверждение о «предательстве» эсерами и меньшевиками интересов трудящихся. Впрочем, этот тезис утвердился не сразу, вызвав во второй половине 1920-х гг. заметную дискуссию. Предпосылкой для его формулирования послужили рассуждения о неспособности теперь уже Временного правительства решить народные проблемы, соседствовавшие с четко оформившимися представлениями о провальной политике эсеров и меньшевиков.

Оценка деятельности социалистических партий первоначально варьировалась от «нерешительного соглашательства» до прямого «предательства» народных интересов, причем последний вариант уже в 1930-е – 1940-е гг. явно превалировал над первым.

Критике подверглась поддержка эсерами правительственной репрессивной политики, борьба с земкомами, требовавшими немедленного передела земли (И.Д. Балашов) или, наоборот, присутствие эсеров в земкомах, являвшихся проводниками правительственных мер (А. Голубева)¹. Эсеров и меньшевиков упрекали в примиренчестве с буржуазией, недалекости. «Мелкобуржуазные партии» не увидели возможности установления Советской власти мирным путем после корниловского мятежа, свернув революционную активность и призвав вновь к «гражданскому миру». Тем самым социалисты сыграли на руку «не дремавшей» контрреволюции своей «нерешительностью, неуверенностью, нетвердостью»². В качестве «соглашателя» и союзника буржуазии предлагал рассматривать эсеров и меньшевиков И.Г. Кизрин, хотя он, например, довольно четко разделял «буржуазно-помещичий блок» и «соглашателей», которые все же пытались подстроиться под настроения народных масс³.

¹ Голубева А. Аграрное движение в ЦЧО... С. 33, 38-39; Балашов И.Д. Аграрное движение в ЦЧО... С. 44-45.

² Комаров А.А., Сокут К.А. Орловский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 г. – Воронеж: Книгоиздательство «Коммуна», 1932. – С. XXXIX.

³ Кизрин И.Г. Курская парторганизация в эпоху Октября и гражданской войны. – Воронеж: Коммуна, 1933. – С. 38-85.

Все эти упреки уже со второй половины 1920-х гг. соседствовали с куда как более жесткими обвинениями. Готовивший статью в юбилейный сборник о событиях в Воронежской губернии И.К. Александров, первоначально назвал свою статью «Контрреволюционные организации в Воронежской губернии накануне Октября 1917 г.». При этом главными контрреволюционерами предлагалось считать именно эсеров. «Вместо того, чтобы улучшить положение рабочего класса, бороться против саботажа и локаутов буржуазии, учредить рабочий контроль меньшевики и эс-эры проводили политику поддержки буржуазии и удушения рабочего класса. Вместо того, чтобы отдать безвозмездно землю крестьянам и этим разрешить вековой вопрос о земле – меньшевики и эс-эры посылали броневики и вооруженные части для борьбы против захвата крестьянами земель, для защиты помещиков. Вместо того, чтобы окончить грабительскую империалистическую войну – меньшевики и эс-эры гнали солдат защищать интересы капиталистов и помещиков. Вместо того, чтобы разломать в щепки царский аппарат, разогнать органы буржуазной власти и передать ее советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов – меньшевики и эс-эры организовали контрреволюцию для удушения пролетариата и крестьянства. Эс-эры и меньшевики вели рабочий класс и крестьянство по линии соглашения с буржуазией, по линии предательства интересов рабочего класса и крестьянства», – чеканил автор¹. «Из других контр-революционных партий в Воронеже были кадеты, народные социалисты, трудовики, бундовцы, сионисты»².

Такая позиция вызвала сопротивление даже в истпарте: глава с подобным названием в сборник не прошла. Однако опубликованная версия событий, хотя и не приписывает открыто эсерам и меньшевикам откровенно предательскую позицию, в общем, не сильно отличается от мнения И.К. Александрова. Социалисты регулярно именуется «обманщиками» трудящихся, поворачивают в сторону «неприкрытого союза с буржуазией» и помещиками, превращаются в «могильщиков революции»³. Нужно сказать, что моментом явного перехода на сторону контрреволюции здесь предлагается считать все же 26-27 октября 1917 г., когда эсеры, якобы, поддержали готовящийся буржуазно-офицерский

¹ ГАОПИ ВО. – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 434. И.К. Александров. Контрреволюционные организации в Воронежской губернии накануне Октября 1917 г. Статья. 1927 г. – Л. 13.

² Там же. Л. 8.

³ Октябрьская революция и гражданская война в Воронежской губернии / под общ. ред. И.П. Тарадина. – Воронеж: Воронежская коммуна, 1927. – С. 15.

переворот¹. Иначе говоря, «смягчение позиции» заключалось в смещении хронологического акцента. Эсеров предлагалось считать не «в принципе контрреволюционной организацией», начиная с весны 1917 г., а партией, двигавшейся к предательству весь революционный год.

Версия сборника подверглась критике одного из «политических маргиналов» – вышедшего в конце 1917 г. из большевистской организации С. Турчанинова, который, меж тем, продолжал сотрудничать в 1920-е гг. с истпартом. «Задача исторического труда не в том, чтобы поносить все партии, кроме большевистской, а научно оценить роль всех этих партий в ходе развития революции. При этом не надо упускать из виду, что одна и та же партия в различные моменты революции может играть различную роль», – справедливо отмечал он в весьма пространной рецензии². Его подробно изложенные предложения и возражения учтены, видимо, не были, однако в последующих работах (прежде всего, у И.Г. Кизрина, работа которого задумывалась как первый том истории большевистских организаций ЦЧО) могло происходить подчеркнутое разделение «буржуазно-помещичьего блока» и «соглашателей».

Как бы то ни было, версия об эсеро-меньшевистском «предательстве» или граничащем с предательством «соглашательстве» прочно вошла в советскую историографию. Например, составители сборника об Октябрьской революции в Орловской губернии 1947 г. заявляли о том, что эсеры и меньшевики Орловского Совета, опубликовав призывы против беспорядков 27 октября 1917 г., «предали революцию» и «начав с соглашательства с буржуазией, превратились в лакеев буржуазии, в душителей революции»³. О «предательской роли меньшевиков» весной 1917 г. писал И.Г. Воронков⁴. Святым делом большевистской организации было избавление масс от мелкобуржуазных иллюзий, навязанных эсерами и меньшевиками, и маскирующего стремление буржуазно-помещичьей клики удержать власть. Этапами «предательства» назывались попытки социалистов усилить «несоветские» компромиссные

¹ Там же. С. 51.

² ГАОПИ ВО. – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 471. С. Турчанинов. Рецензия на книгу Воронежского губернского истпарта «Октябрьская революция и гражданская война в Воронежской губернии». 1927 г. – Л. 9.

³ Под знаменем Великого Октября / под ред. Ф.В. Маркова [и др.]. – Орел, 1947. – С. 22.

⁴ Воронков И.Г. Воронежские большевики... С. 39.

организации в марте 1917 г., поддержку коалиционного правительства, попытки купировать октябрьский переворот¹.

Подобные действия, по мнению историков, вызывали самые негативные тенденции в развитии революции. Так, авторы раннесоветской историографии полагали, что в результате «безволия», своеобразной доверчивости эсеров и меньшевиков революция оказалась в опасности: «Усилилась антисемитская пропаганда среди населения, усилились обвинения рабочих и крестьян в разрухе, в затруднениях с продовольствием, развивалась волна погромного движения, вылезли из нор черносотенные элементы – таковы факты орловской действительности конца сентября и октября 1917 г.»². В поздних советских работах можно увидеть утверждения о том, что после создания коалиционного правительства помещики и буржуазия, получив поддержку социалистов, начали наступление на права трудящихся, «сознательно дезорганизовывали производство, транспорт и торговлю, закрывали предприятия»³.

Другим тезисом, приобретшем наибольшее звучание уже в 1950-е – 1970-е гг., стало утверждение о нарастании влияния большевиков на социально-политическую активность крестьян, рабочих и солдат⁴. Целью таких утверждений было формирование представлений об Октябрьской революции как о сознательном шаге трудящихся на основании большевистской программы.

Говоря о рабочем движении, авторы подчеркивали факты большевистской агитации в рабочей среде, наличие большевистских кружков на заводах. Практически любая рабочая дружина считалась большевистской⁵.

Доказать присутствие большевиков в городах чаще всего не представляло большой сложности. Гораздо труднее было доказать прямое влияние большевиков на крестьянство. В 1959 – 1960 гг. появились две

¹ Очерки истории Воронежской организации КПСС / отв. ред. А.В. Лосев. – Изд. 2-е, доп. и перераб. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1979. С. 84, 94, 116-117.

² Комаров А.А., Сокут К.А. Орловский Совет... С. XXXIX.

³ Очерки истории Воронежской организации КПСС / отв. ред. А.В. Лосев. Изд. 2-е... С. 97. Соответствующая цитата В.И. Ленина приводилась на С. 98-99.

⁴ Глебов Л.Д. Борьба большевиков... С. 10-36; Соболев П.Н. Подготовка социалистической революции... С. 75-76, 78; Краснов Б.И. Борьба партии большевиков... С. 17; Дзюба М., Михалев Г. В борьбе... С. 15, 27-43; Черников М.Н. Октябрь в Тимском уезде... С. 89-91.

⁵ Воронков И.Г. Воронежские большевики... С. 45-156.

специализированные монографии А.И. Комарова, специально разбиравшего проблему влияния большевиков среди крестьян Тамбовской губернии в дооктябрьский период. Приводя различные факты большевистской агитации в деревне весной – летом 1917 г., утверждения властей о росте большевистских симпатий и радикализировавшегося крестьянского действия, он делал следующие выводы: а) программа большевиков была созвучна настроениям крестьянских масс; б) большевистская пропаганда весной – летом 1917 г. напрямую влияла на радикализацию крестьянского действия. Если вначале крестьяне действовали нерешительно, то уже летом, впитав идеи большевиков, они действовали гораздо более смело: «Борьба крестьян принимала более организованный характер. Она велась, главным образом, под руководством различных большевистски настроенных крестьянских комитетов»¹.

В следующей работе, посвященной предоктябрьским и октябрьским событиям, А.И. Комаров говорил о возрастании воздействия большевиков на крестьян (приводя в пример события в Усманском уезде, где успешно действовал известный большевик Н.Н. Исполатов). Сентябрьское восстание крестьян в Козловском уезде, по его мнению, хотя и вспыхнуло стихийно, но «проходило под большевистским влиянием». Последнее виделось в контактах с солдатами двух полков козловского гарнизона, где было много большевиков, что придало восстанию более организованный характер: «Теперь крестьяне в большинстве случаев не сжигали и не грабили помещичьи имения, а захватывали их, прогоняли помещиков, управляющих, и передавали имения в распоряжение сельских и волостных комитетов»². Сходные рассуждения видим в работе П.Г. Морева по Воронежской губернии³.

Тезис о том, что крестьяне сознательно следовали большевистским программам, распространялся и на солдат. Л.Г. Протасов отмечал, что солдатское движение в 1917 г. ни в коем случае нельзя было считать стихийным: эта точка зрения объявлялась буржуазной фальсификацией. «Факты же неоспоримо свидетельствуют, что не стихийные формы (они,

¹ Комаров А.И. Борьба большевиков Тамбовщины за крестьянские массы в период мирного развития революции. – Без места издания, 1960. – С. 40.

² Комаров А.И. Работа большевиков среди крестьян Тамбовской губернии в период подготовки октябрьского вооруженного восстания 1917 г. – Без места издания, 1959. – С. 32.

³ Морев П.Г. Крестьянское движение в Воронежской губернии накануне Октябрьской революции (март – октябрь 1917 г.) – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1961. – 104 с.

конечно, имели место) определяли суть революционного процесса в армии, а сознательный, прочувствованный переход большинства солдат на сторону большевиков»¹.

Более осторожно по вопросу о влиянии большевиков в Черноземье высказывался В.Ф. Морозов. Справедливо указывая на немногочисленность большевистских организаций и активистов в Тамбовской, Орловской и Пензенской губерниях, утверждая об отсутствии большевизации Советов в сентябре – октябре 1917 г. (кроме Брянского уезда Орловской губернии и Усманского Тамбовской), он предлагал вернуться к тезису о разрушительном влиянии эсеров и меньшевиков, намеренно скрывавших от народа правду, «державших народ в темноте» и не дававших большевистским идеям утвердиться. Вместе с тем, возможно, по идеологическим соображениям, автор не мог не указать на то, что большевики вели в деревне целенаправленную работу через агитаторов и солдат. В.Ф. Морозов также полагал, что сентябрьское крестьянское восстание, рост забастовочного движения, волнения среди солдат – очевидные признаки перехода масс на сторону большевистской партии².

Естественно, что в выходящих «историях КПСС» тезис о сознательной поддержке массами большевистской программы сомнению не подвергался, став в 1960-е – 1970-е гг. «каноническим».

Наконец, еще одним политическим фактором, провоцировавшим Октябрьскую революцию, считалась работа «буржуазно-помещичьей контрреволюции», зримым выражением которой был корниловский мятеж. Мысль о том, что на местах были свои «корниловцы» появлялась и в исследованиях 1920-х гг.³, и позднее. Б.И. Краснов писал: «Историческое значение корниловщины состоит в том, что она помогла народным массам понять, что буржуазия и помещики готовы были совершать и совершали неслыханные преступления лишь бы отстоять свою власть над народом и свои миллионные доходы. А поняв с помощью большевиков эту истину, народные массы неизбежно должны были отвернуться не только от буржуазии, но и от меньшевиков и эсеров, защищавших буржуазию, и повернуться в сторону пролетариата и его большевистской партии... Разгром корниловского мятежа

¹ Протасов Л.Г. Солдаты гарнизонов Центральной России... С. 138.

² Морозов В.Ф. Борьба большевистской партии... С. 29, 31.

³ ГАОПИ ВО. – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 460. И.Д. Смирнов. Октябрь в Воронежской губернии. Предпосылки революции. Часть II. 1927 г. Рукопись. – Л. 67-80.

явился переломным моментом в развитии революции и обусловил новый революционный подъем в стране, организованный и вдохновленный большевистской партией»¹.

Помимо действий правительства и «соглашателей», на обострение ситуации, по мнению советских историков, играла ненависть крестьян к помещикам². Большое значение приобрел тезис о кардинальном ухудшении социально-экономической ситуации в регионе, выразившемся в сокращении посевов, росте спекуляций, повышении цен, снижении выпуска промышленной продукции, продовольственных проблемах вплоть до голода, росте безработицы, в т.ч. в результате закрытия фабрик. Виновниками этих негативных явлений, опять же, выступали правительство, соглашательские партии, помещики, кулаки, буржуазия, а также, естественно, продолжающаяся империалистическая война. Политика правящих кругов, по мнению исследователей, неизбежно вела страну к экономической катастрофе и вымиранию населения³.

На этом фоне особняком стоят размышления Н. Скрынникова о том, что февральские дни вызвали некоторое воодушевление среди крестьян, которые увеличили подвоз хлеба на рынок, а промышленность продолжила свою работу. Впрочем, автор отмечал, что каких-то серьезных изменений не произошло. Более того, растущие требования рабочих, а также нестабильность на фронте стали заставлять предпринимателей сокращать активность. Предпринимателю «мерещились уже призраки грядущей социальной революции. Хотя он и не подозревал еще ее последующих грандиозных размеров, но ему, уже достаточно округлившему свой капитал, не имело смысла стоять близко к раздраженной рабочей среде, предъявлявшей свои требования, заявлявшей о своих правах. И вот начинается постепенная остановка фабрик и заводов района. Промышленность замирает...»⁴.

¹ Краснов Б.И. Борьба партии большевиков... С. 14-15.

² Голубева А. Аграрное движение в ЦЧО... С. 24.

³ ГАОПИ ВО. – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 475. С. Фомичев. К вопросам изучения крестьянского движения... Л. 15-17; Голубева А. Аграрное движение в ЦЧО... С. 36-37; Морозов В.Ф. Борьба большевистской партии... С. 27; Яненко И.Е. Борьба большевиков за победу... С. 89-91; Протасов Л.Г. Солдаты гарнизонов Центральной России... С. 129; Переверзев А.Я. Социалистическая революция в деревне... С. 8-9.

⁴ Верховых В.[М.] Пять лет борьбы... С. 66.

3.3. Причины гражданской войны

Если обратиться к историографии Центрального Черноземья, обнаружится слабая рефлексия ученых по поводу причин гражданской войны в регионе. Объясняется это, видимо, пониманием гражданской войны как феномена, привнесенного в регион извне, связанного с событиями общероссийского масштаба и не имевшего местных глубоких корней.

Действительно, Черноземье стало своеобразной «базой» для советской власти в момент наиболее острого противостояния белых и красных в 1918 – 1919 гг. Крестьянство, в общем, не поддержало ни довольно аморфную на тот момент «Белую идею», ни реалии белоказачьего режима¹.

Нужно также понимать, что для советских историков большое значение имела теоретическая установка марксизма-ленинизма о классовой борьбе, как основе гражданской войны. В связи с этим в регионе искались проявления этой классовой борьбы, особенно, внутри крестьянского населения. Представляется, что эти поиски подталкивали советских историков к интересным выводам, которые будут изложены ниже. В то же время, отсутствие работ, которые целенаправленно изучали бы причины гражданской войны в Черноземье, отделяли бы их от причин революционных событий 1917 – 1918 гг., является существенным недостатком осмысления прошлого, который не изжит до сих пор.

Исследователи революции и гражданской войны 1920-х – 1930-х гг., обозначая регион как крестьянский, искали причины классовой борьбы в расслоении деревни. Уже в середине – второй половине 1920-х гг. прозвучали заявления о том, что жестокое противостояние бедняцкого населения с кулачеством началось в мае – июне 1918 г. Переломным моментом, вызвавшим обострение классовой вражды, называлось создание комбедов: «В деревне только теперь началась классовая борьба не на жизнь, а на смерть. Кулачество перешло к активному отражению натиска бедняков»². Ситуация до этого описывалась как борьба деревни с помещиками и отрубниками, которые в силу

¹ Разиньков М. Е. Донской фронт: советская власть и казачество в 1918 г. – первой половине 1919 г. (по материалам Воронежской губернии) // Казачество в конце XIX – начале XXI в.: рассказывание и социокультурные трансформации: материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 27–28 июня 2019 г.) / гл. ред. акад. Г. Г. Матишов. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2019. – С. 50-56.

² Верховых В. [М.] Пять лет борьбы... С. 20.

относительной немногочисленности и маловлиятельности в 1917 г. не могли оказать организованного вооруженного сопротивления. Кулаки выступали не только против продовольственных мероприятий советской власти, но и против контрибуций, налогов, мобилизаций¹. В качестве дополнительного фактора обострения противоречий указывалась борьба крестьян за раздел помещичьей земли и инвентаря внутри общины².

Интенсивность классового противостояния между различными группами крестьян напрямую увязывалась с социально-экономическими и даже политическими условиями предшествующего развития региона, а именно с крайними формами обнищания не только бедняцкого, но и середняцкого населения. Засилье помещиков, монархистов, ведущее к сохранению полукрепостнических отношений, становилось, по мысли авторов 1920-х – 1930-х гг., причиной пауперизации подавляющего большинства крестьян, экономическому выживанию наиболее циничной, эксплуататорской его части³. Получалось, что февральская власть, устранив монархистов, и октябрьская, окончательно лишившая земли и влияния дворян и других частных землевладельцев (в реальности это начали делать еще эсеры и Временное правительство до октября 1917 г.), оставила в какой-то момент без внимания кулачество, которое попыталось взять контроль над общественной жизнью села, проникая в Советы и отчаянно борясь с комбедами.

Важным аспектом этих рассуждений стала попытка применить экономическое районирование Черноземья для объяснения географии крестьянских выступлений. По мнению А.В. Шестакова, бедность северных районов Черноземья была настолько велика, что даже классового разделения крестьянства здесь произойти не могло. Напротив, южные уезды характеризовались как интенсивно развивающиеся и, в связи с этим, здесь имелось в наличии большое количество кулаков. В результате классовая борьба была на юге ожесточеннее⁴.

¹ Шестаков А. В. Классовая борьба в деревне ЦЧО в эпоху военного коммунизма. – Воронеж: Издательство «Коммуна», 1930. С. 68-69.

² Комбеды Воронежской и Курской областей. Материал по истории комитетов бедноты / сост. С. Л. Ронин; под ред. А. В. Шестакова и Я. А. Ратгаузера. – Воронеж: Воронежское областное книгоиздательство, 1935. С. 11.

³ Там же. С. 13.

⁴ Шестаков А. В. Классовая борьба... С. 11-12.

«Политическим прикрытием» кулацкого сопротивления стали называться социалисты-революционеры. Авторы не делали особой разницы между «правыми» и «левыми» эсерами, объединяя эти две партии в аморфное целое. Уже в конце 1920-х гг. эсеров обвиняли в организации крестьянских восстаний конца 1917 г.¹ В конце 1930-х гг. обвинения в адрес эсеров и теперь еще и меньшевиков предсказуемо усилились. Развивая тезис о предательстве соглашателей, формулируемый как одна из причин Октябрьской революции, их обвиняли в заговорщической, разрушительной деятельности на протяжении всей первой половины 1918 г. Эсерам приписывалась сознательная организация вооруженных мятежей в Черноземье. Так, например, считалось, что апрельское восстание частей в Воронеже было организовано командующим 1-й Южной революционной армии «эсером» (в действительности – левым эсером) Г.К. Петровым².

Также подчеркивалось, что контрреволюционная агитация могла исходить не только от эсеров, но и бывших офицеров и унтер-офицеров³. Офицеры, как предполагалось, могли быть носителями правых ценностей и представляли, соответственно, не меньшую опасность.

В итоге рисовалась «эпическая картина» заговора «эсеров», кулаков (характерны утверждения о союзе кулаков и левых эсеров), зажиточных середняков и недобитых привилегированных классов, которые в условиях слабости пролетариата (читай – коммунистических ячеек) начали свою разрушительную работу уже в первой половине 1918 г.⁴

Дополнительной причиной развертывания гражданской войны назывались также зверства казачьей оккупации и репрессивные действия германских интервентов, сопровождавшиеся акциями социальной мести со стороны помещиков – выдачами крестьян на расправу⁵.

Размах классовой борьбы в 1918 г. не вполне дотягивал до крупномасштабной войны, но считался советскими историками таковой

¹ Курск в революции... С. 72-73.

² Борьба за Воронеж. Статьи и очерки к 20-летию освобождения Воронежа от белых банд / под ред. комиссии обкома ВКП(б). – Воронеж: Воронежское областное книгоиздательство, 1939. С. 38-66.

³ Андреев В., Кулаев С. Октябрьская революция... С. 37-39.

⁴ Комбеды Воронежской и Курской областей... С. VII, X-XII, 13-14.

⁵ Андреев В., Кулаев С. Октябрьская революция... С. 41; Верховых В. [М.] Пять лет борьбы... С. 23-24; Курск в революции... С. 75.

(учитывались и городские восстания, которые однозначно характеризовались как «кулацкие»). Подсчеты, произведенные А.В. Шестаковым, давали 54 «кулацких» выступления в первой половине 1918 г. и 88 во второй половине по всему Черноземью. В пользу того, что в это время все же шла гражданская война между деревенскими слоями говорило, по мнению исследователя, сосредоточение выступлений в Тамбовской и Воронежской губерниях, а также невозможность учесть в статистике «массовость» восстаний, фигурирующую в донесениях. При этом как минимум 36 % конфликтов не сопровождались вооруженными столкновениями¹.

Обратимся теперь к послевоенной и «послесталинской» советской историографии для того, чтобы выяснить – вносились ли какие-то изменения в систему представлений о причинах гражданской войны в регионе?

Оказывается, что последующие десятилетия не дали практически никакого движения в этом направлении. По-прежнему, основным содержанием гражданской войны в регионе считалась классовая борьба с кулачеством, подогреваемым меньшевиками и эсерами. При этом наибольшей критики удостоивались бывшие союзники большевиков – левые эсеры, действия которых, по мнению историков 1950-х – 1970-х гг., дестабилизировали ситуацию не только в деревне, но и на фронте. Городские восстания 1918 г. также считались спровоцированными или подготовленными левыми эсерами (например, Ливенское восстание в Орловской губернии или восстание армейских частей в Курске весной 1918 г.). Обвинения звучали также в адрес бывших офицеров, белогвардейцев, которые в союзе с кулаками и эсерами выступали против продовольственной политики Советской власти². В качестве мотивов для сопротивления называлась деятельность комбедов, а также перевыборы в органы Советской власти осенью 1918 г., на которых «кулаки и мелкобуржуазные элементы» хотели сохранить свои позиции. А.Я. Переверзев полагал, что последний фактор был решающим в качестве причин восстаний в Тамбовской губернии осенью 1918 г.³ Характерно, что влияние интервентов (стран германского блока) почти не рассматривалось в качестве

¹ Шестаков А. В. Классовая борьба... С. 69, 102.

² Дзюба М., Михалев Г. В борьбе за власть... С. 61-62; Переверзев А. Я. Социалистическая революция в деревне... С. 135-136; Черников М. Н. Октябрь в Тимском уезде... С. 104-105.

³ Переверзев А. Я. Социалистическая революция в деревне... С. 180.

дестабилизирующего фактора в регионе, хотя определенные отсылки на него все же можно найти¹.

Разумеется, что советские историки не могли обойти вниманием военные действия, связанные со вторжением сначала красновцев, а затем и частей ВСЮР на территорию региона в 1918 – 1919 гг., а также участием вооруженных формирований из Черноземных губерний в подавлении калединщины и Вешенского восстания. Однако, как уже говорилось, эти события рассматривались как не имеющие отношения к классовому противостоянию непосредственно в Черноземье и не изучались в качестве причин для гражданской, т.е. внутренней, классовой войны в регионе.

Тем не менее, выступления крестьянства против Советской власти, приобретшие характер крестьянской войны в 1920 – 1921 гг. особенно на территории Тамбовской («антоновщина») и, отчасти, Воронежской губерний («колесниковщина») нельзя было умолчать совершенно. Для объяснения их причин применялась та же схема: кулаки-эсеры-недобитые белогвардейцы, выступившие против власти Советов и продовольственной политики. При этом чисто логически получалось, что классовая борьба, т.е. собственно гражданская война, на территории региона случилась именно в этот период, хотя данное положение, в общем, представляется недостаточно осмысленным советской историографией.

¹ Соколов Я. Д. Рабочие Брянщины в годы гражданской войны. – Брянск, 1970. – С. 9.

Глава 4. На историческом переломе: историография 1980-х – 1990-х гг. о революции и гражданской войне в Черноземных губерниях

Выражение «на историческом» переломе» несет в себе двойной смысл. С одной стороны, действительно в историописании происходит существенный пересмотр прежней картины причин, повлекших за собой революцию и гражданскую войну в регионе. С другой, наблюдается изменение содержания монографий и статей от политико-идеологизированного анализа событий к собственно историческому исследованию.

Для историографии этого периода характерна очевидная переходность, сказавшаяся на содержании выпускаемых работ, некоторые из которых пересматривали или существенно дополняли выводы предыдущего периода историописания, а другие, напротив, оперировали прежними теоретическими подходами в осмыслении истории на новом фактическом материале.

Хронологические границы историографического периода достаточно условны. Представляется, что в это время получили развитие тенденции, импульс которым был дан еще в 1970-х гг. (изучение «средних городских слоев»), а итоговые работы написаны не только в 1990-е, но и в начале 2000-х гг. (докторские диссертации по партийной истории).

Историографию, пытавшуюся пересмотреть прежние представления о причинах революции, можно условно разделить на «тамбовскую» и «курскую» школы или традиции. Первая занималась преимущественно социальной историей, вторая – политической. Нетрудно также заметить, что в этот период происходит «реабилитация» крестьянской темы, которая теперь рассматривается как отдельная и главнейшая в регионе, в то время как попытки придать рабочему движению характер ведущего были оставлены.

В докторской диссертации 1995 года исследователь меньшевизма В.Х. Тумаринсон назвал поворот советской историографии 1960-х гг. к изучению истории «мелкобуржуазных партий» «революцией К.В. Гусева»¹. По аналогии с этим в отношении определения причин событий 1917 г. в Черноземном регионе можно говорить сразу о двух научных революциях – «социологической революции С.А. Есикова – В.В. Канищева» и «политологической революции Г.А. Салтык и Н.Л. Авиловой».

¹ Тумаринсон В. Х. Большевики и меньшевики: несостоявшийся консенсус (опыт политической реконструкции). Дис. докт. ист. наук. – М., 1995. – С. 46.

4.1. Февраль 1917-го

Стремясь рассмотреть проблему в комплексе, и следуя концепции «общинной революции», С.А. Есиков существенно и сознательно раздвинул границы рассуждений с традиционных 1917 – 1918 гг. до 1900 – 1921 гг. Первая российская революция при этом стала играть самостоятельную роль в наборе причинно-следственных связей, породивших революцию 1917 г.

В отличие от советской историографии, С.А. Есиков достаточно четко разделял состояние деревни до революции 1905 – 1907 гг. и после нее. Положение крестьянских хозяйств до 1905 г. он оценивает как весьма депрессивное: «Необходимо учесть, что среднее существование семьи в губернии с трудом могли обеспечить 10 дес., а менее 10 дес. по данным 1905 г., было у 98,2 % бывших помещичьих и 78,1 % бывших государственных крестьян. Вполне понятны трудности существования крестьянской семьи...»¹;

¹ Есиков С.А. Крестьянство Тамбовской губернии в начале XX века (1900 – 1921 гг.). Дис. докт. ист. наук. – Тамбов, 1998. – С. 54. См. также: Он же. Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в начале XX века (1900–1921 гг.). – Тамбов: ТГТУ, 1998. – 108 с.; Он же. Крестьяне и власть (опыт регионального изучения) // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.): материалы межд. конф. (13–14 июня 1994 г.). – М., 1996. – С. 146–154; Он же. Крестьянское производство в Тамбовской губернии (1880-е – конец 1920-х гг.) // History of the Russian Peasantry in the XXth Century / ed. by Hiroshi Okuda. – Tokyo, 2004. – Vol. 2. – P. 7-35; Он же. Община и агротехнический прогресс в Тамбовской губернии в начале XX в. // Аграрные технологии в России IX–XX вв.: материалы XXV сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. – Арзамас, 1999. – С. 232-239; Он же. Участковая агрономия, трёхпольная система и крестьянская община (Тамбовская губерния, начало XX в.) // Тамбовское крестьянство: от капитализма к социализму (вторая половина XIX – начало XX в.): сб. статей. – Тамбов: ТГУ, 1996. – Вып. 2. – С. 24–31; Есиков С.А., Канищев В.В. Естественные критерии определения зажиточности крестьянства на мезо- и микросоциальном уровнях (Тамбовская губерния, 1860–1920-е гг.) // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе (землевладение, землепользование, производство, менталитет). XXVII сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: тезисы докладов и сообщений (г. Вологда, 12–16 сентября 2000 г.). – М., 2000. – С. 6–9; Есиков С. А., Косов Р.В. Источники изучения общинного и личного крестьянского землевладения на микроуровне в пореформенный период. 1861–1904 гг. (по материалам Тамбовской губернии) // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII–XX вв.: мат-лы междунар. конф. (май 2002 г.) / отв. ред. В.В. Канищев. – Тамбов: ТГУ им. Г. Р. Державина, 2003. – С. 329-338; Есиков С.А., Щербинин П.П. Источники изучения продовольственной безопасности крестьянских семей в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. // Аграрное развитие и продовольственная

«Ухудшению экономического положения крестьян способствовали и застои в экономике и торговле, отсутствие заработков сельского населения в осенне-зимнее время»¹. В результате же событий 1905 – 1907 гг. произошла существенная корректировка государственного курса в форме свертывания упрямой поддержки правительством помещичьего землевладения и отказа от курса на консервацию общины. Это, а также столыпинское реформирование, охватившее к 1915 г. 24 % домохозяев Тамбовской губернии, привело к медленному, но устойчивому росту аграрного капитализма, смещению центра товарного производства с помещичьих хозяйств в крестьянские².

С другой стороны, государственные уступки в виде столыпинского реформирования и более мелких преобразований, например, отмены круговой поруки при уплате налогов, телесных наказаний по приговорам волостных судов и проч.; наличие практики легитимизации крестьянских погромов через приговоры общин и указы Государственной Думе, провоцировали какую-то часть крестьян на продолжение борьбы. С.А. Есиков полагал, что именно итоги первой российской революции привели к формулированию программы дальнейшего развития крестьянского движения. Основным пунктом этой программы стала борьба за ликвидацию помещичьего землевладения. Ни о каком решающем влиянии большевиков ни на формулировании этой программы, ни на ход крестьянского движения речь уже не шла. Работа по осознанию целей новой революции велась, по мысли исследователя, в крестьянских братствах³.

Исследователь подчеркивал роль фактора насилия как причины углубления противоречий крестьян и власти. Подавление революции 1905 –

безопасность России в XVIII–XX вв.: сб. статей / ред. кол. С.А. Есиков и др. – Оренбург: ОГПУ, 2006. – С. 66-75; Есиков С.А., Щербинин П.П. Продовольственные заготовки для армии в Тамбовской губернии в годы Первой мировой войны // Аграрное развитие и продовольственная безопасность России в XVIII–XX вв.: сб. статей / ред. кол. С.А. Есиков и др. – Оренбург: ОГПУ, 2006. – С. 75-79; Есиков С.А., Щербинин П.П., Щербинина Ю.В. Изучение влияния русско-японской войны 1904–1905 гг. на продовольственную безопасность крестьянских семей // Аграрное развитие и продовольственная политика России в XVIII–XX вв.: проблемы источников и историографии: сб. статей / ред. кол. С. А. Есиков и др. – Оренбург, 2007. – С. 421-431.

¹ Есиков С.А. Крестьянство Тамбовской губернии в начале XX век (1900 – 1921 гг.). Автореф. дис. ... докт. ист. наук. – Москва, 1998. – С. 21.

² Там же. С. 19, 21.

³ Там же. С. 21-23.

1907 гг. вооруженным путем влекло за собой развитие воронки недоверия и склонности отвечать вооруженным же насилием. Уступки же в виде столыпинской реформы С.А. Есиков считал «запоздалыми»¹.

Столыпинское реформирование порождало рост конфликтности в деревне, но не с точки зрения усиления классовой борьбы бедняков против кулаков, а с точки зрения сопротивления общины преобразованиям. Результатом стало возвращение в общину всех отрубных земель уже в августе 1917 г. Своеобразный консерватизм общины подчеркивался, по мнению С.А. Есикова, ростом после первой российской революции консервативных, монархических настроений среди крестьян, в т.ч. беднейших².

Под новым углом рассматривалось С.А. Есиковым и влияние Первой мировой войны. Государственное давление на деревню, усилившееся в годы войны в виде таксирования, запретов на вывоз сельскохозяйственной продукции, твердых цен, а затем и продразверстки создавало еще один очаг напряжения. Малоэффективные, они, одновременно, вели к возникновению теневого рынка, спекуляциям и росту продовольственных проблем. Временным и Советским правительством эта порочная система только развивалась, углубляя жестокий продовольственный кризис в хлебоборной губернии³. Мировая война привела также к архаизации аграрных технологий, усилению сосредоточенной на экономической и социальной поддержке общины⁴.

Одним из первых в историографии Центрального Черноземья С.А. Есиков поставил вопрос о факторе перенаселения, как важнейшей проблеме региона, определяя долю избыточного сельского населения к 1917 г. по Тамбовской губернии в 43 %⁵. Он также обратил внимание на наличие экологической составляющей кризиса деревни, а также особом значении психологического фактора: «на психологическое состояние массы крестьянства влияло не только малое количество земли, но сам процесс ее постоянного уменьшения», поскольку это происходило в т.ч. несмотря на постоянно увеличивающуюся площадь запашки⁶.

* * *

¹ Там же. С. 23.

² Там же. С. 19-20.

³ Там же. С. 20-21.

⁴ Там же. С. 20, 30.

⁵ Там же. С. 18.

⁶ Там же. С. 19.

Нужно подчеркнуть, что перечисленные идеи присутствуют не только в работах С.А. Есикова, посвященных практически исключительно тамбовскому крестьянству. Применительно к городскому населению сходные мысли высказывали В.В. Канищев и П.П. Щербинин. Их исследования касались не рабочих, а «средних слоев», иначе говоря, подавляющему большинству городского населения Черноземья. Выводы авторов тем более интересны, поскольку их работы выходят далеко за рамки Тамбовской губернии. В частности, ими отмечается, что война, вызвавшая осязаемое снижение уровня жизни большинства городского населения в результате роста дороговизны и нехватки продуктов, провоцировала рост недовольства горожан, разделявших мысль о том, что справедливый передел собственности решит многие проблемы¹. Иначе говоря, о необходимости «отнять и поделить» рассуждали не только представители революционной контркультуры, не только крестьяне, рабочие, но и многие «простые» горожане.

В новаторской работе В.В. Канищева о «русском бунте» была разработана идея «маргинальной революции». Переселявшиеся в город крестьяне, становившиеся люмпен-пролетариями; рабочие на заводах из тех же крестьян, на которых управляющие-дворяне смотрели как на крепостных; солдаты, которые «были наиболее маргинализированным слоем тогдашнего русского общества», и с которыми в тыловых гарнизонах обращались «по-скотски», представляли собой взрывной материал не только для революции, но и для последующей гражданской войны.

Накладывавшиеся на это традиции народного бунтарства, поощряемые дополнительно радикальной политической агитацией, угнетенное состояние населения из-за поражений в войнах, сопровождались «государственно-полицейским гнетом». «Граждане страны, начавшие раскрепощаться в условиях пореформенной модернизации, получавшие постепенно немалую экономическую свободу, оставались политически бесправными. Малейшее проявление свободолюбия, как и столетия назад, жестоко подавлялось репрессивными органами деспотического государства. Нежелание быть

¹ Канищев В.В. Городские средние слои в период формирования основ советского общества. Октябрь 1917 – 1920 гг. (по материалам Центра России). Автореф. ... дис. докт. ист. наук. – М., 1998. – С. 18-19; Щербинин П.П. Городские средние слои Черноземного Центра в буржуазно-демократических революциях в России. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1993. – С. 15.

“государевыми холопами” вызывало дополнительное озлобление в широких слоях модернизировавшегося общества», – подчеркивает В.В. Канищев¹.

* * *

Все это, конечно, было не вполне похоже на рассуждения исследователей предыдущего этапа историографии, видевших солдат, рабочих и беднейшие слои крестьянства – основными проводниками революции; большевиков – набирающими обороты защитниками настоящих народных интересов; правительственную политику – однозначно провальной и репрессивной.

Впрочем, такого рода новаторские подходы не исключали появления в работах 1990-х гг. «классического» набора причин революции, сформулированных советской историографией². Максимум, что могли прибавить авторы подобных перечислений, это взгляд с точки зрения новых, демократических, ценностей, в связи с чем среди картины полного упадка региона и общего недовольства населения самодержавием появлялись рассуждения о «политическом бесправии финансово-промышленных кругов России, отсутствии диалога власти и либеральных кругов страны, политической глухоте к проблемам органов местного самоуправления (земства, городские думы)», а также подозрительное отношение к «радикальным кругам», обещавшим населению, читай, несбыточные, свободу, равенство и братство³.

Можно также говорить о некоторой локализации новаторских работ, концептуализировавших причины Февраля, поскольку все они принадлежали тамбовским исследователям. Другим очевидным центром исследовательской активности в это время был Курск, где занимались изучением, преимущественно, партийной истории. Однако, несмотря на выход большого количества работ, защиту двух докторских диссертаций⁴, политические

¹ Канищев В.В. Русский бунт бессмысленный и беспощадный: погромное движение в городах России в 1917 – 1918 гг. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 1995. – С. 11.

² Курский край в истории Отечества / под ред. Л.С. Полнера. – Курск: Курский государственный технический университет, 1996. – С. 104-105.

³ История политических партий Центрального Черноземья / отв. ред. Г.А. Чурилова. – Курск: Курский государственный технический университет, 1995. – С. 5.

⁴ Салтык Г. А. Неонародническое движение в губерниях Черноземного центра России, 1901 – 1923 гг. Дис. докт. ист. наук. – М., 2002. – 668 с.; Авилова Н.Л. Российская многопартийность: Региональный аспект. На материалах политических партий и движений Центрального Черноземья, 1900 – 1999 гг. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. – М., 2001.

исследования «курской школы» слабо продвинулись в переосмыслении причин Февраля, кроме понятного вывода о минимальном воздействии партий, в т.ч. большевиков, на революцию на начальном ее этапе.

4.2. Октябрь 1917-го

Как и в случае с Февральской революцией, исследования о причинах, вызвавших Октябрь, отличались существенной эклектичностью, предсказуемо сочетая взгляды традиционные для советской историографии, но также и выдвигая новые, альтернативные идеи.

Причины реализации Октябрьского переворота, а точнее, провала февральского режима, многие авторы этого периода рассматривали в логике продолжения кризиса, вызвавшего Февраль. В этом смысле исследователи видели в Октябре либо логическое продолжение «общинной революции», либо результат нарастания «классовой борьбы».

Одновременно, Октябрьский переворот стал рассматриваться как итог многомерного раскола общества и политической системы. Классовый подход считался уже ограниченным, поскольку раскол шел не только по принципу рабочий/буржуй, крестьянин/помещик, богатый/бедный. Между тем, ряд авторов продолжал соглашаться и с выводами советской историографии о наличии классовой борьбы в деревне и классовом характере правительственной власти.

* * *

Среди нараставших проблем, с которыми режим Временного правительства никак не мог справиться, называется тесно связанный с кризисом власти продовольственный кризис, в т.ч. в крестьянских хозяйствах. Г.И. Псарев полагал, что правительство в этом отношении действовало либо неумело, либо в интересах зажиточных слоев деревни: «выступления трудящегося крестьянства были направлены не против хлебной монополии как таковой, а против попыток Временного правительства, используя регулирующие мероприятия, решить продовольственную проблему за счет бедных в интересах богатых»¹. Подняв цены в конце августа 1917 г. на 100 %,

¹ Псарев Г.И. Хлебная монополия и продовольственные комитеты Черноземного центра России в 1917 г. Дис. канд. ист. наук. – М., 1984. – С. 152.

оно обрекало малообеспеченные слои крестьян на голодную смерть. Именно это, по мысли исследователя, спровоцировало волну захватов помещичьего имущества осенью 1917 г. Поднятие цен также дискредитировало продкомы, лишило их не только государственной, но и социальной поддержки.

Прежние представления о «классовой» направленности социальной борьбы в деревне в какой-то степени подтверждались и, следовательно, признавались объективными. Никто, кажется, не оспаривал, что борьба крестьян весь 1917 г. носила преимущественно антипомещичий характер, рост же внутрикрестьянских столкновений с 5 % весной 1917 до 9 % в начале 1918 г. считался незначительным¹.

В свою очередь, С.А. Есиков предлагал смотреть на происходившее через призму логики действий общины. Причиной и содержанием революции он называл стремление крестьян-общинников решить проблему земельного голода, захватив, в условиях ослабления власти и доминирования революционной риторики, как можно больше земли, что вело их к конфликту с государством, помещиками, хуторянами, горожанами уже летом – осенью 1917 г.²

«Традиционные» воззрения советской историографии доминируют в исследовании В.Д. Орловой, которое стало первым и на данный момент единственным фундаментальным трудом о рабочих Черноземья. Причинами Октябрьской революции для этой социальной группы автор называет поддержку политики Советов, антивоенные настроения, «упорное сопротивление кризисным явлениям экономики»³. Она также настаивает на росте к октябрю 1917 г. «политического сознания» рабочих, существенной поддержке ими большевиков, хотя процесс этот проходил медленнее, чем в промышленно развитых районах⁴. Впрочем, в качестве одной из причин роста революционности рабочих она называет бунтарские действия⁵, что отсылает нас к выводам В.В. Канищева.

¹ Сельцер Д.Г. Крестьянское движение в губерниях Черноземного центра России (март 1917 – март 1918 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1991. – С. 16.

² Есиков С.А. Крестьянство Тамбовской губернии в начале XX века (1900 – 1921 гг.). Автореф.... С. 24.

³ Орлова В.Д. Рабочий класс Центрального Черноземья в борьбе за установление и упрочение Советской власти (март 1917 – май 1918 гг.). Дис. канд. ист. наук. – Тамбов, 1988. – С. 97.

⁴ Там же. С. 98, 115.

⁵ Там же. С. 86-87.

Как представляется, В.В. Канищевым были сделаны наиболее интересные выводы для городского населения. Согласно его исследованиям, весной – летом 1917 г. произошел раскол первоначально единого антисамодержавного фронта горожан. Эйфория первых месяцев революции сменяется апатией и раздражением, ростом традиционализма среди «старых» средних слоев», а летом «новые» средние слои» поддержали на муниципальных выборах кадетов¹. Параллельно происходило быстрое выдавливание из политической сферы элиты средних городских слоев («высший средний класс»), и движение в эту область людей, происходивших из низших категорий городских средних классов².

Такой двойной раскол («новые»/«старые» средние слои, их «элита»/«низы») практически парализовал умеренно настроенных горожан как силу, способную стать реальным противовесом нарастающему городскому радикализму. У них отсутствовало как социальное, так и политическое единство, более того, среди средних слоев интенсивно развивался процесс социальной поляризации³.

Обратим внимание на то, что основной водораздел раскола средних городских слоев происходил не по принципу «революционной политической системы» правый/левый, а по принципу традиционализм/либерализм. Это, в свою очередь, отсылает нас к концепции «общинной революции», рассматривавшую крестьянский социальный традиционализм как важнейший фактор развития противостояния. Почувствовав свой шанс, община ломала старые, в т.ч. вполне прогрессивные, порядки.

Важной новацией В.В. Канищева стала попытка дать характеристику причинам Октябрьских событий через призму народного бунтарства. Рациональные построения, учитывающие действия политических партий, политические симпатии и антипатии населения, тесным образом соседствовали с поведением иррациональным. Более того, иррациональное, бунтарское,

¹ Канищев В.В. Городские средние слои в период формирования основ советского общества. Октябрь 1917 – 1920 гг. (по материалам Центра России). Автореф. дис. докт. ист. наук. – М., 1998. – С. 19.

² Там же. С. 29.

³ Там же. С. 32. Надежды на это высказывались в работе П.П. Щербинина, полагавшего, что консерватизм средних городских слоев мог послужить «гарантией стабильности и порядка»: см. Щербинин П.П. Городские средние слои... С. 16-17.

разрушительное начало слишком часто выходило на первый план. Исследование В.В. Канищева «Русский бунт», появившееся на несколько лет раньше «Красной смуты» В.П. Булдакова, указывало на то, что в государственном и общественном обрушении на протяжении всего 1917 года, возможно, не было никакого рационального политического смысла, и оно являлось следствием одичания населения. Бунты «вызывались отчаянием мелкого хозяйчика, "взбешенного" ужасами войны, страхом перед маргинализацией (утратой собственнического статуса), пониманием социализма как "черного передела" буржуазной и казенной собственности»¹. В.В. Канищев убедительно доказывает широкий размах разного рода бунтов: голодных, солдатских, пьяных и проч.

Проведя скрупулезные количественные исследования, В.В. Канищев пришел к выводу о том, что лишь 10 % выступлений средних городских слоев в сентябре – октябре 1917 г. имели «сознательный» революционный характер (требования контроля над производством и распределением). Как правило, это были действия «промышленных и транспортных служащих государственного сектора, которые страдали от разрухи на предприятиях и воспринимали социалистические лозунги, как усиление государственного регулирования в народном хозяйстве и усиления социальной защиты "бюджетников"»². Одновременно, около трети всех выступлений средних городских слоев осенью 1917 г. носили бунтарско-погромный характер³.

Волна бунтарских выступлений проявляла себя на протяжении всего 1917 г.: «...в условиях полного уничтожения в послефевральский период карательных учреждений "старого режима", которые не только боролись с революционным движением, но и поддерживали нормальный общественный порядок в стране, в условиях отсутствия элементарной дисциплины в войсках, особенно в тыловых гарнизонах, накатывание новой стихийной волны в городах летом – осенью 1917 г. было неизбежным»⁴.

Мотивы для выступлений были разнообразны. В феврале – марте 1917 г. среди них присутствовали политические мотивы (борьба с «остатками старого строя»). К лету доминировали мотивы социальные: продовольственные трудности, усталость общества от затянувшейся войны, усугублявшиеся

¹ Канищев В.В. Городские средние слои... С. 19.

² Там же. С. 19.

³ Там же.

⁴ Канищев В.В. Русский бунт... С. 68.

невозможностью быстрого и эффективного решения этих проблем Временным правительством¹.

Итогом становились многочисленные «голодные бунты», с помощью которых население «пыталось контролировать» торговлю и вывоз из региона продовольствия. Формами таких бунтов были погромы магазинов, лавок, избиение торговцев и милиционеров².

Не менее многочисленными были бунты солдат. Мотивами для них могли быть конфликты с офицерами, милиционерами, местными жителями. Иногда присутствовали и политические мотивы, например, борьба с корниловщиной в воинских частях, в т.ч. мнимой. «В огромном большинстве своем по социальному происхождению они (солдаты. – М.Р.) были как раз “мелкими буржуа” (в основном крестьянами, отчасти мелкими собственниками города, “полупролетариями”, т.е. наемными работниками, сохранившими мелкое хозяйство)... Бунтарская активность солдат особо усиливалась желанием поскорее вернуться к брошенному в деревне или городу собственному хозяйству, а после Февраля 1917 г. еще и “профессиональной маргинальностью”, т.е. отсутствием в условиях развала армии воинских занятий в тыловых гарнизонах, а, проще говоря, безделием солдат»³.

Солдатские бунты сопровождались участием гражданских лиц из числа все тех же средних городских слоев мелких собственников. Основной причиной их присутствия в погромной волне было массовое разорение в годы мировой войны, процесс маргинализации. При этом речь не шла о полном обнищании. «Мещане традиционно умели “крутиться” в жизни и поэтому у них редко доходило дело до полного обнищания. Самым страшным для представителей мелких собственников города была потеря своего самостоятельного общественного положения и переход в низкий, по их представлениям, разряд наемных работников. Это крайне возбуждало “мелкого буржуа”, делало его бунтарем»⁴. В итоге они, а также принимавшие участие в бунтах рабочие, стремились поправить свое имущественное положение, занимаясь откровенным грабежом⁵.

¹ Там же.

² Там же. С. 68-69. Примеры на С. 69-76.

³ Там же. С. 84-85.

⁴ Там же. С. 85.

⁵ Там же. С. 86.

Криминальные мотивы «революционного» движения, ранее почти отсутствовавшие в историографии, дополнялись наблюдениями о том, что погромы могли провоцировать профессиональные воры (например, Мишка Бугай в Острогожске Воронежской губернии)¹. В дальнейшем этот тезис будет, как видно в следующей главе, развиваться рядом исследователей как один из ведущих для понимания причин развития революции в 1917 – 1918 гг. и дальнейших вооруженных столкновений. Впрочем, в какой-то степени тезис не был новым. В социалистической риторике 1917 г., некоторых работах 1920-х гг. присутствуют некие «темные силы», под которыми понимались, с одной стороны, стремившиеся вернуть царя «черносотенцы», а, с другой стороны, как раз уголовники.

Сам В.В. Канищев не пошел по пути полного отрицания политических мотивов бунтарских выступлений. Сочетание примитивных представлений о социализме как насильственном и немедленном распределении имущества «господствующих классов» и государства в пользу бедных, и реальные политические мероприятия социалистов действовали не менее мощно, нежели эгоистические интересы собственника или мотивы страха перед голодом. «Особо подобные настроения сказались после Октября, когда правящая большевистская партия официально провозгласила курс на перераспределение собственности, невзирая особенно на практические формы его реализации»². При этом, по мнению В.В. Канищева, первоначальные импульсы для бунтарства были аполитичными и партии стремились постфактум «оседлать» эту разрушительную энергию с помощью политических обещаний.

Роль большевиков в разжигании погромной волны или «революционного движения» представляется В.В. Канищеву двойственной. С одной стороны, он приводит немало фактов, говорящих о том, что большевики, полагая бунты стихийными проявлениями недовольства народных масс, все же считали их контрреволюционными³. С другой стороны, осенью 1917 г. они стали разыгрывать бунтарскую карту, считая бунты показателем готовности масс к

¹ Там же. С. 99.

² Там же. С. 86-87. Деятельность черносотенных организаций как организаторов погромов Канищев считает маловероятной (разве что, отдельных представителей), поскольку полагал, что черносотенцы в городе – это крупные торговцы и зажиточные мещане, а толпы громили как раз их владения. См.: Там же. С. 97-98.

³ Там же. С. 100-101.

социалистической революции. Исследователь характеризует такое поведение большевиков как беспринципное¹.

* * *

На причинах провала многопартийной системы как центральном факторе Октября сосредоточились, преимущественно, курские исследователи.

Н.Л. Авилова подчеркивает утопичность, нежизнеспособность партийных программ как «черносотенцев», так и кадетов, эсеров и меньшевиков. Указывая на быстрый развал монархических организаций после отречения Николая II, она в качестве его причины называет ненужность «русской идеи» или «черносотенной утопии» как «реально существующему монарху», так и народу. Кадетскую партию автор характеризует как «либеральную» утопию западного типа, оторванную от «напряженной социально-политической ситуации» 1917 г. «С лозунгами “войны до победного конца”... и поджидания решений Учредительного собрания по земельному вопросу (который фактически был уже решен крестьянскими комитетами на местах – и решен радикальным, неприемлемым для либералов способом) у власти в России осенью 1917 г. удержаться было нельзя»². Догматичность и доктринерство оказались, по ее мнению, присущи и ПСР, хотя «эсеровская интеллигентская утопия упирала отнюдь не на “европейскость”, а национальную самобытность России»³. Организационная структура партии оказалась слишком аморфной, неспособной организовать эффективную работу с населением. Эсеры дискредитировали себя у части населения использованием тактики индивидуального террора. Кроме того, партия находилась после 1907 г. в глубоком идейном и политическом кризисе, усугубленном первой мировой войной, вызвавшим раскол на оборонцев и сторонников революционного выхода из войны, а затем и выделение ПЛСР.

Из общих рассуждений автора можно понять, что причиной конечной победы большевиков она считает их большую прагматичность, реалистичность, созвучность позиции чаяниям населения.

¹ Там же. С. 103-104.

² Авилова Н.Л. Российская многопартийность: Региональный аспект. На материалах политических партий и движений Центрального Черноземья, 1900 – 1999 гг. Автореф. дис. докт. ист. наук. – М., 2001.

³ Там же.

На усиление позиций большевиков работал и провал политики Временного правительства, чья деятельность увязывалась с эсерами и меньшевиками. Несмотря на то, что меньшевики и эсеры после корниловского мятежа продолжали прочно удерживать руководящие позиции в местных органах (т.е. пресловутая большевизация Советов шла медленно), тянувшаяся империалистическая война, усиление голода и разрухи в тылу, неспособность властей радикально решать аграрный вопрос стали объективными факторами, «которые работали на усиление позиций большевиков как в общероссийском масштабе, так и в регионах огромной страны»¹.

Сходные рассуждения можно увидеть и у В.В. Канищева, полагавшего, что «по причине приверженности реформам в неопределенном будущем и "предпарламентской говорильне" падал в средних слоях города авторитет правых социалистов и недавнего кумира "обывателей" А.Ф. Керенского. С другой стороны, радикализацию части "средних" горожан тактически верно учли большевики, которые использовали подъем в целом самостоятельной стачечной и бунтарской активности городских средних слоев как фактор ослабления Временного правительства»².

Богатая расколами внутренняя жизнь партий становится в этот период объектом пристального изучения. Противоречия внутри социал-демократического движения не могли не ослаблять социалистическую коалицию. Н.Л. Авилова называла в качестве причин раскола социал-демократов весной – осенью 1917 г. разногласия по вопросам войны и власти. Например, курские большевики выступили за укрепление Советов, а меньшевики – за идею всесословного Народного совета³. Свою роль сыграли и «Апрельские тезисы», ориентировавшие большевиков на разрыв с меньшевиками. В дальнейшем к факторам разрушения сотрудничества между социал-демократами Авилова относит непризнание меньшевиками большевистской власти и массовые «чистки» меньшевиков в общественных организациях уже в 1918 г., а потом и административные запреты на существование их организаций. Члены организаций меньшевиков брались в заложники во время красного террора осени 1918 г.⁴. Сходным образом

¹ Там же.

² Канищев В.В. Городские средние слои... С. 19.

³ Авилова Н.Л. Создание и деятельность меньшевистских организаций в губерниях Центрального Черноземья. Дис. канд. ист. наук. – Курск, 1994. – С. 125-126.

⁴ Там же. С. 173-182.

рассуждает и другая курская исследовательница – Г.А. Салтык – но уже по поводу эсеров¹.

Вместе с тем, углубление социально-политического кризиса в приведенных рассуждениях вращается вокруг проблемы провала социалистического единства и преодоления партиями доктринерства. В связи с этим несколько необычными выглядят рассуждения В.В. Канищева, который обращает внимание на роль кадетов. Называя эту партию потенциальным лидером средних городских слоев, напуганных «общей атмосферой хаоса, возможностью перехода власти к радикальным Советам», В.В. Канищев подчеркивает, что кадеты не смогли сыграть эту роль из-за непоследовательного отношения к корниловщине. «Сторонники кадетов из "средней" интеллигенции осуждали это (фактическую поддержку Л.Г. Корнилова. – М.Р.) как отход от либеральных принципов. Мещанство [, напротив,] ожидало решительного наведения порядка, становления власти патерналистско-репрессивного типа»².

4.3. На пороге гражданской войны

Представления о причинах гражданской войны в регионе претерпели определенное изменение. Как можно догадаться, акцент в обвинениях за разжигание вооруженного противостояния сместился с «кулаков», «социал-предателей» и «недобитков» в сторону большевиков и их политики.

Критике подверглась аграрная политика советской власти 1918 – 1919 гг. Результаты «черного передела» не только не дали ощутимой прибавки земли на душу населения (по Тамбовской губернии – 0,38 дес.), но и стали разорять зажиточные хозяйства, увеличивать количество мелкопосевщиков. Сохранение и усиление общины привело к «преобладанию патриархального крестьянина с отсталым хозяйством, неразвитыми потребностями, который натурализовал свое хозяйство»³. Рост бремени «различных натуральных повинностей сказался на производственной деятельности крестьянских хозяйств, вынуждая их

¹ Салтык Г.А. Неонародничество России: региональный аспект (1917 – 1918 гг.). – Курск: Изво КГСХА, 2001. – С. 106-107.

² Канищев В.В. Городские средние слои... С. 19.

³ Есиков С.А. Крестьянство Тамбовской губернии в начале XX века (1900 – 1921 гг.). Автореф. дис. докт. ист. наук. – Москва, 1998. – С. 25.

сокращать посе́вы, менять структуру посевных площадей в пользу культур для собственного потребления, что отрицательно сказалось и на крестьянском животноводстве»¹. Согласно оценке курских исследователей, главной проблемой уже к весне 1918 г. был голод среди городского населения, из-за того, что крестьяне не хотели сдавать хлеб². Иначе говоря, экономический кризис деревни не только не был преодолен, но и продолжал углубляться.

Обратим внимание именно на смену оценок по сравнению с советской историографией. Дело в том, что советские историки оперировали сходными цифрами уменьшения количества крупных хозяйств, но воспринимали это как крайне положительное явление, показатель уменьшения влияния кулачества. Новый акцент именно на экономической составляющей событий, разумеется, указывал на дальнейшие трудности, которые будут возникать у большевиков и в ходе гражданской войны и после нее, но исключал из рассуждений социально-политическую составляющую – «классовую борьбу» между различными группами населения. Вслед за авторами концепции «общинной революции», С.А. Есиков полагал, что общинное крестьянство представляло собой некое единое социальное явление, склонное более к коллективистским действиям против власти и «внешних врагов» (например, крупных землевладельцев), нежели к внутренним конфликтам.

Другим объектом критики стали методы, с помощью которых большевики реализовывали свои политические установки. Это касалось как политики в деревне, так и в городах, а также борьбы с политическими противниками. Дальнейшее изъятие продовольствия у кулаков с помощью комбедов порождало недовольство и рост сопротивления. «“Военный коммунизм” предполагал переход к свертыванию демократии, введение чрезвычайных, террористических методов управления», что порождало конфликт даже с союзниками большевиков по Октябрьской революции – анархистами и левыми эсерами³.

Г.А. Салтык отмечает те многочисленные конфликтогенные факторы, которые не могли не провоцировать напряженность между большевиками и левыми эсерами. Так, еще в начале 1918 г. левые эсеры выступали за сохранение городских дум и земств, полагая, что Советы не должны брать на

¹ Там же. С. 26.

² Курский край в истории Отечества... С. 126.

³ Там же.

себя хозяйственно-культурные функции. В этом вопросе они, между прочим, смыкались с ПСР. Левые эсеры стремились также к децентрализации власти, чтобы местные вопросы решались сугубо местными Советами (за губернскими Советами сохранялась лишь регулятивная функция). Очень негативно был воспринят ими Брестский мир, создание комбедов. Дискуссии возникали и по поводу продовольственного вопроса, когда ПЛСР выступила против предоставления чрезвычайных полномочий реквизиционным отрядам, требуя, чтобы они подчинялись местным Советом. Стремясь настоять на своем, левые эсеры прибегали к выходу из советских органов, требуя в ультимативной форме выполнения своих требований. В целом ПЛСР стремилась контролировать аграрную политику новой власти на местах и не могла не вступать в конкуренцию с большевиками¹. Все эти наблюдения указывают на то, что несговорчивость большевиков, стремление их видеть в ПЛСР лишь «младшего брата», а не полноправного партнера, вели к дальнейшей трагической развязке в отношениях между этими двумя партиями.

Особое внимание начало обращать на неприглядное поведение участников большевистских ячеек, склонность их к насилию, рукоприкладству, бессудным расправам, факты спекуляции, пьянства. Например, «в Курской губернии, как сообщал наркомат внутренних дел, представители сельской, волостной, а иногда уездной и губернской власти “не задумываются, как достать себе пищу, а просто берут у кого-нибудь корову и режут...”»². Стремясь выполнить указания сверху во что бы то ни стало сельские партячейки РКП(б) действовали угрозами, конфискациями и контрибуциями, объявляя всех сопротивляющихся контрреволюционерами³.

В результате, по мнению С.В. Фефелова, большевики к лету 1918 г. растеряли свой авторитет у населения и стали «партией меньшинства, которая стремилась любым путем удержать власть в своих руках», что стало главным смыслом их существования, ликвидируя любых реальных и потенциальных противников. «Они воспринимали слова “классовая политика” таким образом, что группы людей, принадлежащих к определенному классу, с их точки зрения враждебному по признакам образования, рода занятий, их прошлой

¹ Салтык Г.А. Неонародничество России... С. 173-176.

² Старостин Е.Н. Агитационно-пропагандистская работа организаций РКП (б) Центрального Черноземья в деревне в годы гражданской войны (1918 – 1921 гг.). Дис. канд. ист. наук. – Тамбов, 1994. – С. 54-55.

³ Там же. С. 55-56.

деятельности, владения имуществом и т.д., подлежали ликвидации. Буржуазия, помещики, офицеры, кадеты, казаки, кулаки – все это были враги по определению, независимо от конкретных действий конкретного лица... Подобная схематичность требовалась для того, чтобы подогреть классовую борьбу и раскачивать маховик гражданской войны»¹.

Вместе с тем, анализируя ситуацию с контрибуциями, местными налогами и реквизициями в городах весной – летом 1918 г., В.В. Канищев отмечал и тот факт, что они затрагивали часто только крупных собственников, а мелких почти не касались. По его подсчетам, «получается, что в городах Черноземного центра серьезные основания для недовольства советской властью имела максимум пятая часть средних слоев или 15 % городского населения»².

* * *

Шагом вперед для местной историографии стало обращение к новым социально-психологическим сюжетам и использование выводов, полученных с помощью методов из арсенала социологии.

Для лучшего понимания событий авторы предлагали обратить внимание не на общее экономическое неблагополучие и антагонистическую классовую вражду, а на то, как население воспринимало те или иные действия власти.

С.А. Есиков предлагал считать основной причиной борьбы крестьян против продразверстки и продовольственной диктатуры не чрезвычайную тяжесть их (по крайней мере, для 1918 г.), а то, что в результате «общинной революции» деревня считала себя не обязанной государству ничем³. Развивая этот тезис, исследователь отмечал: «Представляется, что крестьянство, будучи в целом покорной частью общества, восставало против государства, во-первых, когда оно чрезмерно и болезненно вторгалось в сферу интересов крестьян, во-вторых, когда государство явно не оправдывало социальных ожиданий крестьян, в-третьих, когда государство показывало крестьянству свою некую

¹ Фефелов С.В. Большевики и российская деревня весной-осенью 1919 года (на материалах губерний Центрального Черноземья). – М.: Издательство МГОПУ, 1998. – С. 71-72.

² Канищев В.В. Изменение политических настроений средних слоев города в первый год пролетарской диктатуры (по материалам Воронежской, Курской, Тамбовской губерний). Дисс. канд ист. наук. – Москва, 1984. – С. 119.

³ Есиков С.А. Крестьянство Тамбовской губернии в начале XX века (1900 – 1921 гг.). Автореф... С. 25-26.

слабость»¹. Трагический разрыв государства и крестьянства, непонимание первым интересов последнего, существование крестьянства в качестве «неудобного класса» для государства приводило к тому, что «о каком-либо партнерстве государства и крестьянства» к началу XX века не могло быть и речи².

Эти наблюдения подтверждали и другие исследователи. Община отторгала не только комбеды и коммунистические ячейки, но и коммуны из приезжих рабочих и бедных крестьян, что вносило «свою искру в разжигании пожара гражданской войны в деревне»³.

О восприятии большевистского режима средними городскими слоями много писал В.В. Канищев. Помимо общей подозрительности по отношению к «пролетарской диктатуре», пугавшей мелкобуржуазные слои вероятным посягательством на их собственность, горожане негативно отреагировали и на Брест-Литовский мир, оскорблявший их патриотические чувства. Причем, «во многих городах Воронежской и Курской губерний отрицательная реакция части средних слоев на мирный договор с Германией вызывалась и тем, что эти города оказались вблизи зоны германской оккупации и испытывали опасность вражеского вторжения»⁴. С другой стороны, усталость от войны вызывала в 1918 г. бунты мобилизованных, среди которых было немало горожан.

В.В. Канищев предлагает различать мотивацию горожан к противостоянию с большевиками конца 1917 г. и весны 1918 г. «Если реакция городских средних слоев на Октябрьскую революцию и установление Советской власти на местах была неприятием радикальной политической революции, то с весны 1918 г. эти слои поднялись на защиту своего социального статуса от уже прочувствованного натиска "диктатуры пролетариата"»⁵. Любой городской «мелкий буржуй» мог подвергнуться политическим репрессиям, лишиться собственности, службы, возможности заниматься предпринимательской деятельностью, что вызывало рост тревожных и антисоветских настроений, абсентизм, стремление провести в Советы умеренных социалистов весной 1918 г.

¹ Там же. С. 29.

² Там же. С. 338.

³ Курский край в истории Отечества... С. 126.

⁴ Канищев В.В. Изменение политических настроений... С. 120.

⁵ Канищев В.В. Городские средние слои... С. 25.

При этом «новые» средние слои (служащие, интеллигенты) к весне-лету 1918 г. в общем примирились с новой властью, в то время как «старые» средние слои, напротив, приняли активное участие в десятках «контрреволюционных» выступлений. «Изучение социального облика и психологии "рядовых" участников антисоветских восстаний... выявило преобладание среди них сравнительно молодых выходцев из низших сословий, которые в 1910-е годы получили неплохое образование и "непыльную" работу. В рядах участников восстаний почти не было собственников. Их мятежность мотивировалась не классовым протестом, а нежеланием утратить результаты продвижения в служебных делах, неприятием Октябрьской революции, открывавшей дорогу вверх низам общества, способным смести тех, кто уже удобно устроился на средних ступеньках общественной лестницы. Мятежность "обывателя" не была глубокой и устойчивой. Не сумев победить "диктатуру пролетариата" мятежным путем, многие повстанцы попытались сделать карьеру в новых условиях»¹.

Средние городские слои представляются частью довольно широкого антибольшевистского фронта, участники которого весной – летом 1918 г. приняли активное участие в городских мятежах и бунтах. По мнению В.В. Канищева, весной 1918 г. изменяется социальная природа городских бунтов. К прежней базе маргинализированных солдат, мелких собственников деревни и города, а также разоряющихся мелких хозяев добавляются «крепкие» хозяева, не желавшие, чтобы их ликвидировали «как класс»: «среди участников антисоветских выступлений бунтарского типа весной – летом 1918 г. в 70 % случаев были средние слои города вообще, в каждом третьем выступлении – служащие и интеллигенты, почти в 20 % случаев – торговцы, в каждом десятом выступлении – учащиеся средних учебных заведений и студенты. Все эти слои городского населения не были участниками погромного движения в 1917 г.»². Интересно, что в бунтарском движении приняли участие рабочие, что было обусловлено их разочарованием Советской властью, а также тем, что весной 1918 г., в связи с демобилизацией промышленности, «начинается безработица и деклассирование (другими словами, маргинализация) рабочих военных предприятий. Конечно, этот процесс резко возбуждал многих из них»³.

¹ Канищев В.В. Городские средние слои... С. 26.

² Канищев В.В. Русский бунт... С. 134-135.

³ Там же. С. 135.

Однако, как и в 1917 г., средние городские слои оказались расколоты сами и, одновременно, не смогли создать единый фронт борьбы с большевизмом, движимые «традиционными и "текущими" противоречиями, взаимной неприязнью... с дворянами, офицерами, капиталистами, с одной стороны, и рабочими, солдатами, крестьянами – с другой... Сказались и внутренние противоречия "старых" и "новых" средних слоев»¹. При дальнейшей поляризации настроений и симпатий, все же подавляющее большинство средних городских слоев «оказалась как бы зажатой между противоборствующими силами»². Интересно, что впоследствии и белые, и красные имели к средним городским слоям свои претензии. Помимо общего презрения к «мещанству», красные не доверяли им как служащим «старого режима», а белые не прощали большинству служащих поступления в советские учреждения»³.

* * *

Несмотря на приведенные выше замечания, которые усложняли и меняли акценты в представлениях о причинах гражданской войны в регионе, нельзя сказать, что тема причинности вооруженного противостояния оказалась действительно отрефлексируемой. Судя по всему, как и в случае с советской историографией, исследователи так и не определились с тем, когда же в регионе началась гражданская война. Так, С.А. Есиков, поддерживая, по сути, представления, сформулированные еще в 1930-е гг. А.В. Шестаковым, указывал на то, что крестьянское восстание началось уже весной 1918 г., когда только в Тамбовской губернии в мятежах участвовало до 40 тыс. крестьян (для сравнения, в армиях А.С. Антонова на максимуме было столько же)⁴. Иначе говоря, что это было как не акция гражданской войны? С другой стороны, из рассуждений В.В. Канищева непонятно – были ли городские бунты 1918 г. событиями гражданской войны. При этом, по его мнению, для советской власти наиболее кризисным был июнь 1918 г., когда доля контрреволюционных выступлений на 30 % превысила долю просоветских.

¹ Канищев В.В. Городские средние слои... С. 26.

² Там же. С. 27-28.

³ Там же. С. 28.

⁴ Есиков С.А. Крестьянство Тамбовской губернии в начале XX века (1900 – 1921 гг.). Автореф. ... С. 26-27.

Обратим внимание на то, что авторы новой волны практически отказались от представлений об организованном характере антибольшевистских выступлений в 1918 г., их политической и классовой мотивации. Роль политических партий (в т.ч. левых эсеров) в этом процессе представлялась ничтожной, а общесоциальная мотивация – доминирующей.

На фоне этих «трендов» откровенно второстепенными, проходными выглядели высказывания о некоторых других факторах разворачивания и углубления гражданской войны: «общероссийский развал» и интервенция (в т.ч. германского блока)¹, репрессии белых при занятии южных территорий Черноземья, неприязнь крестьян и казаков к городскому и иногороднему населению, в результате чего рядовой состав и Красной, и Белой армий «не имели психологических "сдержек" при расправах и грабежах в городах»².

¹ Курский край в истории Отечества... С. 126.

² Канищев В.В. Городские средние слои... С. 28.

Глава 5. Современная историография о причинах революции и гражданской войны в ЦЧО

Несмотря на то, что причины происшедших событий изучаются современной историографией, следует признать наличие накопившихся и не решенных проблем.

Во-первых, если смотреть на ситуацию с диссертациями, то все они, включая единственную докторскую, довольно бережно относятся к «авторитетным мнениям» практически всех представителей наработанной историографии. Следовательно, их объяснения революционной ситуации и развития революции достаточно эклектичны, а подчас и совсем консервативны. Так, Ю.В. Кудинова, рассуждая о ситуации в воронежской деревне 1900 – 1917 гг., по-прежнему считает, что события 1905 – 1907 гг. и 1917 гг. вызваны почти одинаковыми причинами, из которых главная – обнищание сельского населения, добавляя к причинам революции 1917 г., по сравнению с первой российской революцией, тяготы Первой мировой войны и провал столыпинской реформы. Надо сказать, что и диссертация В.П. Николашина мало что прибавляет к этой общей картине крестьянской безысходности.

Во-вторых, работы, целью которых является выявление именно причин революционного обрушения ситуации в регионе (а, что важно, появились и такие) не изучают эту проблему комплексно. Так, в статьях М.Д. Карпачева натуральный характер экономики, влияние общины, невысокая эффективность деятельности администрации называются «объективными факторами русской революции»¹. В многочисленных публикациях исследователь показывает сложный механизм возникновения продовольственного кризиса. Однако из работ непонятно, какое место занимали эти проблемы во всей совокупности причин, вызвавших революцию. Были ли они ведущими или вспомогательными? В обобщающих работах М.Д. Карпачев дает расширенную трактовку происшедшего². Однако и здесь понять «иерархию» значения

¹ Карпачев М.Д. О налогах и налоговой дисциплине крестьян Воронежской губернии в конце XIX – начале XX вв. // Вестник ВГУ. Сер.: История. Политология. Социология. – 2020. – № 3. – С. 55.

² Он же. О социальных истоках русских революций начала XX века // Вестник ВГУ. Сер.: История. Политология. Социология. – 2015. – № 3. – С. 21-28; Он же. Объективные предпосылки и субъективные факторы Великой русской революции 1917 года // Веков неспешный ход: проблемы социально-экономической и политической истории России.

факторов, влиявших на ситуацию в регионах, сложно, а продовольственный фактор, которому посвящены многочисленные публикации автора, здесь вообще не упоминается.

Для объяснительных моделей этого периода характерна реанимация интереса к экономической и политической мысли первой трети XX века, согласие с выводами некоммунистических политиков и ученых-аграриев 1900-х – начала 1930-х гг. При этом понятно, что механическая совокупность перечисляемых исследователями причин не дает ясного ответа на истоки происшедших событий. Продолжают оставаться дискуссионными вопросы, например, о чрезвычайной бедности крестьянства, результатах столыпинской реформы, налогообложении и проч. Исследователи так и не могут определиться в своем отношении к общине. Некоторыми из них общинное крестьянство представлено как страдающее, а действия государства по отношению к общинному крестьянству как неуклюжие или репрессивные. Другие авторы, наоборот, подвергают общину жестокой критике, считая ее консерватизм главной причиной революции.

5.1. Причины Февраля

Несмотря на обозначенный во второй главе перелом в историографии, нельзя сказать с полной уверенностью, что таковой случился «окончательно и бесповоротно». Скорее, речь идет о развитии тех тезисов, которые были сформулированы во втором периоде при сохранении исследовательских представлений о Черноземном регионе как о, в целом, депрессивном.

Традиционная картина ситуации в деревне во многом сохранилась и даже получила новых сторонников. Это отчасти связано с обозначившейся в «центральной» историографии дискуссией «пессимистов» и «оптимистов» (в терминологии Б.И. Колоницкого) о том, насколько кризисной в социально-экономическом плане была поздняя Российская империя. Несмотря на то, что большинство из приведенных ниже высказываний представлены в кандидатских диссертациях, «тяжелой артиллерией» современных представлений о безысходности крестьянского бытия является защищенная

недавно докторская диссертация В.П. Николашина. Интересно, что полигоном для большинства таких исследований стала деревня Воронежской губернии, в 1980-е – 1990-е остававшаяся в тени знаменитого соседа – Тамбовщины.

Согласно созданной на данный момент картине событий, в Черноземье наблюдалось «массовое разорение и обнищание деревни», крестьянин «страдал от власти и помещиков»¹. Крестьянское хозяйство деградировало из-за высоких налогов и невыгодных условий аренды². Ю.В. Кудинова отмечает: «крестьяне были обложены всевозможными денежными поборами в пользу государства (выкупные платежи за землю, поземельный налог, лесной налог, косвенные налоги), а также земскими и мирскими сборами и повинностями, которые составляли более половины денежных средств от общего дохода крестьянского хозяйства»³. При этом произошло возвращение к тезису А.В. Чаянова о том, что крестьяне накануне революционных событий 1917 г. платили за аренду земли не только весь чистый доход с ее использования, но и часть своей заработной платы, тем самым работая себе в убыток⁴.

Был реанимирован советский тезис о голодной деревне. По мнению М.К. Чуркина, изголодавшиеся поколениями крестьяне Черноземья были ослаблены физически и в ходе столыпинской реформы просто не могли успешно адаптироваться в новых природных условиях Сибири⁵.

Сохранялись малоземелье, чересполосица, дальнеполосица, узкополосица; регулярно случались засухи; деревня страдала от резкого демографического роста⁶. Тезис о чрезвычайной важности проблемы

¹ Кудинова Ю.В. Особенности, формы и методы участия крестьян Воронежской губернии в общественном движении в 1900 – 1917 гг. Автореф. дис. канд. ист. наук. – Белгород, 2013. – С. 16.

² Там же. С. 16, 20.

³ Там же. С. 16.

⁴ Николашин В.П. Поземельные конфликты в начальный период советской власти: от противостояния общин к борьбе крестьян с коллективными хозяйствами и комбедами // История: факты и символы. – 2019. – № 3 (20). – С. 117.

⁵ Чуркин М.К. Физическое здоровья крестьянства Черноземного центра европейской России как фактор адаптационной готовности к переселениям в Сибирь во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. – 2014. – № 3 (29). – С. 20.

⁶ Зверков Е.А. Общественное движение в Воронежской губернии в 1917 года. Дис. канд. ист. наук. – Воронеж, 2018. – С. 54; Кудинова Ю.В. Особенности, формы и методы участия

перенаселения, озвученный «модерной» историографией 1980-х – 1990х гг., хорошо ложился на идею представления о малоземелье крестьян и их нарастающей бедности. В частности, резкое увеличение численности населения увязывается с деградацией и сокращением количества сельскохозяйственных орудий на один крестьянский двор. Рядом исследователей демографический фактор вообще называется главной причиной социальных конфликтов в русской деревне¹. С.А. Нефедов, соглашаясь с выводами комиссии 1902 г., пишет о том, что Черноземье лидировало среди 50 губерний Европейской части России по излишку рабочих рук. Этот излишек достигал здесь 65-69 %, что на 12-16 % больше, чем средние показатели по прочим губерниям². Ссылаясь на экономистов начала XX века, исследователь полагает, что они эффективно использовали мальтузианскую теорию, предсказывая будущий социальный взрыв как результат воздействия на хозяйство демографического перенапряжения³.

«Безвыходность, беспросветность, нужда, которые преследовали жителей черноземных деревень в течение всей их жизни, были основной причиной острого социального напряжения в крестьянской среде в 1917 г. Это явление было тщательно исследовано и получило должное научное обоснование только в конце XX века. Безвыходность положения, невозможность вырваться из экономических “тисков”, несмотря на все старания, трансформировались в “системную бедность”», – пишет В.П. Николашин⁴.

крестьян... С. 16; Лесных А.В. Отношение крестьян Воронежской губернии к советской власти (1917 – 1921 гг.). Дис. канд. ист. наук. – Воронеж, 2009. – С. 51-52.

¹ Николашин В.П. Поземельные конфликты... С. 117; Крестьянское движение в Тамбовской губернии, 1917 – 1918: документы и материалы / сост. В.П. Данилов [и др.]. – М.: РОССПЭН, 2003. – С. 5-6; Дьячков В.Л. Белые, красные, зеленые: истоки и сравнительная социография активистов гражданской войны в России. Тамбовская губерния в революции 1917 года и Гражданской войне: особенное в общем // Тамбовское восстание 1920 – 1921 гг.: исследования, документы, воспоминания / под ред. А.В. Посадского. – М.: АИРО-XXI, 2018. – С. 103-123.

² Нефедов С.А. Экологический кризис в Центральном Черноземье и проблема аграрного перенаселения в начале XX века // Экологическая история России в XVIII – начале XX в.: сб. науч. статей / отв. ред. В.В. Канищев. – Тамбов: ООО «Центр-пресс», 2009. – С. 25.

³ Там же. С. 28.

⁴ Николашин В.П. Советские аграрные преобразования в губерниях Черноземного центра 1917 – 1918. Дис. докт. ист. наук. – Тамбов, 2020. – С. 68. Эта же идея повторяется в: Николашин В.П. Поземельные конфликты... С. 117.

Подчеркиваются низкий уровень культуры крестьян («темнота»), повсеместная неграмотность и невысокий уровень здравоохранения, гражданское неполноправие сельского населения, сохранение телесных наказаний¹. Неравенство сохранялось и на уровне город/деревня. А.Н. Пахомова считает, что интересов жителей села в конечном итоге оказались противопоставлены интересам городского населения².

Суровой критике подвергается правительственная политика. Столыпинская реформа называется незавершенной³, ведущей к новому витку конфликтности в деревне, поскольку ускорила процесс социальной дифференциации⁴. Позитивные сдвиги в ее результате воспринимаются как минимальные. В.П. Николашин считает реальные возможности крестьянского переселения из Черноземного региона весьма ограниченными⁵. Е.А. Зверков отмечает, что правительство считало деревню внутренней колонией, источником пополнения средств для модернизации⁶. Он же критикует государство за недостаточное внимание к проблемам сельского хозяйства, приверженность консервативной идее сохранения общины⁷. В.П. Николашин подвергает сомнению саму идею прогрессивности модернизации начала XX века, поскольку в ее ходе разрушались традиционные обязанности государства и помещика перед крестьянами, деградировала, таким образом, столетиями существовавшая «моральная экономика»⁸. (В этом смысле между взглядами Е.А. Зверкова и В.П. Николашина наблюдается, очевидно, некоторое противоречие).

«Ни реформы, ни другие действия экономического и политического характера, проводимые правительством России с середины XIX века, не приносили ожидаемых выгод для общества и даже приводили к частичному разорению дворянства и дальнейшей экономической деградации огромной массы крестьянских хозяйств..., – пишет В.П. Николашин. – В этих условиях о

¹ Кудинова Ю.В. Особенности, формы и методы участия крестьян... С. 16.

² Пахомова А.Н. Социально-политические преобразования на рубеже веков: причины и последствия (на материалах Центрально-Черноземного региона). – Курск: Курск. гос. тех. ун-т, 2006. – Ч. 2. – С. 208.

³ Зверков Е.А. Общественное движение... С. 54.

⁴ Кудинова Ю.В. Особенности, формы и методы участия крестьян... С. 21. См. также: Николашин В.П. Поземельные конфликты... С. 117.

⁵ Николашин В.П. Поземельные конфликты... С. 117.

⁶ Зверков Е.А. Общественное движение... С. 53.

⁷ Там же. С. 54.

⁸ Николашин В.П. Поземельные конфликты... С. 117.

прогрессе и модернизации крестьянских хозяйств черноземных губерний не могло быть и речи»¹. Мировая война эти проблемы только усугубила, добавив спекуляцию и инфляцию².

* * *

Существенной новацией рассматриваемого периода стало обращение к экологической тематике вплоть до формулирования концепции экологической катастрофы в Черноземной деревне рубежа XIX – XX вв. Работая на традиционную картину полного упадка сельского хозяйства Черноземного центра и беспросветности крестьянского бытия, изучение естественно-исторических причин революции, наряду с демографическим ростом, с одной стороны, указывало на абсолютную непреодолимость существующих на тот момент проблем мгновенными политическими решениями и благими пожеланиями, а, с другой, не позволяло смотреть на картину крестьянского бедствия как на результат эгоизма землевладельческих и политических элит, что делали советские историки, развивавшие мысль о сознательном сохранении крепостнических пережитков в ущерб интересам подавляющего большинства сельского населения.

«Снижению негативного воздействия на окружающую среду при сохранении высокой урожайности способствовало использование элементов рационального ведения крестьянами своего хозяйства и хотя бы минимально взвешенного подхода к имеющимся в наличии природным ресурсам (леса, луга, выгоны). Соблюдение этих условий позволяло продлевать плодородность почв и замедлять процесс эрозии земли. Пренебрежение или нарушение одного из элементов природной среды оборачивалось для крестьян недородами, неурожаями и прочими экологическими проблемами, некоторые из которых деревня начала ощущать на себе с середины XIX века», – отмечают Д.П. Иванов и В.В. Канищев³.

Исследователи определяют землепользование этого периода как однозначно хищническое, безоглядно берущее от природы все без остатка. Авторы опубликованных работ – Д.П. Иванов, В.В. Канищев, Н.С. Цинцадзе, С.А. Нефедов, Л.Г. Протасов – полностью соглашаются с современниками, не

¹ Николашин В.П. Советские аграрные преобразования... С. 69.

² Зверков Е.А. Общественное движение... С. 54.

³ Иванов Д.П., Канищев В.В. Естественно-исторические предпосылки Тамбовского восстания 1920 – 1921 гг. Учебное пособие. – Тамбов: ООО «Центр-пресс», 2011. – С. 5-6.

только говорившими об оскудении центра, но и увязывавшими частое повторение засух, оврагообразование, наступление песков, засорение и обмеление рек, истощение некогда плодородных почв, распространение вредных насекомых с максимальной эксплуатацией природных ресурсов¹. Еще по сведениям Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности 1902 г. все четыре Черноземные губернии входили в зону повторяющихся засух. Курская, Орловская и Тамбовская губернии назывались территориями, наиболее страдающими от оврагообразования, Воронежская губерния – от песков².

Одной из причин нараставшей экологической катастрофы стал приведший к росту посевных площадей рост цен на хлеб в середине XIX века. По подсчетам С.А. Нефедова, с 1850 по 1910 гг. крестьяне Черноземья запахали дополнительно 10 % территорий губерний и к 1910 г. пашни составляли 71 % их площади. Описания агрономов и общественных деятелей и в 1876 г., и в 1902 г. говорят о регионе, как о территориях, превращенных в сплошные поля³. Лидировавшая по объемам экспорта зерна за границу Тамбовская губерния подверглась фактически тотальной запашке. В Тамбовском, Кирсановском и Борисоглебском уездах пашня с 1881 по 1917 гг. выросла на 170 тыс. дес. Поскольку это делалось за счет распашки выгонов и сенокосов, параллельно происходило уменьшение кормовых средств для скота, сокращение его поголовья. С уменьшением количества навозных удобрений падала урожайность. Одновременно происходила вырубка под пашню лесов. За период с 1861 по 1917 гг. было вырублено более 40 % лесов Тамбовской губернии. Общая площадь лесов уменьшилась до 15 %⁴. Это отразилось на экологии губернии самым губительным образом, приводя к выветриванию почв, ускорению процесса смывки грунта, исчезновению лесов. Последнее вело еще и к недостатку топлива. «В результате крестьяне некоторых районов стали употреблять вместо топлива навоз с соломой, что уменьшило урожайность земли. Хищническое потребление природных ресурсов в совокупности с интенсивной эксплуатацией земли в условиях экстенсивной агротехники

¹ Канищев В.В., Цинцадзе Н.С. Экологическая история тамбовского села в начале XX века: учебное пособие. – Тамбов: ООО «Центр-пресс», 2010. – С. 20-21.

² Там же. С. 14-19.

³ Нефедов С.А. Экологический кризис в Центральном Черноземье... С. 24.

⁴ Канищев В.В., Цинцадзе Н.С. Экологическая история... С. 25.

повышало вероятность неурожая даже в “хлебных” районах...»¹. Аналогичный процесс происходил в Воронежской губернии, где в 1848 – 1913 гг. площадь лесов уменьшилась с 12,8 до 7,2 % площади губернии, а в 1924 г. – до 6,3 %².

Другой причиной была неимоверно возросшая демографическая нагрузка на землю. «С 1863 по 1897 г. население Центрально-Черноземного региона возросло с 6,4 до 8,4 млн, т.е. на 32 %..., – пишет С.А. Нефедов. – В 1890 г. посевная площадь достигла 7,0 млн дес. и больше уже не росла, а даже сокращалась. В 1913 г. она составляла 6,7 млн дес. Это объясняется тем, что ввиду истощения земли крестьяне были вынуждены все большую ее часть отводить под пар»³. Анализ данных по Тамбовской губернии за 1912 г. показал, что только в 27 обществах против 2000 нагрузка на пашню была приемлемой⁴.

Характерно, что сельские поселения не увеличивались в численности, а разрастались до огромных размеров, создавая давление не только на почву, но и на водные ресурсы. «Еще в XIX веке ... в десятках сел Тамбовской губернии стало наблюдаться чрезмерное загрязнение водоемов в связи с водопоем и купанием крупных стад скота, а также нарушения течения режима рек из-за строительства мельничных запруд. Хотя к началу XX века количество скота в губернии сократилось, он по-прежнему концентрировался в больших селениях у рек... В связи с ростом мучного производства для растущего количества населения количество мельниц на реках региона в начале XX века продолжало увеличиваться»⁵. Строившиеся плотины способствовали улучшению гидрологического режима пойменных лугов, но нарушали ток воды, влияли на размывание речных берегов и даже приводили к затоплению сельскохозяйственных угодий и лесов⁶.

* * *

Вместе с тем, исследователи, отказавшись от тезиса о злонамеренности царского режима, должны были сформулировать иные причины того, что бедственное положение сельского населения сохранялось и даже продолжало

¹ Иванов Д.П., Канищев В.В. Естественно-исторические предпосылки... С. 6-7.

² Харченко Н.А. [и др.] Деграция дубрав Центрального Черноземья. – Воронеж: ВГЛТА, 2010. – С. 259, 262.

³ Нефедов С.А. Экологический кризис в Центральном Черноземье... С. 24.

⁴ Канищев В.В., Цинцадзе Н.С. Экологическая история... С 22-23.

⁵ Там же. С. 27.

⁶ Там же.

усугубляться. Были высказаны различные предположения, которые существенно отличают объяснительную концепцию советского времени от современной.

В качестве таковых причин виделись:

1. *Системная бедность крестьянства*, не позволявшая идти по пути агротехнического прогресса. С этим выводом, озвученным В.П. Николашиным, согласны и другие авторы. В.В. Канищев и Н.С. Цинцадзе называют крайнюю бедность крестьян главной причиной, не позволявшей переломить ситуацию¹. Например, «явная нехватка природных ресурсов и особенно малые размеры крестьянских земельных наделов весьма затрудняли введение многопольных севооборотов и других интенсивных приемов ведения сельского хозяйства»². Финансовое положение крестьян также оценивается как тяжелое³. М.Д. Карпачев называет материальное состояние крестьянства «наибольшей трудностью», стоявшей на пути столыпинского реформирования: «при скудости материальных интересов, низкой образованности и культуры, большинство из них опасалось риска самостоятельного хозяйствования»⁴.

2. *Сила традиции*, куда включалась:

а) *инертность большинства помещиков*, стремившихся зарабатывать не за счет улучшения агропользования, а за счет сдачи крестьянам земли в аренду⁵;

б) *критика общины: приверженность крестьян-общинников к «проверенным веками» системам земле- и природопользования*. Население отказывалось проводить меры по рационализации природопользования, считая их излишними. По данным Е.В. Неретиной, на рубеже XIX – XX вв. «из свыше 300 крупных хозяйств группы уездов Тамбовской губернии... было выявлено 14 хозяйств, в которых принимались природоохранные меры по отношению к

¹ Там же. С. 29-36.

² Там же. С. 26.

³ Там же. С. 26.

⁴ Карпачев М.Д. Столыпинская реформа в Воронежской губернии: Итоги и уроки аграрного реформирования // *Общественная жизнь в Центральной России в XVI – начале XX в.* Воронеж, 1995. С. 167-168. Несмотря на то, что статья вышла в 1995 г., и относится к предыдущему периоду развития историографии, в дальнейшем М.Д. Карпачев продолжил плодотворную работу на данную тему.

⁵ Канищев В.В., Цинцадзе Н.С. Экологическая история... С. 29-36.

основным природным ресурсам (почва, лес, вода)». При этом только в 2-х из них эти меры носили комплексный характер¹.

Сопротивление общины распространению рыночных поземельных отношений считает главенствующим фактором сохранения проблем в деревне А.В. Лесных². Однако наиболее убийственной критике крестьянская община подвергается в работах М.Д. Карпачева. По его мнению, именно община влияла на сохранение чересполосицы («для справедливости»), подпала под влияние стремившихся к наживе кулаков (поведение которых считалось нормальным, поскольку это было богатство в рамках общины), поддерживала тех, кто в реальности не умел работать³.

В ведшей натуральное хозяйство традиционной деревне, по мнению М.Д. Карпачева, сложилась парадоксальная ситуация. С одной стороны, постоянные недороды обрекали крестьян на полуголодное существование. «Но и в случае обильных урожаев в губернаторских отчетах звучала тревога, правда, совсем иного рода: на выращивание и уборку хлебов крестьяне тратили огромные усилия, между тем избыток зерна вел к сильному падению цены на него. Продажа зерна в такие годы не могла окупить трудовых и материальных затрат на его производство»⁴. Не желая выходить на рынок, крестьяне консервировали сложившуюся ситуацию, находились в противоречии с помещичьими хозяйствами, желавшими развивать товарное производство и, следовательно, заинтересованных в более высоких ценах. В конечном итоге крестьяне становились в патовую ситуацию: демографический рост, низкая урожайность (при нежелании крестьян-общинников ее радикально повышать), сильная зависимость от природно-климатических факторов, вели к упадку и бывших помещичьих, и бывших государственных крестьян. «Социально-политическим следствием такого положения стало беспрецедентное повышение

¹ Неретина Е.В. Охрана природной среды в крупных землевладениях Тамбовской губернии в конце XIX – начале XX вв. // Экологические проблемы модернизации российского общества в XIX – первой половине XX вв.: материалы межрегион. конф., Тамбов, 5-6 окт. 2005 г. / отв. ред.: В. В. Канищев. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 2005. – С. 93.

² Лесных А.В. Отношение крестьян Воронежской губернии к советской власти (1917 – 1921 гг.). Автореф. дис. канд. ист. наук. – Тамбов, 2009. – С. 14; Он же. Отношение крестьян Воронежской губернии к советской власти (1917 – 1921 гг.). Дис. канд. ист. наук. – Воронеж, 2009. – С. 49.

³ Карпачев М.Д. Русская крестьянская община и государство: социальные истоки конфликта в начале XX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. – 2016. – № 1. – С. 292.

⁴ Там же. С. 288.

агрессивности общины по отношению к частному землевладению и к государственной власти. Не пресловутое засилье помещичьего землевладения и крепостнических остатков, а как раз общинная статичность и связанная с ней проблема аграрного перенаселения стали главными дестабилизирующими факторами жизни русской деревни, вслед за ней и всей страны», – заключает М.Д. Карпачев, довольно четко отделяя свои представления от мнения советской историографии¹.

3. *Недостаточные масштабы усилий по рационализации сельского хозяйства и природоохранным мерам, предпринимаемые властями и местным самоуправлением.* Количество земских агрономических участков было незначительным, поддержка Крестьянским банком отрубников и хуторян в обустройстве новых хозяйств, закупке техники и скота, не сыграла значительной роли и не смогла переломить традиции экстенсивного сельскохозяйственного развития. Внедряемые в начале XX века водоохранные меры в виде гидромелиорации (осушение, обводение, противопаводковые мероприятия) не могли решить ситуацию. Так в 1915 г. в Тамбовской губернии было введено в эксплуатацию лишь три артезианских колодца и столько же плотин с железобетонными водоспусками². Сказывалось и неумение самих крестьян вести высокопродуктивное хозяйство, в результате чего укрепившиеся столыпинские крестьяне продолжали вести низкопродуктивное хозяйство³.

Как полагал Л.Г. Протасов, эта проблема была тесно увязана с:

4. *Утопизмом установок и политической практики фактически всех политических партий* по отношению к тому, как можно было решить объективные проблемы, связанные с ростом населения и экологическим кризисом. Сосредоточенные на разрушении старого строя социалистические партии представляли себе взаимосвязь человека и природы достаточно туманно или механистически. В программах ПСР, партии революционных коммунистов присутствует мысль о необходимости полного контроля человека над природой⁴. Склонность либералов «к деловитости, рационализму, здравому смыслу как способу поведения» рождала некоторые надежды на решение

¹ Там же. С. 288-289.

² Канищев В.В., Цинцадзе Н.С. Экологическая история... С. 26, 28-36.

³ Лесных А.В. Отношение крестьян Воронежской губернии к советской власти (1917 – 1921 гг.). Дис. канд. ист. наук. – Воронеж, 2009. – С. 48-49.

⁴ Протасов Л.Г. Вопросы экологии в программатике политических партий России начала XX века // Экологические проблемы модернизации... С. 24-25.

проблем в будущем, но реальные пункты программы, касавшиеся экологической тематики у них отсутствовали¹.

«Кажется парадоксальным, но экологически озабочены были именно правые партии. Их помыслы были обращены в настоящее, а не более или менее отдаленное будущее. Стремясь сохранить монархию как оптимальную для России форму правления, они должны были искать приемлемые пути выхода из хозяйственных и социальных трудностей, думать о расширении социальной опоры режима»². Например, Русская монархическая партия, не допуская мысли о том, что рост населения должен привести к преступному перераспределению земельной собственности, рекомендовала проводить расселение скученных деревень, переселенческую политику, и чисто экологические меры: облесение, обводнение, борьбу с песками, мелиорацию³. Однако, верно понимая суть проблемы и способы ее решения, монархисты «в своем антизападничестве ... впадали в утопизм консервативного толка, стремясь избежать бездушного технократического индустриализма, язв “пролетариата”, становясь, таким образом, на пути неодолимого экономического развития»⁴.

Как показывают современные исследования правого движения в регионе, деятели правых партий, хотя и обсуждали социально-экономические вопросы, но в действительности основные усилия сосредотачивали на культурно-просветительской, благотворительной и патриотической деятельности⁵. Иначе говоря, правильные установки, подчеркнутые Л.Г. Протасовым, никак не проявляли себя в политической практике. От себя добавим, что даже в естественно-научной сфере представления об экологии на тот момент только формировались.

5. Объективные и субъективные трудности в реализации столыпинской реформы:

¹ Там же. С. 27.

² Там же.

³ Там же. С. 27-28.

⁴ Там же. С. 28.

⁵ Рылов В.Ю. Консерватизм в российской провинции: правое движение в губерниях Центрально-земледельческого района. 1903 – 1917. – Воронеж: издательский дом ВГУ, 2016. – С. 122-226.

а) *Неграмотная организация реформы на местах*: административное давление некомпетентных чиновников и плохой учет местных особенностей¹;

б) *Природно-географические особенности Черноземья*. Так, по мнению А.В. Лесных, чересполосица была вызвана не столько феодальными пережитками, сколько тем, что «основная часть крестьянского населения губернии [исторически] жила большими селениями, и уже поэтому “разверстание” общих владений на индивидуальные участки было здесь делом очень сложным даже с чисто технической точки зрения. Скученность же сельского населения зависела от бедности водных ресурсов, обеспечить которыми отдельную крестьянскую семью было очень трудно»²;

в) *влияние общины* (см. выше: 2, пункт б). Сохранению общины способствовал не только консерватизм крестьян, но и, например, такой объективный фактор, как бездорожье, на что указывали сами крестьяне. Выселение на индивидуальное хозяйство делало школу, больницу и церковь труднодоступными³.

* * *

Однако, какими бы ни были причины ситуации в Черноземной деревне, большинство исследователей склоняются к мысли о том, что положение крестьян было весьма сложным. В результате в ряде работ делаются выводы, как же именно это положение влияло на возникновение революции. Выше уже отмечалось, что исследователи, пытаясь обозначить важнейшие факторы причинности революции, называют в качестве главных: демографическое перенапряжение, в которое включается механический рост едоков и увеличение давления на экологию; системную, крайнюю, бедность крестьян, их «безысходное существование»; иррациональное сопротивление общины любой модернизации. Как видим, это было сочетание естественно-природных, экономических и социокультурных факторов. Данные концепты дают понятное

¹ Карпачев М.Д. Столыпинская реформа в Воронежской губернии... С. 174-175. Сходные размышления см.: Карпачев М.Д. Воронежская деревня накануне революции 1917 года: к оценке предварительных итогов столыпинской аграрной политики // Известия ВГПУ. Гуманитарные науки. – 2017. – № 2. – С. 129-135.

² Лесных А.В. Отношение крестьян Воронежской губернии к советской власти (1917 – 1921 гг.). Дис. канд. ист. наук. – Воронеж, 2009. – С. 45.

³ Там же. С. 46-47. Это положение повторяет наблюдения М.Д. Карпачева в статье 1995 г. См.: Карпачев М.Д. Столыпинская реформа в Воронежской губернии... С. 167-168.

объяснение крестьянской бедности, которая, несомненно, могла спровоцировать революционный взрыв или поддержку обрушения царского режима.

Еще одним, уже чисто социальным фактором, называется маргинализация населения, причем не только в результате мировой войны, но и вследствие непродуманности правительственной политики. Идея «маргинальной революции», озвученная на предыдущем этапе В.В. Канищевым и касавшаяся, преимущественно, солдат и горожан, была также распространена на крестьянство. Судя по всему, представления об этом восходили еще к высказываниям В.П. Данилова о том, что маргинализация городов в результате притока сельских жителей из-за столыпинской реформы являлась важнейшим фактором революции и ее радикализации.

Эту точку зрения поддерживает В.П. Николашин: «Столыпинская аграрная реформа, ставшая фактической альтернативой программатике социализации земли, из-за ограниченности во времени реализации и ряда других причин, так и не разрешила российский аграрный вопрос. И, напротив, расширила внутридеревенские противоречия. В.П. Данилов, исследуя эту проблематику, отмечал, что административно-принудительные меры исполнения столыпинской аграрной реформы увеличивали революционный импульс, а ее массовый социальный продукт стал той силой, которая сыграла важную роль в событиях 1917–1918 гг. “Ставка на сильных” не просто ослабляла слабых, а гнала их из деревни в город, который не мог принять десятки и сотни тысяч обездоленных и отчаявшихся людей”»¹.

Идея вины правительства за «маргинальную революцию» присутствует и в работах М.Д. Карпачева, который говорит об «отсутствии сколько-нибудь продуманной социальной политики в действиях правительства» как о «самом крупном недостатке» столыпинских преобразований. Результатом стала маргинализация значительной части крестьянства и возрастание числа людей, жаждавших социального реванша. Лишения Великой войны создали благоприятную ситуацию для социальной мести и превращения мировой войны в войну гражданскую².

¹ Николашин В.П. Советские аграрные преобразования... С. 64.

² Карпачев М.Д. Столыпинская реформа в Воронежской губернии... С. 174-175. Сходные размышления см.: Карпачев М.Д. Воронежская деревня накануне революции...

В работах М.Д. Карпачева пересматривается и отношение к советскому концепту классовой борьбы в деревне, как противостоянию богатых и бедных. С точки зрения исследователя, речь шла о расколе крестьян-общинников и столыпинских крестьян (т.н. «крестьян-новаторов»). Между прочим, М.Д. Карпачев обращает внимание на то, что кулачество было укоренено в общине, считалось нормальным. Кулаки, наряду с прочими общинниками, приняли активное участие в революционных переделах земли и борьбе против «новаторов». То, что раскол этот носил значительный масштаб, говорят, по мнению исследователя, данные статистики: «Даже в относительно менее развитой Воронежской губернии из почти 400 тыс. крестьянских дворов более 135 тыс. изъявили желание перейти к подворному землевладению»¹.

* * *

Несмотря на кажущуюся монументальность доказательств того, что деревня была пороховой бочкой, оказывая при этом еще и влияние на настроения в городах, ряд наблюдений, а то и концептуальных заключений ставят под сомнение неизбежность будущего взрыва. Тот же В.П. Николашин отмечает, что 90 % земли региона к 1917 г. находились у крестьян в собственности или пользовании². В исследованиях отмечается неуклонное и значительное снижение помещичьего землевладения во второй половине XIX – начале XX века, усилившееся после первой российской революции³. В этих условиях борьба с помещичьим землевладением становилась не столь уж очевидной задачей крестьянской революции. А.В. Лесных обращает внимание на воздействие экономического и природного районирования на характер и количественные показатели крестьянского движения, выделяя, например, для Воронежской губернии Северо-западный и Центрально-правобережный районы как территории с наибольшей перенаселенностью и повышенной бедностью⁴.

¹ Карпачев М.Д. Крестьянский консерватизм и аграрные реформы начала XX века // Северо-Запад в аграрной истории России. – 2017. – № 23. – С. 150.

² Николашин В.П. Советские аграрные преобразования... С. 65.

³ Курцев А.Н. Городские миграции сельских помещиков Центрального Черноземья за 1861–1917 гг.: от раздворянивания земель до размещивания дворян // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2016. – № 3 (39). – С. 8–31.

⁴ Лесных А.В. Отношение крестьян Воронежской губернии к советской власти (1917 – 1921 гг.). Автореф. дис. канд. ист. наук. – Тамбов, 2009. – С. 15.

Идея увязки интенсивности крестьянского движения с субрегионами не нова. Она присутствует в работах местных историков и экономистов 1920-х – 1930-х гг. Обратной стороной выделения районирования является осознание того, что в других районах крестьяне жили лучше и выступали гораздо реже.

Впрочем, эти наблюдения сопровождаются пояснениями авторов, которые возвращают нас к пониманию картины причин революции, изложенным выше. Гораздо более оригинально выглядят результаты исследований М.Д. Карпачева.

М.Д. Карпачев аргументированно сомневается в чрезмерности налогообложения на крестьянство. В 1897 г. поземельный налог в 1 рубль на двор при доходности его в 500 – 600 рублей вряд ли можно было считать обременительным. Губернский, земский, мирские и страховые сборы составляли еще до 20 рублей в год. До 1907 г. к ним прибавлялись выкупные платежи, составлявшие до 70 % всего налогообложения с крестьян. Иначе говоря, совокупные налоги составляли около 70 рублей на двор. Рост недоимок, таким образом, был связан не с крайней бедностью крестьян, а с совокупностью факторов, исходящих из моральной экономики и культуры администрирования: крестьяне не платили выкупные платежи, потому что считали их несправедливыми; администрация собирала налоги из рук вон плохо; недоимки регулярно прощались. «На всех уровнях государственного управления бытовало довольно спокойное признание того, что ничего поделать тут нельзя, да, видимо, и незачем, ведь основные доходы государственный бюджет стал получать не от прямых, а от косвенных налогов. Казна свое добирала за счет роста покупательной способности населения», – пишет М.Д. Карпачев¹.

До столыпинской реформы крестьянское хозяйство было мало доходным в денежном отношении, однако оно никогда не ориентировалось на высокую доходность по причине крепкой привязанности общины к нормам моральной экономики: «Крестьянское земледелие носило натурально-потребительский характер: основная цель его заключалась в обеспечении семьи необходимым продовольственным минимумом. Поэтому-то крестьяне стремились к сохранению цены на хлеб на возможно более низком уровне. Для абсолютного большинства из них хлеб не являлся источником получения прибыли, он был жизненно необходим, так сказать, в натуральном виде. Невзирая на затраты, крестьянин общинник стремился обеспечить семью всем необходимым и

¹ Карпачев М.Д. О налогах и налоговой дисциплине... С. 52.

крайне редко выходил на рынок в качестве как продавца, так и покупателя»¹. Парадоксально, но малоземельные крестьянские хозяйства больше ориентировались на рынок, нежели многоземельные, где хлебороб мог всем сам себя обеспечить. Жизненные же потребности крестьян определяются М.Д. Карпачевым, как очень низкие. Например, в 1880-е гг., в Осторогожском уезде Воронежской губернии при доходе свыше 80 р. на душу, расходы на жизненные потребности составляли всего 30 рублей: «По признанию самих крестьян, с земли они жили, деньги же на налоги получали с промыслов»².

В 1907 г. выкупные платежи были отменены, что не только радикально улучшило финансовое положение крестьян. Это, а также выход из общины, открыло возможность столыпинским крестьянам увеличивать эффективность хозяйства и его доходность. Импульс получило и развитие кооперации. Результатом стало снижение с 1910 г. социальной напряженности в деревне и озвученное выше сосредоточение к 1914 г. в руках крестьянства 90 % материальных ресурсов сельского хозяйства губернии. Одновременно, «данные по Воронежской губернии убеждают, что перед мировой войной положение с налоговыми платежами начало стабилизироваться»³. Сам М.Д. Карпачев заключает: «нарастание революционного кризиса в Российской империи объяснялось не финансовыми тяготами и не денежным обеднением крестьянства»⁴.

В другой серии работ М.Д. Карпачев обращает внимание на продовольственную ситуацию, пытаясь на примере Воронежской губернии опровергнуть выводы советской историографии, которая старалась доказать классовый эгоизм правительства, стремившегося в своей политике лишь к обеспечению выгод для эксплуататорских классов и ведшего страну к неминуемому голоду от которого могла спасти только социальная революция⁵.

¹ Там же. 54.

² Там же.

³ Там же. С. 53.

⁴ Там же. С. 54.

⁵ Карпачев М.Д. Архивные документы о продовольственном положении Воронежской губернии в годы первой мировой войны // Воронежский вестник архивиста: научно-информационный ежегодник. – Воронеж: Фортунa, 2018. – Вып. 16. – С. 34. Статья представляет собой расширенный вариант статьи, опубликованной здесь же в 2009 г.: Он же. Архивные свидетельства о настроении населения Воронежской губернии в годы Первой мировой войны // Воронежский вестник архивиста: научно-информационный ежегодник. –

По мнению Михаила Дмитриевича, крестьянство Воронежской губернии в годы Первой мировой войны не беднело, а, напротив, богатело, наживаясь на поднимающихся ценах на хлеб! Городское же население все больше ощущало нехватку и, особенно, дороговизну продуктов питания. Попытки администрации и местного самоуправления решить эти проблемы не приносили успеха. Установление твердых цен приводило к расстройству рыночных механизмов, спекуляции и саботажу торговцами постановлений думы и администрации. В начале января 1916 г. некоторые торговцы брали до 500 % прибыли, цены на продукты в городе с августа 1914 г. выросли в 1,5 – 2 раза¹. Участники совещания по продвопросу начала 1916 г. отмечали неумелость, непоследовательность регулирования цен. Сдерживание цен на сельхозтовары сопровождалось безудержным ростом стоимости товаров промышленных. Попытки решить усугубляющиеся проблемы дружными усилиями («тесным единением правительственной власти, общественных учреждений и самого общества, в виде кооперативов и обывательских комитетов») упирались в серьезные противоречия между теми, от кого это зависело. На экономический кризис накладывался административный. Губернатор в 1915 г. запретил воронежской городской думе создавать продовольственный комитет. Участники январского совещания 1916 г. не смогли добиться единения даже в своих рядах, например, по вопросу о целесообразности такс и необходимости административного вмешательства. Одни настаивали на этих мерах, вплоть до изъятия излишков, другие предлагали убеждать, и в итоге совещание не выработало никаких решений².

В итоге, по мысли М.Д. Карпачева, уже в конце 1915 г. существовал высокий риск возникновения социальных протестов горожан. Очевидно было, что часть населения, связанная с деревней, буквально наживалась, в то время

Воронеж, 2009. – Вып. 7. – С. 117-130. Кроме того, вариации статьи были неоднократно опубликованы: Он же. Социально-экономическое положение в Воронежской губернии накануне революции 1917 года // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. – 2021. – № 1. – С. 24-31; Он же. Кризис продовольственного снабжения в годы первой мировой войны (по материалам Воронежской губернии) // Российская история. – 2011. – № 3. – С. 66-81; Он же. Власть, крестьянство и город в Воронежской губернии накануне падения монархии // Известия Саратовского университета. – 2008. – Т. 8. – Сер. История. Международные отношения. – Вып. 1. – С. 27-33 и др.

¹ Карпачев М.Д. Архивные документы... С. 44.

² Там же. С. 47-48.

как другая часть (интеллигенция и чиновничество), находилась в трудной ситуации, т.к. не имела дополнительных заработков. Виновниками возникших затруднений городские жители считали не только спекулянтов и купцов, но и начальство «не способное или не желающее принять жестких мер против торговых спекуляций»¹. Современники полагали, что торговцы, заседавшие в городских управах, специально завышали цены, стремясь к максимальной прибыли. «Высшая же в крае власть, утверждая таксу, является, как бы, лицом, помогающим вздорожанию жизни»².

«Своеволие торговцев и фактическое бессилие власти порождали убеждение, что победить затруднения могут только общественные силы, высшим представителем которых была Государственная дума. Такие настроения, по оценке ГЖУ, все чаще стали распространяться с весны 1916 г. Именно с этого времени наблюдались самые высокие темпы роста цен. Никакие административные окрики не помогали. Администрация так и не сумела найти эффективных способов борьбы с дороговизной и с нараставшим дефицитом предметов первой необходимости. С течением времени выяснилось, что в ответ на жесткий контроль над ценами производители и торговцы начинали уводить товары с рынка. Эта опасная тенденция заставляла власти с опаской относиться к дальнейшему ужесточению ценовой политики. Выявились две тенденции: руководители силовых ведомств настаивали на усилении контроля и санкций против нарушителей такс, организаторы же заготовок и представители гражданской администрации предпочитали искать иные, главным образом, экономические или просветительные меры»³.

В дальнейшем, по мнению М.Д. Карпачева, местное самоуправление просто саботировало, или выполняло без всякого рвения требования администрации, поскольку полагало, что справиться с ситуацией могло только правительство народного доверия. Любой успех коронной администрации был либерально-демократической оппозиции невыгоден. Как следствие, «хроническая для России проблема разобщенности власти и общества во время войны только усилилась, а это ничего хорошего государству не предвещало»⁴.

Общий вывод этой серии работ таков: «Парадигма кризиса была с высокой эффективностью использована радикально-либеральной оппозицией

¹ Там же. С. 49.

² Там же. С. 50.

³ Там же. С. 50.

⁴ Там же. С. 53.

для дискредитации монархического строя, причем не только в центре, но и на местах. К началу 1917 г. несогласованность в деятельности различных управленческих структур обнаруживалась все более зримо. Твердые цены, карточки и разверстка разрушительно действовали на систему рыночного обеспечения, но при слабости администрации эффективно заменить ее не сумели»¹.

Характерно, что в разрастании кризиса на первый план, по мнению М.Д. Карпачева, выходили не экономические, а социально-психологические факторы: «Производственный потенциал сельского хозяйства губернии в целом успешно справлялся с перегрузками. Это обстоятельство лишний раз убеждает в своевременности и целесообразности реформаторских усилий П.А. Столыпина и его сторонников. Тем не менее, именно *угроза голода* (выделено мной. – М.Р.) сыграла громадную роль в возникновении революционных кризисов в России на исходе первой мировой войны»².

Выводы исследователя уязвимы для критики.

Во-первых, утверждая, что налоги на крестьян до 1907 г. были не очень обременительными, М.Д. Карпачев говорит о невиданном росте сельского хозяйства после отмены выкупных платежей. Параллельно он отмечает нарастание серьезного экономического кризиса, связанного с разными темпами модернизации. Автор неоднократно подчеркивает, что темпы развития аграрного сектора существенно отставали от промышленного развития страны в целом. «Оскудение деревни неизбежно сокращало внутренний рынок для бурно развивавшейся промышленности; системный кризис становился вопросом времени»³, а отсутствие в Воронежской губернии развитой промышленности не давало возможности осуществить «выброс» населения из деревни в города⁴.

Во-вторых, всеильная община, препятствовавшая разложению натурального хозяйства и веками отстаивавшая низкие цены на хлеб, после

¹ Там же. С. 59.

² Карпачев М.Д. Продовольственный кризис в Воронежской губернии в 1917 г.: социальные истоки и политические последствия // Власть и общество в прошлом и настоящем: материалы шестнадцатой региональной научной конференции (Воронеж, 3 февраля 2022 г.). – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2022. – С. 38.

³ Карпачев М.Д. Русская крестьянская община и государство... С. 288-289.

⁴ Он же. Столыпинская реформа... С. 167.

начала мировой войны вдруг быстро отказывается от «незыблемых» идеалов и переходит к накручиванию стоимости хлеба и другого продовольствия.

Во-третьих, несмотря на основной тезис об улучшении социальной ситуации в деревне в межреволюционный период, в отдельных высказываниях и выводах исследователь говорит о сохранении неэффективного администрирования, натурально-потребительского характера хозяйства, огромной роли общины и бедности крестьян, а также о маргинализации значительной части сельского населения¹. Формулируемый исследователем общий вывод также говорит о том, что правительству, в силу многообразных причин, не удалось преодолеть все означенные деревенские проблемы: «Слабая исполнительность крестьянства по финансовым повинностям была не только следствием недостатков налоговой политики, но и отражением продолжавшегося господства натурально-потребительского хозяйства в экономике русской деревни. Невысокая денежная доходность, общинный характер социальных отношений и, как следствие, неразвитость гражданского сознания порождали условия для подрыва финансовой исполнительности в среде сельского населения. При невысокой эффективности деятельности администрации создавались условия для разрастания системного кризиса государственного строя. *Такой кризис стал одним из объективных факторов русской революции* (выделено мной. – М.Р.)»².

В-четвертых, в серии статей по продовольственному вопросу М.Д. Карпачев регулярно отмечает, что ситуация была не столь драматична, как пытались ее обрисовать советские и некоторые современные исследователи. Так, по наблюдениям исследователя, опирающегося на обследования современников, в 1915 г. рост зарплат горожан Воронежской губернии в целом соответствовал темпам инфляции³. Однако из его же исследований видно, что ситуация неуклонно ухудшалась, что не могло не нагнетать протестную волну.

В-пятых, как уже говорилось, М.Д. Карпачев указывает на рост благосостояния сельских жителей в ходе Первой мировой войны. Несомненно, что это тезис важный и в существенной мере необычный для современной историографии Центрального Черноземья. Деревня заметно богатела не только

¹ Он же. О налогах и налоговой дисциплине... С. 54.

² Там же. С. 55.

³ Он же. Архивные документы... С. 43-44.

из-за роста цен на хлеб, но и по причине огромных государственных пособий семьям мобилизованных, которые выдавались по закону 1912 г. не только на прямых членов семьи, но и на отца, мать, деда, бабуку, братьев и сестер, «если эти лица содержались трудом призванного». «Кроме того, около миллиона рублей сэкономили крестьяне из-за введения... запрета на продажу крепких напитков»¹. При этом автор, судя по всему, поддерживает тех, кто считает государственные социальные меры чрезмерными, а настроения крестьян – эгоистическими и, зачастую, иждивенческими. Интересно, что думали об этом жены и дети мобилизованных на фронт мужчин (напомним, что в армию только в Воронежской губернии было призвано 380 тыс. человек или 47 % трудоспособного мужского населения)?

Наконец, в-шестых, регулярно отмечая неэффективность проводившихся мер государственного регулирования, дошедших до введения твердых цен и продразверстки, М.Д. Карпачев считает, что помочь ситуации могло только... еще более жесткое государственное регулирование?! «Не избыток самовластия [за которое земцы критиковали самодержавие], а дряблая и нерешительная политика помешала взять под эффективный контроль эгоистическую деятельность корыстолюбивых предпринимателей и торговцев... В решающий момент войны самую пагубную роль в судьбе государства сыграла давняя разобщенность интересов, а у верховной власти не хватило решимости ввести совершенно необходимый в тех условиях особый режим производства, экономии и распределения всех материальных, в том числе и продовольственных, ресурсов»².

В действительности, как представляется, Михаил Дмитриевич пытается преодолеть эти нестыковки. Он не отрицает наличие кризисных моментов, но полагает, что власть и самоуправление пытались решить возникавшие проблемы, причем во многих случаях динамика была положительной, а моральные и материальные потери граждан приемлемыми для общества военного времени. Аналогично исследованиям Б.Н. Миронова, М.Д. Карпачев переводит социально-экономическую ситуацию в губернии в разряд предпосылок для революции, считая реальной причиной разразившегося февральского кризиса 1917 г. борьбу коронной администрации и местного самоуправления, не заинтересованного в успехах «ущербной» царской власти.

¹ Там же. С. 47.

² Там же. С. 60-61.

Исследования позволяют также поставить ряд важных вопросов, касающихся крестьянства. Какие слои сельского населения богатели на поставках в города? Были ли это столыпинские крестьяне? Кулаки? Крестьянство ближайших к городу сел, связанных с товарным производством? Возможно, речь шла не только и не столько о крестьянах, сколько о торговцах и спекулянтах? Развенчивая советские представления об отсутствии в деревне классовой борьбы кулаков и бедняков, утверждая то, что «никакой особой политики поощрения эксплуататорских классов (дворянства и буржуазии) ни центральная, ни местная администрация не проводили»¹, М.Д. Карпачев и другие исследователи, как ни странно, действуют в рамках советской парадигмы понятий, где «дворяне» – это царская администрация и крупные землевладельцы, «буржуазия» – это промышленники. Кем же были тогда получавшие прерогативы от центральных и местных властей торговцы? Кем были состоятельные крестьяне, существовавшие вне общины, т.е. не «кулаки» в том смысле, который сейчас в это понятие вкладывается (кулак как неперменный член общины, действующий, исходя из традиционных представлений, в отличие от «рыночного» «столыпинца»)? Не было ли сращение местной администрации и самоуправления с бизнесом в лице торгово-купеческого капитала вариантом, подтверждающим советские представления о буржуазной, элитарной и коррумпированной власти?

Представляется, что выводы М.Д. Карпачева испытали на себе влияние современников событий, иначе говоря, исследователь пошел вслед за логикой источника. Таковыми источниками выступили размышления участников социально-политического процесса того времени из, в общем-то, элитарных слоев и администрации: депутатов, земских активистов, торговцев, жандармских и полицейских руководителей. Рассуждения М.Д. Карпачева поразительным образом напоминают выводы и наблюдения 1920-х гг. Н. Скрынникова (см. главу о советской историографии Черноземья), который был, вероятнее всего, земским деятелем либеральных или умеренно-социалистических взглядов. Более того, исследования М.Д. Карпачева фактически воспроизводят логику лидера кадетов П.Н. Милюкова, которого сам же исследователь и цитирует: «Неограниченный внешний кредит и печатный станок, выпускавший каждый день бумажек на десятки миллионов, из которых складывались миллиарды, совершенно устранили всякое понятие о

¹ Там же. С. 61.

необходимости быть бережливым. Один за другим, широкие общественные слои переходили на содержание государства. Деревня не платила налогов и получала пайки. Рабочие не работали и получали быстро возраставшие оклады заработной платы. Фабрикантам эта плата возмещалась в столь же быстро возраставшей цене казенных заказов. Громадная армия тыла, содержавшаяся за казенный счет, приучала народ к праздности и к извлечению чрезвычайных доходов от народных бедствий, расстройств торговли и транспорта»¹. Подобного рода размышления вызывают душевный протест. Людей на этой войне убивали сотнями тысяч. Другие миллионы жили под страхом смерти. Получившие возможность заработать за государственный счет или за счет рыночных механизмов люди, ведущие, в общем-то, нищенское существование, упрекались в лени, эгоизме и иждивенческой психологии!

В любом случае, работы М.Д. Карпачева доказывают нам, что побеждая одни мифы, мы склонны формировать мифы другие – в данном случае о прогрессивном богате, но «честном» крестьянине-столыпинце, земцах-заговорщиках, «жиреющих» на государственных дрожжах крестьянках и их детях, и проч. Думается, что М.Д. Карпачев, как добросовестный исследователь, не преследовал такой задачи, поэтому обозначенные неувязки следует рассматривать как предложение к дальнейшему разговору на заданную тему.

* * *

Прочие причины февральской революции в регионе исследуются незначительно. Определенный интерес могут вызвать выводы Д.В. Колчинского о десакрализации монархии. В данном случае исследователь согласен с выводами Б.И. Колоницкого и В.П. Булдакова о том, что революцию в России питала «патриархальная (монархическая) ментальность». Слабый царь Николай II не внушал уважения, был «не настоящим». Согласно наблюдениям исследователя уже к лету 1917 г. каких-либо высказываний по поводу царя (ни положительных, ни отрицательных) не фиксируется, что, по его мнению,

¹ Там же.

доказывает полную потерю авторитета прежней власти и Николая II как ее олицетворения¹.

Одновременно, выводы М.Д. Карпачева об управленческом кризисе, как о важнейшем факторе нарастания проблем в Воронежской губернии подтверждает Н.А. Заяц. Нерешительные действия губернатора, минимальные полномочия земского и городского самоуправления для решения негативных последствий мировой войны, проблемы с финансами и кадровый голод усугубляли и сопровождали местную жизнь в 1914 – 1916 гг. По мысли Н.А. Зайца, «решение государственных проблем требовало изменения всего внутривластного курса и радикального изменения управления тылом, на что самодержавие оказалось не способно. Это заранее лишало старания губернских органов власти на успех. Их местные возможности также были весьма ограниченны, а взаимодействие далеко не всегда успешным. Все это привело к явной деморализации местных органов власти к началу 1917 г., углублению управленческого кризиса и недовольству населения, его неприязни к местным органам»².

Интересным, но, как представляется, недооцененным и недостаточно от-refлексированным с точки зрения причин революционных потрясений является изучение фактора беженцев. При этом последние не могли не создавать дополнительного напряжения в регионе (болезни, необходимость соцпомощи)³. Впрочем, являясь маргинальной прослойкой, ситуация с беженцами вполне укладывается в концепт «маргинальной революции».

5.2. Причины Октября

В постсоветский период, когда Великая Октябрьская социалистическая революция превратилась в государственный переворот, как ни парадоксально, появилось первое и единственное пока исследование, в котором существует параграф об условиях и предпосылках Октябрьской революции. При этом автор

¹ Колчинский Д.В. Политическая культура провинциального российского общества в 1917 году: по материалам Тамбовской губернии. Дис. канд. ист. наук. – Тамбов, 2015. – С. 126-128.

² Заяц Н.А. Кризис государственного управления и организация новых властных структур Воронежской губернии в 1914-1918 гг. Дис. канд. ист. наук. – Воронеж, 2017. – С. 361-362.

³ Опыт и традиции поддержки беженцев местным самоуправлением Тамбовщины в XIX – начале XXI в. / П.П. Щербинин [и др.]. – Тамбов: Принт-Сервис, 2016. – С. 37.

исследования – Е.А. Зверков – отводит ключевую роль в событиях внешнему фактору, рассматривая Октябрьский переворот в Воронеже в качестве реакции на события в Петрограде, что позволило ему (перевороту) войти в логику общероссийского процесса, а не быть «одиноким мятежом в провинции». «Таким образом, переворот в Воронеже стал возможен именно благодаря подобному событию в Петрограде»¹, – заключает исследователь.

Далее Е.А. Зверков сосредотачивается на условиях, которые помогли данному перевороту состояться. В качестве таковых в Воронеже он видит:

1. Рост социальной поддержки большевиков, нашедшей отражение в постепенной большевизации Совета. Антивоенная агитация оказалась популярна среди солдат, а рабочие поверили в большевистские обещания решить проблемы с нарастающей инфляцией и нежеланием предпринимателей поднимать зарплаты. Это позволило большевикам опереться на солдат и отряды Красной гвардии, что дало возможность оттеснить эсеров от власти с помощью вооруженной силы. В деревнях популярность большевиков основывалась на поддержке стремления крестьян конфисковать земельную собственность (обладавшие схожей аграрной программой эсеры предлагали «обождать»)²;

2. Управленческий кризис, поскольку местная власть оказалась дезорганизованной, компетенции ее были расплывены по разным организациям³. Попытки решить проблемы путем совмещения должностей губернского комиссара и председателя губисполкома ничего не дали;

3. Слабость «сил порядка». Эсеровская партия оказалась расколотой, офицеры – малочисленны. Военные и гражданские власти оказались неспособны заставить солдат выполнять свои указания (например, разоружать наиболее проблемные военные части). Все это, в свою очередь, деморализовало население, ставшее «жертвой вырывающихся в периоды смуты первобытных инстинктов, которые отныне не сдерживались нормами права и морали»⁴;

4. Организационные и тактические успехи большевиков при многочисленных просчетах их противников. Большевикам удалось сохранить свою партийную организацию весной 1917 г.⁵. Они сумели в итоге оседлать

¹ Зверков Е.А. Общественное движение... С. 208-209.

² Там же. С. 217.

³ Там же. С. 212.

⁴ Там же. С. 214.

⁵ Там же. С. 217.

волну народного недовольства, избрав атакующую модель поведения. В свою очередь эсеры и народные социалисты не воспользовались шансом ликвидировать большевистскую организацию летом, а решить оперативно проблемы, вызывавшие народное недовольство, они не могли, в т.ч. запутавшись в доктринальных установках¹.

Очевидным слабым местом диссертации Е.А. Зверкова является сосредоточение на событиях в губернском Воронеже. Ситуация в уездах и среди крестьянства разобраны хуже, однако в общем выводы исследователя понятны. Более того, эти выводы в значительной степени созвучны рассуждениям других исследователей.

В.Ю. Рылов считает, что отказ от поддержки правоконсервативных сил, люстрация и репрессии, развернувшийся после февраля 1917 г. против «сил порядка», игнорирование элементарной законности не могли не обрушить ситуацию в конце 1917 – 1918 гг., поскольку власти столкнулись с «невежеством и дикостью большинства населения», не говоря уже о бессилии перед внешним врагом и крайнем экстремизме, а также популизме большевиков².

По мнению Д.В. Колчинского, в деревне действовал фактор бессилия властей, провоцирующий крестьян на нарастание настроений, ведущих к черному переделу³. Одновременно, он считает большевистские обещания мира, находившие отклик в «животном инстинкте самосохранения», ключевой причиной поддержки их солдатами. В частности, это позволило им переломить к началу 1918 г. ситуацию в Тамбове⁴. Происходило это на фоне очевидного падения авторитета командного состава в армии и нарастающего «безделья» солдат, которые были предоставлены сами себе⁵.

Управленческий кризис хорошо виден в работах авторов, изучающих деятельность органов революционной власти. Н.А. Заяц полагает, что созданная после Февраля управленческая система воспроизводила дореволюционную (губернатор/самоуправление = комиссар/исполкомы), но была еще менее эффективной, поскольку формировалась беспорядочно,

¹ Там же. С. 218-220.

² Рылов В.Ю. Чистка государственного аппарата и репрессии против монархистов в 1917 году // Вестник ВГУ. Сер. История. Политология. Социология. – 2018. - № 1. – С. 124.

³ Колчинский Д.В. Политическая культура... С. 94.

⁴ Там же. С.110.

⁵ Там же. С. 109.

импровизированно. Исполкомы действовали автономно, почти не подчинялись губернскому комиссару. При этом действия самого губкомиссара не выходили за рамки надзорной активности и «перенаправления запросов при минимальном личном вмешательстве... фактически он вмешивался в обстановку достаточно редко, и эти вмешательства были обычно запоздалыми и неэффективными. Тем самым старая система управления была не только недостаточно адекватно изменена, но и ухудшена – в руках губкомиссара был лишь надзор и перенаправление указаний, в то время как реальная исполнительная власть и права по факту перешли исполкомам»¹.

Однако и эта система, по мнению Н.А. Зайца, быстро пришла к кризису, поскольку население было недовольно ухудшавшейся ситуацией, а правительственная политика была направлена на смену исполкомов демократически выбранными земствами и думами. Характерно также, что круг лиц, заседавших в земствах и думах, значительно изменился в пользу присутствия там социалистов, что тоже накаляло обстановку².

«Ликвидация системы исполкомов в условиях масштабного кризиса страны, ее социального раскола и нерешенности основных вопросов правительством привела к децентрализации власти, ослаблению влияния губернского комиссара и губернского исполкома, усилению узкоклассовых организаций – Совета и исполкомов деревни, превратившихся в преследующие свои цели органы, к разложению армии и бессилию парализованной внутрипартийной борьбой думы – формального хозяина Воронежа. Неоднократные попытки умеренной общественности найти способ для единения демократических сил в деле охраны порядка не удались, даже несмотря на то, что руководство во многих общественных и властных органах к тому времени принадлежало эсерам», – считает Н.А. Заяц³.

Р.М. Житин полагает, что администрация оказалась не в состоянии ответить на стремление крупных землевладельцев сотрудничать в первой половине 1917 г., поскольку была в реальности дезорганизована и не имела должного финансирования⁴. Д.В. Колчинский отмечает, что проблемой было и

¹ Заяц Н.А. Кризис государственного управления... С. 363.

² Там же. С. 364.

³ Там же. С. 365.

⁴ Житин Р.М. Погибшие в огне революции: национализация имений крупных предпринимателей в 1917 – 1918 гг. // Гуманитарные исследования Центральной России. – 2017. – № 3 (4). – С. 58.

то, что община воспринимала земства как конкурента и не желала пускать их в свои внутренние дела¹.

По мнению Д.Н. Погорелого, имел место множественный и разрастающийся конфликт между различными органами революционного самоуправления, а также между Временным правительством и местной администрацией. «...именно в несогласованных действиях местных и центральных властей, на наш взгляд, проявились основные противоречия аграрной истории 1917 года», – пишет он².

С этим согласен М.Д. Карпачев, говорящий о провале надежд либеральной демократии на всеобщее единение общественных сил: «не сплоченное, а расколотое на враждующие классы представляло собой русское общество после отречения монарха». При этом никакие «низовые звенья новых органов власти, включая продовольственные комитеты фактически не подчинялись вышестоящим»³.

Отмечается также падение престижа верховной власти как таковой, стремление населения «разметать всякое начальство и всякую власть», тем более, что деятели администрации февральской генерации «страдали интеллигентской раздвоенностью, душевной слабостью, интеллектуальной рефлексией»⁴.

Страх перед «анархией» парализовала и волю традиционных сил порядка – средних городских слоев, в то время, как крестьяне, наоборот, действовали более решительно, надеясь на получение ими земли, если не самозахватом, то с помощью Учредительного собрания⁵.

* * *

Определенное внимание при изучении причинности октябрьских событий уделяется поведению крестьянства.

В.П. Николашин пишет об углублении кризиса в черноземной деревне к осени 1917 г., который заключался в нарастании крестьянского движения в

¹ Колчинский Д.В. Политическая культура... С. 149.

² Погорелый Д.Н. Земельные комитеты Тамбовской губернии. 1917 – 1918 гг. Дис. канд. ист. наук. – Тамбов, 2002. – С. 145.

³ Карпачев М.Д. Продовольственный кризис в Воронежской губернии в 1917 г.: социальные истоки и политические последствия... С. 45.

⁴ Колчинский Д.В. Политическая культура... С. 141.

⁵ Там же. С. 157.

пользу передела земельной собственности, причем как на уровне политическом (решения крестьянских съездов), так и социальном (погромы, самозахваты)¹.

Определенную роль играла и позиция местных властей, выступавших в защиту крестьянского движения и пытавшихся на региональном уровне решить накопившиеся земельные проблемы, не дожидаясь Учредительного собрания. Д.В. Колчинский полагает, что такие действия («распоряжение № 3») только радикализовали крестьян, и общины восприняли его как сигнал к черному переделу².

Вместе с тем, Д.В. Колчинский подчеркивает второстепенность политической мотивации действий крестьян, стремление их к получению, прежде всего, «экономических и правовых привилегий»³. Аналогично и солдаты большевизировались лишь условно, поскольку это им было выгодно. «Более того, большевики стали заложниками солдатского плебса, приспособлявая свою политику к его требованиям и спонтанным действиям»⁴.

В итоге, радикализация настроений и требований масс, их давление на Советы выступает у Д.В. Колчинского важным самостоятельным и, во-многом, внеполитическим фактором нарастания революции, вылившимся в Октябрь и его поддержку. Радикализации способствовало разложение армии, заполнявшей деревню своими агитаторами из числа дезертиров и отпускников⁵. Автор говорит даже о некоем «вирусе анархизма», которыми солдаты заражали деревню⁶.

Интересно, что революция в деревне рассматривается как догоняющая по отношению к городской. Крестьяне, конечно, не сделали Февраль, но в дальнейшем разбуженные народные силы стали слабоуправляемым потенциалом того, что принято называть Октябрьской революцией⁷.

Свою толику в рассуждения о причинах Октября внес концепт «маргинальной революции». «События 1917 – 1918 гг. в деревне представляли собой, по сути, “маргинальную революцию”. Это означает, что “слом” старой власти с возрождением “общинного начала” и изменение земельных отношений

¹ Николашин В.П. Советские аграрные преобразования... С. 83-84.

² Там же. С. 90-92.

³ Колчинский Д.В. Политическая культура... С. 102.

⁴ Там же. С.110.

⁵ Там же. С. 84, 87.

⁶ Там же. С. 108.

⁷ Там же. С. 96-97.

осуществлялась под руководством и при активном участии “маргиналов” в “военной форме” и (реже) в “рабочей тужурке”», – пишет Ю.В. Мещеряков¹. Маргиналами в деревне выступали возвращавшиеся после закрытия производств отходники, беженцы, эвакуированные, солдаты-инвалиды, солдаты-выздоровливающие, дезертиры, солдаты-отпускники, а потом – масса демобилизованных. Эти категории населения, по мнению Д.В. Колчинского, «внесли в общину беспокойный нрав, смогли убедить крестьян в необходимости не только захватов земли, но и поджогов, и разгромов крупных землевладельцев, особенно против разбогатевших (по мнению “мира”) во время войны хуторян, что общины вполне устраивало»². Указывается и на фактор озлобления солдат в результате участия в войне.

Продолжение в «октябрьской тематике» получили и другие направления, обозначившиеся в осмыслении причин Февраля.

Так, деградация почв приводила к тому, что даже существенные прибавки земли не всегда давали хороший результат, тем более, что они, в силу закрепления общинного землеустройства, были «отягощены усилением черезполосицы и дальнотемелья, что привело к неспособности крестьян освоить всю полученную ими землю»³.

Усугублялся продовольственный и хозяйственный кризис, влиявший в т.ч. и на деревню. Рост цен на промышленные товары вел к крестьянским требованиям о сохранении твердых цен и бунтам наиболее бедных крестьян уже летом – осенью 1917 г. Негативно было воспринято и повышение Временным правительством цен на хлеб на 100 % в августе 1917 г., поскольку лишало их возможности докупать хлеб к концу зимы – весной следующего года⁴.

М.Д. Карпачев полагает, что дофевральские проблемы, вызвавшие продовольственный кризис, к 1915 – 1916 гг. оказались не преодолены и новой, революционной властью, что спровоцировало массовое социальное движение. Показателен вывод, который делает исследователь: «Политическое последствие

¹ Мещеряков Ю.В. Тамбовская губерния в начальный период советской власти. Октябрь 1917 – август 1918 гг. – Тамбов: Тамбовская типография «Пролетарский светоч», 2012. – С. 359.

² Колчинский Д.В. Политическая культура... С. 108.

³ Иванов Д.П., Канищев В.В. Естественно-исторические предпосылки... С. 7.

⁴ Лесных А.В. Отношение крестьян Воронежской губернии к советской власти (1917 – 1921 гг.). Дис. канд. ист. наук. – Воронеж, 2009. – С. 55-56.

разыгравшейся продовольственной смуты вполне понятно и закономерно. Хаос социальной смуты могла остановить только диктаторская власть. Она и пришла в лице диктатуры пролетариата»¹.

В целом, все это означает, что Октябрь рассматривается как продолжение причин и проблем, вызвавших Февраль. Многие из этого арсенала используется и для рассуждений о причинах гражданской войны. Обратим внимание на то, что роль большевиков как лидеров масс изучается не столь пристально. Природа Октября рассматривается как результат развития административных, экономических, социальных проблем, вынесших большевиков на вершину власти своими мутными волнами.

5.3. Причины гражданской войны

Учитывая смену оценок, которые даются историографией гражданской войне, неудивительным выглядит рост интереса к изучению процесса сползания региона в кровавую бойню. При этом, как и в предыдущие периоды, исследователей мало интересуют внешние причины – вторжение казаков и Вооруженных сил Юга России, фактор интервенции, наличие украинского фронта. Практически все они сосредоточены на внутренних проблемах региона.

Авторы «растягивают» причины по всему периоду гражданской войны, т.е. от прихода к власти большевиков и до начала 1920-х гг. В связи с этим можно говорить о складывающихся представлениях о «догоняющих» друг друга причинах, активизировавшихся и в 1918, и в 1919, и в 1920-1921 гг.

Сменой политических оценок можно объяснить интерпретацию политической составляющей событий: идея «эсеро-меньшевистского заговора» оказалась накрепко забытой, а вот ответственность большевиков (вплоть до объявления их действий «оккупацией») представляется как само собой разумеющийся факт.

Впрочем, говорить о какой-то целостной, хорошо отрефлексированной картине причин гражданской войны на территории региона не приходится. Пожалуй, наилучшим образом здесь изучено знаменитое Тамбовское восстание. Однако оно происходило уже на излете войны.

* * *

¹ Карпачев М.Д. Продовольственный кризис в Воронежской губернии в 1917 г.: социальные истоки и политические последствия... С. 46.

В качестве причин гражданской войны упоминается сопротивление общины большевистской политике. Стремясь концептуализировать общую картину крестьянского движения, В.П. Николашин отмечает, что в 1918 – 1920 гг. наблюдалась эволюция крестьянских конфликтов от решения поземельных конфликтов и конкуренции внутри общины к борьбе крестьянства против репрессивного государства¹. А.В. Лесных также обращает внимание на разницу требований крестьянства в 1918 – 1919 гг., когда оно боролось с «отдельными неугодными лицами», и в 1920 – 1921 гг., когда движение имело уже сформулированные требования².

Многие исследователи согласны, что создание в деревнях комитетов бедноты существенно обострило ситуацию в деревне. «Массовость, длительность и выраженная антибольшевистская направленность многих из крестьянских восстаний в 1918-1919 гг. – это в значительной мере заслуга комбедов, которые через злоупотребление властью, данной сверху, через разрушение сельской кооперации и последовательное уничтожение всех ростков мелкотоварной собственности (мельницы, крупорушки, потребительские лавки, постоянные дворы и т.д.) способствовали объединению деревни на общинной основе», – пишет В.П. Николашин³, полагая возникновение комбедов актом, приведшим деревню о состояния хаотичных поземельных конфликтов к ситуации гражданской войны⁴.

По мнению А.В. Лесных, комбеды воспринимались крестьянами-общинниками как попытка новой власти внести раскол в их ряды, вызывая яростное сопротивление⁵. Этот подход явно диссонирует с советской концепцией классовой борьбы кулаков и бедняков, социального раскола в деревне, поскольку речь теперь идет не о расколе деревни, а о ее объединении на почве общинной революции. Тем более, «кулаки», в аутентичном данному периоду смысле, являлись легальной частью общины. Получается, что община защищала и своих кулаков.

¹ Николашин В.П. Поземельные конфликты... С. 117-118.

² Лесных А.В. Отношение крестьян Воронежской губернии к советской власти (1917 – 1921 гг.). Дис. канд. ист. наук. – Воронеж, 2009. – С. 152.

³ Николашин В.П. Поземельные конфликты... С. 122.

⁴ Там же. С. 123.

⁵ Лесных А.В. Отношение крестьян Воронежской губернии к советской власти (1917 – 1921 гг.). Автореф. дис. канд. ист. наук. – Тамбов, 2009. – С. 16.

Продразверстка и хлебная монополия (особенно методы их реализации) рассматриваются как ведущие факторы нагнетания обстановки в деревне уже к лету или даже весной 1918 г.¹

Продразверстка способствовала «сокращению посевных площадей и поголовья скота, ухудшению продовольственного положения...»². Подчеркивается широкое применение властью насилия³, несоответствие продразверстки не только представлениям крестьян о «правильной/неправильной» политике государства, но и об элементарном минимуме для выживания. Кризис с продовольствием осенью 1918 г. подстегнул продорганы действовать решительно и жестоко⁴. При этом жестокость продотрядов, гниющий хлеб, который не успевали перевозить, никак не вязались с представлениями о народной власти⁵.

Кулачество, которое было ответственно в силу круговой поруки за выполнение продразверстки всей деревней, страдало наибольшим образом. Именно оно бралось в заложники, расстреливалось в случае проблем с хлебозаготовками. В связи с этим дальнейшие попытки общины с участием совсем небогатых категорий крестьянства защитить своих членов выглядят неудивительными⁶.

Крестьяне были недовольны запретами на вывоз хлеба, в т.ч. на местные рынки; многочисленными повинностями (гужевая, заготовка дров и т.п.)⁷. Отсутствие экономических стимулов приводило к тому, что крестьяне сокращали производство хлеба до элементарных внутрисемейных

¹ Лесных А.В. Отношение крестьян Воронежской губернии к советской власти (1917 – 1921 гг.). Дис. канд. ист. наук. – Воронеж, 2009. С. 97; Безай О.В. Повстанческое движение в Тамбовской губернии в 1920 – 1921 гг. Дис. канд. ист. наук. – Тамбов, 2020. – С. 32-33, 37.

² Лесных А.В. Отношение крестьян Воронежской губернии к советской власти (1917 – 1921 гг.). Автореф. дис. канд. ист. наук. – Тамбов, 2009. – С. 20.

³ Безай О.В. Повстанческое движение... С. 38.

⁴ Там же. С. 40; Ямпольская Г.А. Продовольственная политика военно-хозяйственных органов Советской власти в Центральном Черноземье в 1918 г. (по материалам Воронежской губернии) // Научные ведомости. – 2009. – № 1. – С. 105-106.

⁵ Безай О.В. Повстанческое движение... С. 44.

⁶ Лесных А.В. Отношение крестьян Воронежской губернии к советской власти (1917 – 1921 гг.). Автореф. дис. канд. ист. наук. – Тамбов, 2009. – С. 20.

⁷ Безай О.В. Повстанческое движение... С. 48-49.

потребностей¹, что, понятно, еще более ухудшало ситуацию со сбором хлеба в пользу государства.

В дальнейшем, по мнению А.В. Лесных, «основным фактором, разжигающим крестьянское сопротивление власти и проявление крестьянского бандитизма, был сильнейший голод, охвативший всю Воронежскую губернию, который не стихал до конца 1922 г.»². С этим мнением согласен и О.В. Безай, полагающий, что голод побуждал крестьян действовать еще более отчаянно³.

В качестве дополнительных проявлений жестокостей советской власти выступают мобилизации и борьба с дезертирами, сопровождавшиеся массовым насилием в отношении местного населения. О.В. Безай характеризует действия многих заградительных и мобилизационных отрядов как преступное поведение. Этому же мнению придерживается и В.Ю. Рылов⁴. В любом случае, компании против дезертиров вписываются в общий концепт догоняющих причин нагнетания гражданской войны в регионе. Р.В. Борисенко, наряду с этими причинами, называет в качестве важнейшей – некомпетентность советских руководителей и отсутствие должной пропагандистской работы в деревне. Согласно его исследованиям, эти проблемы не были решены не только в 1918 г., но и в 1919 г., вызывая все большее нарастание крестьянского движения. Кстати, в своей работе автор высказывает мысль о влиянии на восстания 1919 г. левых эсеров⁵.

Для исследователей очевидно, что советская власть в 1918 г. не выполнила обещание решить проблемы деревни к удовольствию подавляющего

¹ Ямпольская Г.А. Продовольственная политика... С. 105.

² Лесных А.В. Отношение крестьян Воронежской губернии к советской власти (1917 – 1921 гг.). Автореф. дисс. канд. ист. наук. – Тамбов, 2009. – С. 21.

³ Безай О.В. Повстанческое движение... С. 32-33, 37.

⁴ Там же. С. 49; Рылов В.Ю. Крестьянская война 1920 – 1921 гг. в документах Штаба командующего вооруженными силами Тамбовской губернии. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2022. – 330 с. См. также: Лесных А.В. Отношение крестьян Воронежской губернии к советской власти (1917 – 1921 гг.). Автореф. дис. канд. ист. наук. – Тамбов, 2009. – С. 19. Выводы О.В. Безая также совпадают с выводами Д.А. Борисова по Воронежской губернии: Борисов Д.А. Колесниковщина. Антикommунистическое восстание воронежского крестьянства в 1920-1921 гг. – М: Посев, 2012. – С. 5-18.

⁵ Борисенко Р.В. Антисоветское восстание в Землянском уезде весной 1919 года // Вестник ВГУ. Сер. История. Политология. Социология. – 2015. – № 2. – С. 47-51; Он же. Крестьянские мятежи в Воронежской губернии летом 1919 года // Вестник ВГУ. Сер. История. Политология. Социология. – 2015. – № 4. – С. 53-58.

большинства населения. Ее методы, экономическая реальность, вызывали ответную негативную реакцию сельского населения, выступавшего сообща, общиной.

* * *

Вместе с тем, проблемы деревни не ограничиваются взаимоотношениями с государством.

В.П. Николашин обращает внимание на то, что крестьяне и после черного передела страдали от нехватки земли¹. Придавая для 1918 г. поземельным конфликтам важнейшее значение, исследователь отмечает три основные причины их распространения: «Во-первых, из-за механизма распределения земли, который в различных общинах, волостях и уездах имел местные особенности. Землю распределяли то “по едокам”, то “по работникам и едокам”, то по “трудовой норме” и т.д. ... Во-вторых, в ряде случаев спорными оставался ряд земель, подлежащих распределению либо по закону, либо по мнению местных крестьян... В-третьих, конфликты возникали при определении права граждан на получение надела. Многие из тех, кто на протяжении ряда лет даже не появлялся в родной деревне и успел отвыкнуть от труда на земле, вернулись и заявили свои права на обещанную земельную норму»². Важным источником конфликта было то, что земля распределялась не губернскими и уездными властями, а на уровне волостей или даже общин.

В результате для 1918 г. были характерны споры между общинами и волостями. Земельные споры масштабировались до уровня уездов и даже губерний (в пограничных между губерниями районах)³. Постановления вышестоящих инстанций выполнялись, только если они соответствовали ожиданиям общинников. Т.е. в реальности реакция советских органов не решала конфликт, переходивший в покосы и потравы «своих» земель⁴. «Чужаками» воспринимались беженцы и вернувшиеся после долгого отсутствия односельчане, пытавшиеся осесть на земле, создатели коллективных хозяйств, бывшие помещики. Община также выступала против хуторян,

¹ Николашин В.П. Поземельные конфликты... С. 118.

² Там же. С. 120.

³ Там же. С. 119.

⁴ Там же. С. 118-119.

отрубников, служителей культа и арендаторов. Не исчезали и внутриобщинные конфликты¹.

Поземельные конфликты дополнялись тем, что проблемы с хищническим землепользованием никуда не делись. Неурожаи, связанные с засухами и отсталой агротехнической культурой, накладываясь на возрастающие государственные требования по продразверстке, порождали угрозу голода и соответствующую реакцию крестьян. 1920 год как раз и стал таким неурожайным².

Свой вклад в изучение причин социальных потрясений, доходящих до вооруженной борьбы, вносят исторические демографы. Д.П. Иванов и В.В. Канищев отмечают: «Завершая разговор о росте населения в зоне крестьянского восстания 1920 – 1921 гг., мы присоединяемся к мнению В.Л. Дьячкова: чем быстрее росло и перенаселялось то или иное село в предреволюционные полвека, тем активнее и радикальнее были его жители в годы революции и гражданской войны»³.

Исследователи отмечают переполненность восставших деревень Тамбовщины «молодыми мужчинами лет 25 – 35», которых общий упадок экономики оставил без работы⁴, а изъятие хлеба – еще и без еды. Характерно, что в большинстве случаев участники восстания были отцами нескольких малолетних детей, без высоких доходов, т.е. бедняками. По данным В.Б. Безгина и О.В. Безая, «доля бедняков в волостных списках бандитов варьировалась от 66 % до 93 % от общего числа»⁵. Иначе говоря, кулацкими эти восстания можно было назвать только очень условно, да и то, если допустить, что кулаки заморочили голову беднякам, как это утверждала советская историография. Одновременно, в этом свете сохраняет актуальность и концепт

¹ Там же. С. 119.

² Иванов Д.П. Экологические предпосылки крестьянского восстания в Тамбовской губернии 1920 – 1921 гг. (микроисторический подход) // Экологические проблемы модернизации российского общества в XIX – первой половине XX вв.: материалы межрегион. конф., Тамбов, 5-6 окт. 2005 г. / [отв. ред.: В. В. Канищев]. – Тамбов : Изд-во ТГУ, 2005. – С. 104.

³ Иванов Д.П., Канищев В.В. Естественно-исторические предпосылки... С. 16.

⁴ Там же. С. 19, 22.

⁵ Безай О.В., Безгин В.Б. Социальный облик и участь крестьянских повстанцев 1920 – 1921 гг. По материалам фондов Государственного архива Тамбовской области // Вестник архивиста. – 2019. – № 3. – С. 685-686.

«маргинальной революции», поскольку кто такие безработные, безземельные крестьяне, как не маргиналы?

Целую концепцию влияния демографического роста на конфликтную активность деревни формулирует В.Л. Дьячков. «...Гражданская война была частью природного синергизма ритмического подавления перенаселенной популяции, соединяющего и инструментарий очевидных внешних и внутренних войн, репрессий, голодовок, смертных эпидемий и стерилизующих болезней, дисбаланса полов в плодovitых возрастах, миграций, распада традиционных брачно-семейных моделей, и скрытое от глаз эндогенное снижение естественной плодovitости у вполне здоровых людей», – пишет он¹. Таким образом, войны и революции (равно как и эпидемии) рассматриваются им как реакция природы на избыточное демографическое давление². Согласно его данным, район антоновщины не совпадает с районами, пострадавшими от неурожая 1920 г., повышенного изъятия сельхозпродуктов, мобилизаций, эсеровской активности. Среди активистов движения он не видит никакого «имущественно-классового ядра, ни общего личного страдания от власти, ни дезертирской общности, ни идейно-романтического, “освободительного” стержня»³. Объяснением же дикой агрессии, по его мнению, может служить ситуация безвыходного демографического мешка, сложившегося в «бандитских районах», вызвавшего фрустрацию и, как следствие, «сброс напряжения»⁴.

В качестве дополнительных факторов, помогавших восстанию набирать силу, отмечается: зависимость (хотя и не столь высокая) от лесостепных местностей; довольно слабая (исключительно грунтовая и не позволявшая оперативно перебрасывать войска) дорожная сеть; стремление контролировать железнодорожные линии обеими сторонами; удаленность «антоновских» сел от уездных центров (на 40 верст и более)⁵.

Вместе с тем, несмотря на утверждения об общинном характере революции или даже преимущественно естественно-исторических (природных,

¹ Дьячков В.Л. Белые, красные, зеленые... С. 120-121.

² Там же. С. 103.

³ Дьячков В.Л. Природно- и социально-демографические факторы роста крестьянской агрессии в первой трети XX в. (Тамбовский случай) // Экологическая история России в XVIII – начале XX в.: сборник научных статей / отв. ред. В.В. Канищев. – Тамбов: ООО «Центр-пресс», 2009. – С. 31.

⁴ Там же. С. 32-35.

⁵ Иванов Д.П., Канищев В.В. Естественно-исторические предпосылки... С. 8-14.

демографических) причинах начавшейся войны, исследователи не отказываются и от идеи роста социальной дифференциации в деревне. Так, А.В. Лесных указывает на наличие большего сопротивления в районах с более значительной социальной дифференциацией или в результате адресных мер против кулачества: «Хронологически большинство крестьянских выступлений против комбедов приурочены к двум моментам: в июле – августе 1918 г. – в момент организации комбедов и ноябре – декабре 1918 г., когда проводился в жизнь чрезвычайный налог и усиленный процесс “выкачивания” у зажиточных крестьян. Отметим, что “мирная” и “переходная” форма борьбы против комбедов получили распространение в уездах с меньшим расслоением крестьянства (в Северо-западном и Центрально-правобережном районах). “Наивысшей” формы восстания против комбедов достигли в Центрально-левобережном и Юго-западном районах»¹. Для последних было характерно значительное занятие населения торговлей, относительная развитость промышленности, большое количество социальных групп земледельческого и неземледельческого населения. Таким образом, идеи, предложенные для Черноземья в 1920-е – 1930-е гг. А.В. Шестаковым, о роли социально-экономического районирования восстаний продолжают быть актуальными.

Мысль о выделении района наибольшей повстанческой активности характерна и для исследователей Тамбовского восстания. При этом Д.П. Иванов и В.В. Канищев отмечают, что в будущих «антоновских» волостях и селах размер надела был выше, чем у крестьян даже тех же уездов. Здесь «полученные в результате революции природные ресурсы способствовали укреплению крестьянских хозяйств, работавших на рынок»².

* * *

Ситуация с причинами гражданской войны в городах, как представляется, изучена хуже. В любом случае, она концептуализирована незначительно.

Ю.В. Мещеряков на примере Тамбовской губернии рассуждает о пришлом характере советской власти и красногвардейских отрядов в городах, вносившем раскол в сложившиеся местные отношения, основанные, между прочим, на системе сдержек-противовесов между различными социально-

¹ Лесных А.В. Отношение крестьян Воронежской губернии к советской власти (1917 – 1921 гг.). Дис. канд. ист. наук. – Воронеж, 2009. – С. 94.

² Иванов Д.П., Канищев В.В. Естественно-исторические предпосылки... С. 7.

политическими силами. Тамбовские рабочие, скажем, болезненно реагировали на посягательство губисполкома «на сотрудничество “земско-городских” и “революционно-демократических” сил». Те же, «кто покусился на это сотрудничество и узурпировал власть, грубо вмешались в революционный процесс, и, следовательно, должны считаться людьми, принесшими с собой анархию, беззаконие и произвол»¹. Усиливавшиеся экономические трудности, которые стали связывать с неумелой политикой новых властей, только добавляли негатива в отношения и вызвали городские выступления весны – лета 1918 г.

Критика в адрес красного террора², нараставшего беззакония из-за действий маргинальных и криминальных личностей³, рассматриваются как несомненные факторы начала гражданской войны. Ю.В. Мещеряков, авторы коллективного курского исследования, сборника по красному террору в Белгороде подвергают советскую власть самой ожесточенной критике. Анализируя попытки курских коммунистов оправдаться за беззакония, творимые от лица советской власти в губернии, авторы монографии по истории Курска отмечают: «Поневоле создается впечатление, что виновны тут были не отдельные личности, а сама система, при которой эти личности получали такую свободу деятельности»⁴.

Параграф «Разгул анархии» в курском исследовании отсылает нас не только к апрельскому мятежу в губернском центре, но и общей ситуации хаоса. Обобщая данные, авторы пишут: «В первой половине апреля 1918 г. для Советской власти в Курской губернии сложилась критическая ситуация.

¹ Мещеряков Ю.В. Тамбовская губерния в начальный период... С. 353-354.

² Бирюков А.Ю. На алтарь революции (противостояние власти и населения в Фатежском уезде в 1917-1919 годах) // Новый взгляд на Октябрьскую революцию 1917 г. Материалы научно-практической конф., посвященной 90-летию Октябрьской революции / под ред. В.Л. Богданова. – Курск: МУ «Издательский центр “ЮМЭКС”», 2007. – С. 21-27; Белгород. 1918-1919. Красный террор: документы, материалы, свидетельства очевидцев / авт.-сост. П.Ю. Субботин. – Ижевск: ПРИНТ, 2014. – 168 с.

³ Кривошеин Н.В. Город Лебедянь и его уезд в 1917 – 1921 гг. – М.: Пресс-Бук, 2016. – С. 41; Два архивных документа / автор-составитель: Н.И. Третьяков. – Воронеж, 2014. – 126 с.; Заяц Н.А. История Воронежской боевой рабочей дружины в 1917 – 1918 гг. // Русский сборник. Исследования по истории России / Ред.-сост. О. Р. Айрапетов [и др.]. – Т. XXVIII. – М. : Модест Колеров, 2020. – С. 7-44.

⁴ Революция и гражданская война / С.Н. Емельянов [и др.]. – М.: Изд-во РГСУ «Союз», 2006. С. 57-58.

С одной стороны, росло внутреннее недовольство политикой, проводимой ее органами и отдельными представителями. С другой стороны, резко обострилась внешняя угроза – перешли в наступление войска украинской Центральной Рады, опиравшиеся на поддержку германских частей... Ситуация усугублялась разгулом полуанархических партизанских банд, нашествие которых на ставшую прифронтовой и пограничной Курскую губернию началось весной 1918 г.»¹.

Последняя цитата содержит информацию о комплексе причин обрушения ситуации весной – летом 1918 г. Однако в целом рассуждения исследователей городских и военных выступлений не выходят из логики авторов, пишущих о крестьянском движении: народ оказывался недоволен слишком радикальной властью, которая не могла решить возникавшие проблемы, и при этом еще и зверствовала по отношению к мирному населению, была переполнена всякими «темными личностями».

Несомненно также, что исследователи склонны рассматривать в качестве отдельной причины склонность населения (и, особенно, бывших солдат) к насилию, порожденную Первой мировой войной. Участие в войне давало еще и навыки вооруженной самоорганизации. В результате союзы фронтовиков становились центрами контрреволюции, а унтер-офицеры становились костяком руководителей восставших сел².

* * *

В качестве критических замечаний можно отметить определенный синкретизм исследовательских выводов. Например, тот же А.В. Лесных говорит о сопротивлении власти общиной (концепт «общинной революции»), но при этом отмечает наивысшее сопротивление в районах, где наблюдался экономический подъем и существенная социальная дифференциация (концепт «классовой борьбы»). Среди выводов тамбовских исследователей и у М.Д. Карпачева видим то абстрактного «общинника», то явно неплохо обеспеченных, получавших доход от прибавки земли или удачной торговли крестьян. Чем эти обеспеченные крестьяне отличались от кулака или середняка – не совсем понятно.

¹ Там же. С. 58.

² Колчинский Д.В. Политическая культура... С. 112.

В отдельных случаях исследовательские выводы не вполне подкреплены фактической базой. Так, Д.В. Колчинский, в диссертации которого содержится много новаторских рассуждений, судя по всему, опирался не столько на местный материал, сколько на абстрактные идеи, исходившие из концептов общинной революции, политической культуры и «красной смуты» В.П. Булдакова.

Обобщения О.В. Безая не вполне совпадают с его же рассуждениями, приводимыми ранее. Так, делая акцент в тексте исследования на репрессивный характер советской власти, как на базовую причину гражданской войны, автор в конце параграфа дает следующий вывод: «Обобщая материал, изложенный в первом параграфе первой главы работы, следует выделить несколько причин, которые обусловили возникновение в Тамбовской губернии мощного повстанческого движения, создавшего альтернативные органы государственности. Во-первых, “бандитские” села принимали активное участие в аграрных беспорядках 1905 г. и “черном” переделе 1917 г. Во-вторых, положение прифронтового района и хлебоборобность региона превратили губернию в продовольственную базу власти в годы Гражданской войны. В-третьих, во многом благодаря деятельности А.С. Антонова удалось сформировать значительные запасы оружия, которые были пополнены во время мамонтовского рейда. В-четвертых, уже с 1918 г. на территории губернии возникла значительная масса дезертиров, которые вместе с крестьянскими вождями составили основу вооруженных формирований повстанческого движения. В-пятых, близкий фронт 1918-1919 гг. формировал особый климат, в том числе беспомощности низовых советских органов, всегда находившихся под угрозой ликвидации со стороны, будь то местных “бунтарей” или рейда донских казаков»¹.

5.4. Сравнительные характеристики этапов развития региональной историографии

Оперируя столь значительной совокупностью исследований (даже в рамках одного региона), нельзя обойтись без попыток формализовать полученные данные. В результате была составлена «Сравнительная матрица ключевых причин революций 1917 г. и гражданской войны в региональной

¹ Безай О.В. Повстанческое движение... С. 58.

историографии» (см. прил. табл. 1), в которой выделены 4 этапа развития историографии: 1920-е – 1940-е гг., 1950-е – 1970-е гг., 1980-е – 1990-е гг. и 2000-е – 2020-е гг.

Предложенное разделение несколько отличается от общей (троичной) периодизации эволюции взглядов на причины изучаемых феноменов, примененной в монографии, поскольку следовало наглядно показать, насколько существенно менялись взгляды в советской историографии Центрального Черноземья на проблему каузальности. Анализ показал, что формальный набор причин, побуждавших обе революции и гражданскую войну, изменился (расширился) с 1920-х по конец 1970-х гг. только на 10 %, причем практически все изменения касались причин Февраля.

При всем несовершенстве и доле субъективности избранного метода, анализ данных матрицы причин революции и гражданской войны в регионе на разных этапах развития историографии указывает на следующие тенденции.

Во-первых, если анализировать события 1917 – 1918 гг. исходя из концепта Великой российской революции, т.е. выявлять сквозные причины обеих революций и гражданской войны, то очевидно, что практически на всех этапах историографии исследователи огромное значение придавали тяготам мировой войны и интервенции (92 % совпадений данных матрицы) и провалу государственной политики (83 %). Репрессивность государства также не остается без внимания (58 %), равно как и раскол деревни (67 %). Столько же процент совпадений (67 %) относительно оценки роли деятельности большевиков как существенно повлиявшей на все обозначенные события.

Значение «деревенского» фактора вполне объяснимо, учитывая преобладание крестьянского населения в этнически относительно гомогенном регионе. Одновременно, внешние причины в форме мировой войны, а затем интервенции нивелируются идеей общего нарастания кризиса империи, а также рассмотрением влияния интервенции в общих выражениях. Большевики же, «утеряв» на современном этапе «титул» ведущей политической силы уже на этапе Февральской революции, приобрели, однако, сомнительную славу инициаторов гражданской войны.

Тем не менее, вывод очевиден: региональные исследователи считали и считают ведущими для Великой российской революции политико-социальные причины, причем именно в такой последовательности.

Во-вторых, виден процесс усложнения представлений о причинности каждого из анализируемых событий. В случае с Февральской революцией

численность таких факторов в абсолютных показателях увеличилась с 1920-х до 2020-х гг. на 41 %, Октябрьской – на 37 %, а гражданской войны – на 64 %. Важно подчеркнуть «взрывной» рост (в 2 раза) интерпретаций причин гражданской войны, произошедший за последние два десятилетия, что объясняется, несомненно, тем местом, которое постепенно стала занимать кровавая развязка событий в общественном сознании и научной мысли.

В-третьих, следует обратить внимание на то значение, которое уделяется экономическим и социально-экономическим факторам в качестве причин Февраля. Отсутствие подобного набора причин для Октября нуждается в пояснении. Судя по всему, они не считались и не считаются собственно причинами-поводами свержения режима Временного правительства (в этом разделе и в советское время, и сейчас почти безраздельно господствуют все те же политико-социальные объяснения). Однако исследователи не могут их игнорировать в качестве своеобразного фона событий. Обратим внимание и на то, что современная историография выводит события гражданской войны из все того же набора социально-экономических причин, побудивших Февраль, поскольку нищета, перенаселение, угроза голода никуда за революционный год не делись.

Последний вывод несколько нивелирует наблюдение о ведущем характере политико-социальных причин обозначенное в начале этого обзора, однако нужно подчеркнуть, что матрица дает представление об *историографических оценках событий прошлого*, а не о реальном прошлом. Вероятно, что настоящее значение социально-экономических причин для всех событий 1917 – 1918 гг. в комплексе не вполне осознается современным историческим сообществом.

Вместо заключения: идеи, сравнения, итоги

6.1. Идеи: авторские мысли о перспективах дальнейших исследований

Революция 1917 года началась в 1916-м или еще раньше. Современное понимание сложности феномена революции не позволяет полностью увязывать ее начало и конец с каким-то днем или даже месяцем. Конкретно-исторические исследования, проводимые автором еще в нулевых, вполне это подтверждают¹. То же можно сказать и о гражданской войне.

Причины этих сложных явлений также формируются как до их возникновения, так и в ходе их реализации, оказывая, вероятно, влияние на неповторимость каждого исторического случая.

Судя по всему, революция в деревне, как и национальные революции, начались уже позже политических событий в Петербурге, а также Ставке, и были ими спровоцированы. Историю Октября невозможно рассматривать вне истории Учредительного собрания, разгон которого, по крайней мере, для Черноземья носил ключевой характер, сломив успешно действовавшую до этого политическую оппозицию². Удивительно, но большинство современных историков не видят данного факта, предпочитая сосредотачиваться на «безразличии» населения к разгону конституанты³. Не менее любопытно и то, что «пассивность» и «безразличие» жителей России, революционных политических элит в январе 1918 г. рассматриваются как окончательное событие, в то время как очень скоро (буквально через несколько месяцев)

¹ Разиньков М.Е., Рылов В.Ю., Михалев О.Ю. Воронежская губерния в первой российской революции (1905 – 1907 гг.). – Воронеж, издательство «Истоки», 2006. – С. 248-255; Разиньков М.Е. Революционный конфликт в Воронежской губернии: 1904 – 1909 гг. // Актуальные вопросы социально-гуманитарных наук. – Воронеж: Научная книга, 2007. – Вып. 4. – С. 133-139; Он же. Воронежская губерния в первой российской революции: к вопросу о фазах революционного конфликта // Страницы истории и историографии отечества. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2007. – Вып. 4. – С. 60-78.

² Разиньков М.Е. «Второе двоевластие»: политическая ситуация в Воронежской губернии в конце 1917 – начале 1918 гг. // Воронежский вестник архивиста. – Вып. 15. – Воронеж, 2018. – С. 142-166; Он же. Трудовая народно-социалистическая партия в Воронежской губернии в 1917 – 1918 гг.: политический карлик или центр самоорганизации интеллигенции? // Народники в истории России. – Воронеж: Истоки, 2019. – Вып. 3. – С. 181-200; Разиньков М.Е., Морозова О.М. Социально-политический диалог... С. 607-628.

³ Гражданская война в России: взгляд через 100 лет... С. 199-205.

разгон Учредительного собрания обозначит себя как важнейшая причина-мотив антибольшевистской вооруженной борьбы.

Споры о дате начала гражданской войны так же заслоняют собой основополагающее наблюдение – вооруженные столкновения конца 1917 – начала 1918 гг., затихнув на несколько месяцев, переросли вскоре в настоящую, «фронтную», войну. Значит, были какие-то специфические причины, вызывавшие это, превратившие данный этап развития российского государства из обычной истории про борьбу повстанцев и правительства в кровавую баню с миллионами жертв. Судя по всему, в разных регионах страны действовали сходные, хотя и изолированные друг от друга территориально, механизмы включения в войну: внешнее влияние/внутренняя оппозиция/обрушение советской власти. Эти механизмы сработали на востоке в период восстания чехословаков и падения Уфимской директории. Они же действовали и на западе в виде создания украинской государственности, германской оккупации, восстания казаков и Добровольческой армии. Как уже было сказано в главе 2, революции (по крайней мере, первой половины XX века) очевидно провоцировали вооруженные столкновения внутри страны вплоть до масштабных войн. Однако не только революция, но и участие России в схватке сверхгигантов мировой войны предопределило ход истории в сторону кошмара 1918 – 1922 гг., с боями и массовым вымиранием населения.

В монографии были перечислены многочисленные исторические и политико-социальные подходы к определению причинности революций и гражданских войн. Принципиальность и непримиримость споров по поводу набора причин этих феноменов, равно как и количество подходов, позволяют, к сожалению, заключить, что нам, в общем, так до конца и неизвестно, почему они возникают, в т.ч. почему они возникли в России начала XX века.

Из этого печального вывода можно вывести несколько более оптимистичных мыслей.

Во-первых, круг проблем, стоявших перед российским обществом, представляется очевидным, а само общество – исключительно многообразным. Рискну предположить, что в разных регионах и в стране в целом действовали свои, специфические, комбинации причин, совокупность которых, впрочем, обозначена в табл. 1 и 3. То же можно сказать и о причинах революции и гражданской войны как феномена вообще. Возможно, каждая, даже кажущаяся второстепенной, причина способна сработать взрывообразно в конкретно-

исторической ситуации. Кроме того, такие феномены способны саморазвиваться, т.е. продуцировать себя из себя самих.

Во-вторых, довольно обширный набор конкурирующих представлений о революции и гражданской войне, представленных в главе 1, изобилие теорий, концептуальных подходов, обозначенных в главе 2 и далее, так и «подмывают» каждого отдельного исследователя выбрать себе подходящий концепт или использовать некую случайную совокупность дефиниций и теорий. Характерно, что некоторые современные теоретики это и предлагают, что, в общем-то, не так уж плохо, поскольку позволяет опереться на реальное положение вещей, сложившееся в историографии. Действительно, так ли важно настаивать на том, что гражданская война началась летом 1918 года, если очевидно наличие боев и гражданских столкновений практически с 1916 года? Нужно ли отдавать предпочтение термину Великая российская революция, если необходимо изучить отдельно причины Февральской и Октябрьской революций, и наоборот? Гораздо выгоднее использовать ситуативно-инструментальный подход, который позволил бы исследователю описать изучаемое явление наиболее точно с его точки зрения. Хорошо известно, что исследователь-историк работает в ментальном пространстве, причем сразу в двух его ипостасях – собственном сознании и случайно-субъективных источниках прошлого. Можно ли говорить об объективной реальности вне этого инструментального подхода? Наверяд ли.

Наконец, в-третьих, вопросы, которые задавались прошлому, с течением времени, очевидно, менялись. Советские историки изучали историю революции и гражданской войны с тем, чтобы доказать важную для них мысль о страдающем народе и возможностях улучшения его жизни пусть через кровавый, но героический путь гражданской войны. Они отвечали на него по-своему и, глядя через столетие, их представления о справедливости, международном заговоре против революции, человеческой жадности, возведенной в государственную систему капитализма, не кажутся такими уж наивными, а теории – оторванными от политических реалий. Современные исследователи стремятся изучить причины революции и гражданской войны, преимущественно, для того, чтобы вскрыть их в рамках научного, объективистского, безоценочного подхода. Однако и они сосредотачиваются на исследовании каузальности с пониманием того, что история России пошла по катастрофичному сценарию. Для них изучение революции и гражданской войны – это в первую очередь исследование причин коллапса государства и

общества. Вероятно, назрела необходимость задавать прошлому другие вопросы? Исследуя причины революции и гражданской войны, мы впадаем в тот самый «грех» телеологии. Поняв причины, мы, скорее всего, учимся делать революции, манипулировать обществом, провоцируя, тем самым, гражданские войны или усиливая идеологемы консервативно-авторитарных режимов, но никак не решаем проблему с «катастрофическим сценарием». Индивидуальное и общественное подсознание не очень склонно подчиняться запретам. Оно стремится преодолевать устоявшиеся табу, даже если это чревато саморазрушением.

В качестве элементов позитивной программы перспективных исследований нужно обозначить следующее:

- необходимость изучать самоорганизацию общества, сотрудничество различных социально-политических сил, направленное на преодоление конфликтов. Исследовав этот вопрос, поняв, где наши предшественники не действовали достаточно умело в направлении преодоления движения общества к взаимоистреблению, а где, напротив, добились успеха, мы, вероятнее всего, гораздо лучше поймем ход истории и, быть может, извлечем уроки для будущего;

- поскольку гражданская война представляется не самым желательным выходом из сложившейся тупиковой общественной ситуации, возникает необходимость изучать состояние не войны, а мира (безвоенного состояния, включая историю успешных и безуспешных мирных переговоров), каким его представляли и представляют обычные люди, политики и прочие социально-политические акторы. Вполне возможно, данное утверждение не вполне подходит к изучению событий прошлого и покажется более актуальным для нашей несчастной современности. Однако разве можно рассуждать о феноменах настоящего без знания о прошлом своей страны? Пожалуй, на этом стоит и стоять будет историческая наука.

Нужно подчеркнуть, что последнее предложение – совсем не маргинальное с точки зрения трендов развития науки вообще. Эта тенденция вполне обозначена в социально-политических науках. Так, крупный отечественный социолог войны И.В. Образцов говорит о необходимости развития «социологии войны и мира» (выделено мной. – М.Р.), указывая на то, что война, как особое состояние общества, «характеризуется динамикой как минимум четырех стадий (этапов): 1) переходом от мира к войне (предвоенным периодом); 2) войной; 3) переходом от войны к миру (“пост-войной”);

4) миром»¹. Крупнейший центр изучения международных военных конфликтов и зон напряженности в Осло носит характерное название Институт исследований проблем мира (Peace Research Institute). В этом смысле показательно, что лаборатория А.В. Коротаева буквально только что сменила свое название с Научно-учебной лаборатории мониторинга рисков *социально-политической дестабилизации* на Центр изучения *стабильности* и рисков.

6.2. Сравнения: к вопросу об интенсивности и содержании обмена идеями внутри исследовательского сообщества

Исследователей, занимавшихся проблематикой причинности революции и гражданской войны в Центральном Черноземье, было довольно много. В нижеприведенной таблице учтена информация о 87 авторах, работавших над темой в разные десятилетия (представление о персональном составе можно получить, изучив сноски настоящей монографии). При этом проблемой стали активно заниматься уже в 1920-е гг., однако постперестроечные десятилетия с их возможностями для публикации дали наибольшее количество работ по указанной тематике.

Таблица 5

Численность исследователей причин революции и гражданской войны в Центральном Черноземье (исходя из времени публикаций)

Десятилетие	Кол-во исследователей	Из них докторов наук	Из них кандидатов наук и ученых без степени
1920-е	14	-	14
1930-е	11	1	10
1940-е	1		1
1950-е	7		7
1960-е	12	1	11
1970-е	9	1	8
1980-е	4		4
1990-е	11	4	7
2000-е	18	8	10
2010-е	22	5	17
2020-е	5	2	3

¹ Образцов И.В. Война как объект социологического анализа // Социс. 2020. № 10. С. 111.

Таблицу не стоит рассматривать как перечень авторов, занимавшихся революцией и гражданской войной в Черноземье вообще. Их число будет несколько больше. Одновременно, очевидно, что ряд исследователей изучали тему в течение нескольких десятилетий.

В таблице ожидаемо количество докторов наук меньше количества кандидатов наук и лиц без степени. Интересно отметить, что советское время почти не дало докторов исторических наук, занимающихся указанной проблематикой в Центральном Черноземье. Определенный реванш был взят в 1990-е – 2000-е гг., когда были защищены сразу 6 докторских диссертаций по изучаемому периоду.

При этом нельзя сказать, что в советский период яркие и крупные исследователи «академического» уровня не занимались указанной проблематикой. На рубеже 1920-х – 1930-х гг. большой импульс теме Черноземья придала деятельность А.В. Шестакова. В 1960-е гг. была защищена вызвавшая большие дискуссии докторская диссертация В.Ф. Морозова по северу Черноземья. 1970-е гг. дали диссертацию Л.Г. Протасова о солдатах в революции 1917 г. Нельзя не упомянуть и деятельность П.Н. Соболева, опубликовавшего в 1950-е гг. работу по Воронежской губернии, и в дальнейшем ставшим руководителем Сектора Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в АН СССР. Его работа была связана с изучением крестьянства и продолжалась, как минимум, до 1970-х гг. Деятельность данных ученых обеспечивала ту самую связь «центральной» и «местной» историографии, поскольку, во-первых, поставляла нужный фактический материал для обобщений в масштабах всей страны или более крупных регионов, а, во-вторых, ставила в т.ч. и «неудобные» вопросы, на которые надо было отвечать или же, впрочем, замалчивать. Судя по всему, в 1980-е – 1990-е гг. такую связующую роль играли фигуры В.П. Данилова и Э.М. Щагина.

Однако собранная информация показывает и другой немаловажный факт. С середины 2000-х гг. по настоящее время была защищена только одна докторская диссертация. Средний возраст профессоров, занятых в этой области, приближается к 70-ти. В реальности же ведущие исследователи – В.В. Канищев, М.Д. Карпачев, С.А. Нефедов, – в работах которых наиболее подробно рассматривается наша проблематика – старше 70 лет. Во многом это напоминает ситуацию с ведущими учеными, пишущими обобщающие работы о революции и гражданской войне по всей России, где средний возраст примерно

такой же, если не выше. Большинство же прочих исследований остаются на уровне кандидатских диссертаций и ими же заканчиваются, поскольку авторы, защитившись, «уходят с темы».

Почву для размышлений дает и уровень цитируемости, как конкретных исследователей, так и их исследований, касающихся нашей темы.

Работа с цитированием для разных этапов развития историографии представляет собой определенную проблему. Советские исследования монографического плана далеко не всегда отсылают нас к какой-то научно-исследовательской литературе. Например, в монографиях А.В. Шестакова (1930-е гг.), П.Н. Соболева (1950-е гг.), А.Я. Переверзева (1970-е гг.) «культура цитирования» исследований, написанных на предыдущих этапах, представляется невысокой. В то же время, монография о солдатских гарнизонах Л.Г. Протасова (1970-е гг.) дает значительное количество ссылок на конкретно-исторические исследования не только в кратком историографическом обзоре, но и в дальнейшем. По ссылкам видно, что автор внимательно изучал работы, вышедшие как в Москве, так и в регионах. Объяснить подобные особенности довольно сложно. То ли авторы «экономили место» (региональные монографии в советский период были довольно «тощие»), то ли не имели доступ к части историографии, то ли умышленно обходили полемические моменты, в т.ч. чтобы не навлечь идеологических «оргвыводов», как это было в 1930-е гг.

Уровень полемичности большинства работ невелик. Как ни парадоксально, полемикой отличались работы 1930-х гг., а также некоторые диссертации более позднего периода, обличавшие неверные, правда, с идеологической точки зрения, исследования предыдущих этапов развития историографии. Более спокойную, научную, дискуссию можно увидеть в работах позднесоветского периода, в т.ч. в историографическом введении упомянутой монографии Л.Г. Протасова.

Изучение использования работ коллег современными авторами несколько облегчено наличием электронных баз, прежде всего, электронной библиотеки eLibrary. Если использовать базу eLibrary в совокупности с изучением конкретных исследований, то можно сделать довольно точные выводы об интеллектуальном обмене внутри исторического сообщества, как по горизонтали (т.е. между региональными историками), так и по вертикали (т.е. между «центральной» и «местной» историографией). Также данные электронной базы дают некоторое представление об авторитетности мнения того или иного исследователя в действующем историографическом поле.

Обращаясь к данным eLibrary, можно сделать следующие наблюдения о современных региональных исследователях – докторам наук: если В.В. Канищев и М.Д. Карпачев имеют индекс Хирша 16 и 18 соответственно, то Г.А. Салтык – 6, а В.П. Николашин – 8. Автор докторской диссертации по политическим партиям Черноземья Н.Л. Авилова (индекс Хирша – 9), судя по данным eLibrary, после защиты докторской не опубликовала ни одной работы по этой тематике.

«Сложно» обстоит дело и с цитируемостью работ авторов, посвященных проблематике причин революции и гражданской войны. Изучение ссылок на эти работы показывает обычно довольно низкую цитируемость интересующих нас исследований. На кандидатскую диссертацию Н.Л. Авиловой 1990-х гг. о меньшевиках сослались 1 раз, на докторскую – 6. Ссылок на докторскую диссертацию Г.А. Салтык по неонародникам – 7. Исключение представляют некоторые работы В.В. Канищева (докторская диссертация – 24, статья о естественно-исторических предпосылках Тамбовского восстания – 17) и М.Д. Карпачева (статья 1995 г. о столыпинской реформе – 27, статья в «Российской истории» 2011 г. о кризисе продовольственного снабжения – 23, статья 2015 г. «О социальных истоках русских революций» – 18). Прочие исследования пишущих докторов наук, работающих в регионе на настоящий момент, за редким исключением, цитируются по 0-5 раз.

Работа со ссылками на данные работы также не дает повода для большого оптимизма. Выборочные исследования показывают, что даже высокоцитируемые работы местных исследователей обсуждаются их коллегами лишь на уровне черноземного региона, либо известны очень узким специалистам. Иначе говоря, если исходить из сведений eLibrary, региональная история революции и гражданской войны замкнута сама на себе.

Это не вполне так, поскольку электронная система цитирования несовершенна. На степень цитируемости может оказывать влияние и то, что авторы по каким-то причинам не размещают в eLibrary свои работы. Так, Г.А. Салтык не разместила здесь данные сразу о двух опубликованных монографиях, посвященных неонародникам. Не видно в списках публикаций и «Русского бунта» В.В. Канищева.

Если обратиться к конкретным исследованиям, то увидим несколько более оптимистичную картину. Так, «Красная смута» В.П. Булдакова (2-е издание) показывает внимательное отношение ее автора к исследованиям по Центральному Черноземью. В.П. Булдаков называет В.В. Канищева

«виднейшим специалистом по городскому бунтарству» и, не забывая дискутировать с ним¹, цитирует не менее десяти работ. Хорошо известны В.П. Булдакову и работы Л.Г. Протасова, причем не только об Учредительном собрании, но и о солдатах гарнизонов Центральной России; и исследования С.А. Есикова. «Блестящим специалистом» он называет В.Л. Дьячкова, цитируя несколько его работ. Ссылки на работы В.В. Канищева можно увидеть в «Благосостоянии населения» Б.Н. Миронова. Впрочем, в последнем случае, интерес к выводам исследователя можно проследить в основном «снизу вверх» (от региональных исследователей к работам Б.Н. Миронова). Так, по поводу результатов исследований Б.Н. Миронова в печати не раз выступали В.В. Канищев и М.Д. Карпачев. При этом очевидно, что М.Д. Карпачев разделяет идею Б.Н. Миронова о политическом происхождении Февраля, рассматривая обрушение царизма как продукт оппозиционной деятельности местных общественных сил. Концепты же тамбовских исследователей отсылают нас к теоретическим построениям С.А. Нефедова. Концептуальные подходы В.П. Булдакова и Б.И. Колоницкого нашли отражение в диссертации Д.В. Колчинского, к сожалению, не получившей развития в дальнейших публикациях. Иначе говоря, очное или заочное общение, в т.ч. в форме полемики, между «центральной» и «местной» историографией все же идет.

Однако, насколько оно продуктивно? Это может показать сравнительный анализ выводов авторов: тех, чьи работы посвящены, в основном, региональным проблемам, и тех, чьи исследования претендуют на общенациональные обобщения.

* * *

Сопоставление данных о причинной совокупности в современной региональной и «центральной» историографии также дает определенную пищу для размышлений. Для этой цели была составлена таблица, сходная с той, что анализировалась в параграфе 5.4, но сопоставляющая представления о причинах изучаемых феноменов в современной региональной и «центральной» историографии (см. прил. табл. 2).

В результате были получены следующие сведения.

¹ Булдаков В.П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. – М.: РОССПЭН, 2010. – 2-е изд. – С. 616-618.

Во-первых, ведущими причинами Великой революции (сквозными причинами революций и гражданской войны) авторы обеих исследуемых совокупностей называют провал правительственной политики, тяготы мировой войны и интервенции (100 % совпадений), но также – угрозу голода, кризис управления, борьбу крестьян и традиционных слоев города против модернизации, маргинализацию и одичание населения и власти, криминализацию, деятельность большевиков и утопические идеологии (совпадение в 83 % случаев). Эти выводы представляют ту консенсусную картину причин, которая сложилась в историографии на данный момент статистически.

Во-вторых, «центральная» историография оперирует, как правило, большим количеством причин. Последнее объяснимо, поскольку история всей страны даст большее количество причин, нежели история региона. Например, стоявший не столь остро в Черноземье национальный вопрос учитывается в минимальном количестве современных региональных публикаций и, по нынешним представлениям, не играл большой роли. Некоторые причины, такие как мировая война и интервенция, представлены в «центральной» историографии более многообразными характеристиками, нежели в региональной. Следует обратить внимание и на такой немаловажный аспект, как выделение «центральной» историографией роли событий и конкретных личностей в причинностной совокупности. Таковыми могут быть, например, корниловский и чехословацкий мятежи, фигура Николая II и т.д. Местная историография, судя по всему, менее склонна уделять этим аспектам особое значение. Не находят развития в региональной историографии и сюжеты, связанные с расколом политической культуры (исключение – единственная диссертация), и усиление правой контрреволюции, и нарастание рабочего движения, а также ювенализация населения и проблема перепроизводства элиты. В свою очередь, не всегда социально-экономическая проблематика региона находит должное место в попытках сделать общероссийские обобщения.

6.3. Итоги: выводы на основе проведенного исследования

Исследование причин революции 1917 года и гражданской войны в России наталкивается на дискуссионность и неточность дефиниций, которыми

оперируют исследователи. Февраль и Октябрь, не объединяясь окончательно, пытаются на данный момент соединить в единый концепт Великой российской (русской) революции. В этот же концепт постепенно пытаются включить и гражданскую войну. Показательно, что терминологическая проблема соотношения революций и гражданской войны не появилась только что, а существовала в советской историографии и, таким образом, унаследована современными историками. В последнем случае изменились морально-нравственные оценки, мотивирующие исследователей, и определение центрального события. Подобное смешение понятий в единый конструкт негативно влияет на выявление причинно-следственных связей каждого конкретного события: Февраля, Октября, гражданской войны. Такой же эффект имеют периодически возникающие споры вокруг терминологии каузальности (причинности), поскольку каждое предложенное решение представляется субъективным конструктом, в рамках которого должны оперировать его сторонники.

Преимственность от советской историографии наблюдается и в исследованиях, напрямую касающихся проблемы каузальности. При этом, на примере анализа «Истории Великого Октября» И.И. Минца, видно, что советский конструкт причинности не представлял собой концепта примитивного социально-экономического детерминизма. Напротив, видна солидная конструкция причинно-следственных связей, сочетающая как внутренние, так и внешние причины, и вполне сопоставимая по уровню сложности с политологическими теориями революции второй половины XX – начала XXI вв.

Современная картина причинности революции 1917 года сложилась в историографии, претендующей на общероссийские обобщения, в 1980-х – 1990-х гг. и с тех пор только корректируется. При этом ведущее значение придается уже причинам, так или иначе, связанным с политикой. Новацией по сравнению с советским периодом, является и внимание к социокультурным, социально-психологическим факторам. Попытки выделить консенсус в очень различных взглядах авторов приводят к причинной связке модернизация/война/начало революции, а также ряду вторичных консенсусных концептов каузальности. В то же время, как показывает формализованный сравнительный анализ, можно проследить акцент на политико-социальные причины событий Великой российской революции в региональной

историографии всех периодов развития; равно как и зону консенсуса современной региональной и «центральной» историографии.

Анализ историографии революции 1917 г., претендующей на общероссийские обобщения, показывает высокий уровень теоретизации знания. В этом отношении историография революции выглядит гораздо выигрышнее в сравнении с историографией гражданской войны, которая использует теоретические модели гораздо меньше. Тем не менее, взаимоотношения политологических концепций революции и конкретно-исторических исследований довольно сложны и конфликтны. Современные авторы явно пользуются выводами политологов, социологов – исследователей феномена революции, но попытки совместить историю и политологию в профессиональном историческом сообществе воспринимаются, скорее, негативно.

В свою очередь, качественный анализ показывает, что историография гражданской войны на данный момент уделяет гораздо большее внимание внутренним причинам этого феномена, нежели внешним. Последнее существенным образом отличает ее от советского концепта империалистической интервенции, как основной причины большой гражданской войны. При этом политическая составляющая причинности представляется еще более очевидной, чем в исследованиях о причинах революции.

Объединяя революцию 1917 г. и гражданскую войну в единый феномен Великой российской революции, современные исследователи предлагают, по сути, складывать причины революции и гражданской войны. Такая позиция не лишена оснований. Однако сравнительный анализ политологических и исторических исследований феномена гражданской войны показывает гораздо более существенный разрыв в выводах между политологами и историками, нежели при изучении феномена революции. В частности, политологи – исследователи гражданской войны – огромное внимание уделяют экономическим причинам, а также интервенции.

* * *

Обобщения общероссийского уровня не вполне коррелируют с местными, региональными исследованиями, что видно на примере работ по Центральному Черноземью. Советская историография региона уделяла социально-экономическим факторам, пожалуй, даже большее внимание, нежели

«центральная». Регион рассматривался в основном как аграрный, крестьянский и депрессивный. Политический фактор изучался, преимущественно, в форме исследований о ведущей роли большевиков. При этом концепты причин революции и гражданской войны были сформулированы к 1950-м гг. и после этого практически не менялись. Еще одним отличием было почти полное отсутствие (помимо общих фраз) изучения влияния внешних факторов. Особенно это видно на примере причин гражданской войны в регионе, которые представлялись как результат классовой борьбы среди крестьян. Германский фактор и образование украинской государственности если и не замалчивались совершенно, то употреблялись в понятийном поле причинности крайне редко и обобщенно.

Несмотря на то, что ряд исследовательских новаций 1960-х – 1970-х гг. затронули историографию Черноземья незначительно (хотя ее нельзя назвать и абсолютно консервативной), как и в случае с «центральной» историографией, в 1980-е – 1990-е гг. картина причинности революции 1917 г. была существенно пересмотрена благодаря двум локальным научным революциям (Есикова-Канищева, Салтык-Авиловой). Концепт классовой борьбы в качестве ведущей причины не только революции, но и гражданской войны был заменен на концепт борьбы традиционалистской общины сначала с помещиками и столыпинскими крестьянами, а затем с репрессивным советским государством. Была также изучена и подвергнута обоснованной критике идеология и политическая практика всего спектра политических партий в регионе. При этом изменилась оценка роли большевиков, как в плане масштабов влияния, так и в плане «вины» за гражданскую войну.

Поле исследований существенно расширилось в пользу изучения различных социальных слоев, помимо традиционных рабочих-солдат-крестьян. Несколько расширился и перечень причин. Как и в случае с «центральной» историографией, региональные исследователи стали уделять большее внимание социально-психологическим факторам, маргинализации общества в результате войны и реформирования. Однако наблюдалась и определенная наследуемость тенденций в области изучения каузальности от советской историографии. Прежде всего, внешние причины гражданской войны практически не изучались. Все проблемы региона считались порожденными сугубо внутренними тенденциями, но, впрочем, и обостренными мировой войной.

Характерно, что политические факторы революции и гражданской войны, чье влияние оказывается так очевидно в «центральной» историографии на

данный момент, местной историографией изучаются не столь значительно, хотя концепт об управленческом кризисе прочно вошел в комплекс причин, как Февраля, так и Октября. Формализованный анализ показывает, однако, что это связано, скорее всего, с тем, что проблемы влияния политических причин на события в регионе считаются историками решенными. При этом споры об уровне депрессивности Черноземья, как важнейшей причине революции, не прекращаются. Очевидно, что с точки зрения промышленного развития он был среди отстающих, однако, до сих пор непонятна степень влияния столыпинского реформирования на поведение местного населения и последующий социально-политический взрыв.

Попытки как-то модернизировать картину причинности революции и гражданской войны в региональной историографии на современном этапе следовало бы признать не вполне удачными, если бы не важные выводы, к которым подводят некоторые исследования, о том, что общество (и во многом Черноземье было эталоном этого процесса) столкнулось с тяжелейшими социоестественными проблемами, выхода из которого при уровне развития тогдашней политической культуры просто не было. Попытки решить эти проблемы политически (в форме политической революции и радикальных реформ), а также социально (в форме социальной революции или неуправляемого бунта) привели к распаду прежнего образа жизни, голодовкам и были преодолены в регионе лишь во второй половине XX века. Концепт управленческого кризиса, в т.ч. в продовольственной сфере, также представляется существенной новацией.

Теоретическая многоголосица, характерная для «центральной» историографии, еще более присуща историографии региональной. При этом, судя по всему, концепция общинной революции, хотя и разделяется историками, претендующими на общероссийские обобщения, но считается ими «теорией второго порядка», в то время как для исследователей Черноземья она имеет важнейшее значение, что постоянно подчеркивается. Впрочем, это не исключает наблюдения о том, что Февраль (да и Октябрь) начинались в регионе не в деревне, а в городах. Концепты Б.Н. Миронова, В.П. Булдакова, С.А. Нефедова, Б.И. Колоницкого воспринимаются как авторские позиции. Не найдено ни одной крупной местной работы современных региональных исследователей, где автор полностью бы разделял теоретические построения данных ученых, либо (и тем более) более ранние, советские, конструкты, касающиеся причинности. Еще менее авторы региональных исследований

склонны обращаться к политическим теориям революции и, тем более, гражданской войны, хотя в отдельных случаях стремятся озвучить свои выводы на страницах неисторических журналов¹. При этом попытки количественного анализа социальных и социально-политических феноменов «тамбовской школы» схожи с исследовательским инструментарием социологов и политологов, а также клиометристов.

В любом случае, итоги работ региональных историков представляют собой значительную, но, все же, механическую совокупность знаний. Возможно, данная работа станет шагом на пути к более глубокому осмыслению событий первой четверти XX века.

¹ Иванов Д.П., Канищев В.В. Естественно-исторические предпосылки Тамбовского восстания 1920 – 1921 гг. // История и современность. – 2010. – № 2. – С. 112-125; Канищев В.В., Баранова Е.В., Жиров Н.А. Лесные ресурсы в истории аграрного общества России (локальный и микроисторический уровни) // История и современность. – 2014. – № 2. – С. 92-111; Канищев В.В., Цинцадзе Н.С. Контент-анализ подходов советской власти к природно-экологическим проблемам 1917 – 1921 гг. // Социс. – 2016. – № 9. – С. 144-147.

Библиографический список

1. Аксенов, В. Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914 – 1918) / В. Б. Аксенов. – М.: Новое литературное обозрение, 2020. – 992 с.
2. Андреев, В. Октябрьская революция и гражданская война в Тамбовской губернии / В. Андреев, С. Кулаев. – Тамбов, 1927. – 48 с.
3. Балашов, И. Д. Аграрное движение в ЦЧО в 1917 году. Вып. 1 / И. Д. Балашов. – Воронеж: Издательство «Коммуна», 1930. – 91 с.
4. Богомолов, И. К. Великая российская революция в современной зарубежной историографии / И. К. Богомолов // Российская история. – 2021. – № 5. – С. 114-131.
5. Борисов, Д. А. Колесниковщина. Антикоммунистическое восстание воронежского крестьянства в 1920-1921 гг. / Д. А. Борисов. – М: Посев, 2012. – 164 с.
6. Борьба за Воронеж. Статьи и очерки к 20-летию освобождения Воронежа от белых банд / под ред. комиссии обкома ВКП(б). – Воронеж: Воронежское областное книгоиздательство, 1939. – 220 с.
7. Борьба за Октябрь в Брянской губернии. – Брянск: Издание Брянского Губернского Бюро Истпарта ВКП(б) и Губернской Октябрьской комиссии, 1927. – 66 с.
8. Булдаков, В. П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия / В. П. Булдаков. – М.: РОССПЭН, 2010. – 2-е изд. – 965 с.
9. Великий Октябрь на Брянщине: Хроника важнейших событий (март 1917 – июнь 1918 гг.) / сост. И. Е. Яненко. – Тула: Приокское книжное издательство, 1987. – 72 с.
10. Верховых, В. Пять лет борьбы. Деревенская беднота и рабочие в борьбе с буржуазией. Роль Борисоглебской организации РКП(б) в этой борьбе / В. Верховых. – Борисоглебск, 1922. – 139 с.
11. Воронков, И. Г. Воронежские большевики в борьбе за победу Октябрьской социалистической революции / И. Г. Воронков. – Воронеж: Воронежское областное книгоиздательство, 1952. – 196 с.
12. Глебов, Л. Д. Борьба большевиков за установление и упрочение советской власти в Курской губернии (март 1917 г. – декабрь 1918 г.) / Л. Д. Глебов. – Курск: Областное книгоиздательство, 1952. – 175 с.

13. Голдин, В. И. Гражданская война в России: проблемы современной историографии / В. И. Голдин // Российская история. – 2022. - № 3. – С. 109-121.
14. Голдин, В. И. Гражданская война сквозь призму лет: историографические процессы / В. И. Голдин. – Мурманск: МГГУ, 2012. – 333 с.
15. Голдин, В. И. Россия в гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х – 90-е годы) / В. И. Голдин. – Архангельск: издательство «БОРГЕС», 2000. – 277 с.
16. Голдстоун, Д. А. Революции. Очень краткое введение / Д. А. Голдстоун. – М.: Изд-во института Гайдара, 2017. – 193 с.
17. Голубева, А. Аграрное движение в ЦЧО в 1917 году. Вып. 2. Материалы по бывшей Воронежской губернии / А. Голубева. – Воронеж: Коммуна, 1930. – 61 с.
18. Гражданская война в России: взгляд через 100 лет. Проблемы истории и историографии / отв. ред. В.В. Калашников. – СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2018. – 407 с.
19. Гринин, Л. Е. Революции XX века: общие причины и классификация Л. Е. Гринин, А. Л. Гринин // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Ежегодник. – Волгоград: Учитель, 2021. – С. 36-69.
20. Дзюба, М. В борьбе за власть Советов / М. Дзюба, Г. Михалев. – Орел: Орловское книжное издательство, 1959. – 68 с.
21. Дьячков, В. Л. Белые, красные, зеленые: истоки и сравнительная социография активистов гражданской войны в России. Тамбовская губерния в революции 1917 года и Гражданской войне: особенное в общем / В. Л. Дьячков // Тамбовское восстание 1920 – 1921 гг.: исследования, документы, воспоминания / под ред. А. В. Посадского. – М.: АИРО-XXI, 2018. – С. 103-123.
22. Емельянов, С. Н. Курский край в Гражданской войне 1917–1921 гг.: очерк военно–политической истории / С. Н. Емельянов, А. В. Зорин, А. Г. Шпилев. — Курск: Полстар, 2013. – 528 с.
23. Есиков, С. А. Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в начале XX века (1900–1921 гг.) / С. А. Есиков. – Тамбов: ТГТУ, 1998. – 108 с.
24. Иванов, Д. П. Естественно-исторические предпосылки Тамбовского восстания 1920 – 1921 гг.: учебное пособие / Д. П. Иванов, В. В. Канищев. – Тамбов: ООО «Центр-пресс», 2011. – 55 с.

25. История политических партий Центрального Черноземья / отв. ред. Г.А. Чурилова. – Курск: Курский государственный технический университет, 1995. – 211 с.
26. Калашников В. В. Причины Русской революции: советская историография 1917–1991 гг. – СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2020. – 275 с.
27. Канищев, В. В. Русский бунт бессмысленный и беспощадный: погромное движение в городах России в 1917 – 1918 гг. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 1995. – 162 с.
28. Канищев, В. В. Экологическая история тамбовского села в начале XX века: учебное пособие / В. В. Канищев, Н. С. Цинцадзе. – Тамбов: ООО «Центр-пресс», 2010. – 45 с.
29. Карпачев, М. Д. Архивные документы о продовольственном положении Воронежской губернии в годы первой мировой войны / М. Д. Карпачев // Воронежский вестник архивиста: научно-информационный ежегодник. – Воронеж: Фортуна, 2018. – Вып. 16. – С. 33-64.
30. Карпачев, М. Д. О налогах и налоговой дисциплине крестьян Воронежской губернии в конце XIX – начале XX вв. / М. Д. Карпачев // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: История. Политология. Социология. – 2020. – № 3. – С. 47-55.
31. Карпачев, М. Д. О социальных истоках русских революций начала XX века / М. Д. Карпачев // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: История. Политология. Социология. – 2015. – № 3. – С. 21-28.
32. Карпачев, М. Д. Столыпинская реформа в Воронежской губернии: Итоги и уроки аграрного реформирования / М. Д. Карпачев // Общественная жизнь в Центральной России в XVI – начале XX в. – Воронеж: изд-во Воронежского университета, 1995. – С. 157-177.
33. Кизрин, И. Г. Курская парторганизация в эпоху Октября и гражданской войны / И. Г. Кизрин. – Воронеж: Коммуна, 1933. – 161 с.
34. Колоницкий, Б. И. От мировой войны к гражданским войнам (1917? – 1922?) / Б. И. Колоницкий // Российская история. – 2019. - № 1. – С. 3-24.
35. Колоницкий, Б. И. Политическая культура России и гражданская война / Б. И. Колоницкий // Эпоха Революции и Гражданской войны в России. Проблемы истории и историографии / отв. ред. проф. В. В. Калашников. – СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ». – С. 61-72.

36. Колоницкий, Б. И. «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март – июнь 1917 года) / Б. И. Колоницкий. – М.: Новое литературное обозрение, 2017. – 511 с.
37. Комаров, А. А. Орловский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 г. / А. А. Комаров, К. А. Сокут. – Воронеж: Книгоиздательство «Коммуна», 1932. – 159 с.
38. Комаров, А. И. Борьба большевиков Тамбовщины за крестьянские массы в период мирного развития революции \ А. И. Комаров. – Без места издания, 1960. – 42 с.
39. Комаров, А. И. Работа большевиков среди крестьян Тамбовской губернии в период подготовки октябрьского вооруженного восстания 1917 г. / А. И. Комаров. – Без места издания, 1959. – 40 с.
40. Комбеды Воронежской и Курской областей. Материал по истории комитетов бедноты / сост. С. Л. Ронин; под ред. А. В. Шестакова и Я. А. Ратгаузера. – Воронеж: Воронежское областное книгоиздательство, 1935. – 372 с.
41. Кондрашин, В. В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма / В. В. Кондрашин. – М.: РОССПЭН, 2009. – 575 с.
42. Крестьянство и казачество России в условиях революции 1917 г. и Гражданской войны: национально-региональный аспект / под ред. В. В. Кондрашина, В.А. Юрчёнкова. – М.; Саранск, 2017. – 1048 с.
43. Кривошеин, Н. В. Город Лебедянь и его уезд в 1917 – 1921 гг. / Н. В. Кривошеин. – М.: Пресс-Бук, 2016. – 470 с.
44. Круглый стол «События 1917–1922 гг. в России: гражданская война или гражданские войны?» // Гуманитарные науки в Сибири. – 2022. – Т. 29. - № 4. – С. 5-17.
45. «Круглый стол». Февральская революция 1917 г. в российской истории // Отечественная история. – 2007. – № 5. – С. 3-30.
46. Курск в революции: сборник материалов по истории Октябрьской революции в Курском крае. – Курск: Истпарт Курского губкома ВКП(б), 1927. – 128 с.
47. Курцев, А. Н. Городские миграции сельских помещиков Центрального Черноземья за 1861–1917 гг.: от раздворянивания земель до распомещивания дворян / А. Н. Курцев // Ученые записки. Электронный

научный журнал Курского государственного университета. – 2016. – № 3 (39). – С. 8–31.

48. Мещеряков, Ю. В. Тамбовская губерния в начальный период советской власти. Октябрь 1917 – август 1918 гг. / Ю. В. Мещеряков. – Тамбов: Тамбовская типография «Пролетарский светоч», 2012. – 424 с.

49. Минц, И. И. История Великого Октября: в 3 т. / И. И. Минц. – Москва: Наука, 1967-1973. – 3 т.

50. Миронов, Б. Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVII – начало XX века / Б. Н. Миронов. – М. : Весь мир, 2012. – 848 с.

51. Морев, П. Г. Крестьянское движение в Воронежской губернии накануне Октябрьской революции (март – октябрь 1917 г.) / П. Г. Морев. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1961. – 103 с.

52. Нефёдов, С. А. Уровень жизни населения и аграрное развитие России в 1900-1940 годах / С. А. Нефёдов. – Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2017. – 432 с.

53. Николашин, В. П. Поземельные конфликты в начальный период советской власти: от противостояния общин к борьбе крестьян с коллективными хозяйствами и комбедами / В. П. Николашин // История: факты и символы. – 2019. – № 3 (20). – С. 116-125.

54. Новый взгляд на Октябрьскую революцию 1917 г. Материалы научно-практической конференции, посвященной 90-летию Октябрьской революции / под ред. В.Л. Богданова. – Курск: МУ «Издательский центр «ЮМЭКС»», 2007. – 72 с.

55. О причинах Русской революции / отв. ред. Л.Е. Гринин. – М.: Издательство ЛКИ, 2014. – 432 с.

56. Октябрьская революция и гражданская война в Воронежской губернии / под общ. ред. И. П. Тарадина. – Воронеж: Воронежская коммуна, 1927. – 95 с.

57. Очерки истории Воронежской организации КПСС / отв. ред. А. В. Лосев. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1967. – 549 с.

58. Очерки истории Курской организации КПСС / отв. ред. П. И. Кабанов. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1980. – 415 с.

59. Переверзев, А. Я. Социалистическая революция в деревне Черноземного центра России (октябрь 1917 – 1918) / А. Я. Переверзев. – Воронеж: Из-во Воронежского университета, 1976. – 190 с.
60. Под знаменем Великого Октября / под ред. Ф.В. Маркова [и др.]. – Орел, 1947. – 256 с.
61. Поливанов, А. С. Революционные события в Воронеже в 1917 году (материал для студентов) / А. С. Поливанов. – Воронеж, 1967. – 112 с.
62. Поликарпов, В. Д. Пролог гражданской войны в России. Октябрь 1917 – февраль 1918 / В. Д. Поликарпов. – М.: Наука, 1976. – 415 с.
63. Посадский, А. В. Зеленое движение в Гражданской войне в России: крестьянский фронт между красными и белыми, 1918-1922 гг. / А. В. Посадский. – М.: Центрполиграф, 2018. – 318 с.
64. Протасов, Л. Г. Солдаты гарнизонов Центральной России в борьбе за власть Советов / Л. Г. Протасов. – Воронеж: изд-во Воронежского университета, 1978. – 191 с.
65. Разиньков, М. Е. Война интерпретаций: концепция «гражданской войны» в российском политическом сознании 1917 – 1922 гг. / М. Е. Разиньков // Вопросы истории. – 2017. - № 10. – С. 3-15.
66. Разиньков, М. Е. Донской фронт: советская власть и казачество в 1918 г. – первой половине 1919 г. (по материалам Воронежской губернии) / М. Е. Разиньков // Казачество в конце XIX – начале XXI в.: рассказывание и социокультурные трансформации: материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 27–28 июня 2019 г.) / гл. ред. акад. Г. Г. Матишов. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2019. – С. 50-56.
67. Разиньков, М. Е. Воронежская губерния в первой российской революции: к вопросу о фазах революционного конфликта / М. Е. Разиньков // Страницы истории и историографии отечества. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2007. – Вып. 4. – С. 60-78.
68. Разиньков, М. Е. «Второе двоевластие»: политическая ситуация в Воронежской губернии в конце 1917 – начале 1918 гг. / М. Е. Разиньков // Воронежский вестник архивиста. – Вып. 15. – Воронеж, 2018. – С. 142-166.
69. Разиньков, М. Е. Об изучении гражданской войны в современной англоязычной политологии / М. Е. Разиньков // Альманах Ассоциации исследователей гражданской войны в России / под ред. В.И. Голдина. – Вып. 3. – Архангельск: Изд-во САФУ, 2017. – 49-54.

70. Разиньков, М. Е. Революционный конфликт в Воронежской губернии: 1904 – 1909 гг. / М. Е. Разиньков // Актуальные вопросы социально-гуманитарных наук. – Вып. 4.– Воронеж: Научная книга, 2007. – С. 133-139.
71. Разиньков, М. Е. Трудовая народно-социалистическая партия в Воронежской губернии в 1917 – 1918 гг.: политический карлик или центр самоорганизации интеллигенции? / М. Е. Разиньков // Народники в истории России / отв. ред. Г. Н. Мокшин. – Воронеж: Истоки, 2019. – Вып. 3. – С. 181-200.
72. Разиньков М.Е. Социально-политический диалог в России (1917 – 1918 гг.): тенденции, механизм, региональные особенности / М. Е. Разиньков, О. М. Морозова. – М.: Квадрига, 2021. – 712 с.
73. Разиньков, М. Е. Воронежская губерния в первой российской революции (1905 – 1907 гг.) / М. Е. Разиньков, В. Ю. Рылов, О. Ю. Михалев. – Воронеж, издательство «Истоки», 2006. – 312 с.
74. Революция в 1917 году: институциональный ресурс, социальные риски и цивилизационный коллапс / под ред. М. О. Орлова. – Саратов: ИЦ «Наука», 2017. – 857 с.
75. Российская империя между реформами и революциями, 1906–1916. Коллективная монография / под ред. А. И. Миллера, К. А. Соловьева. – М. : Квадрига, 2021. – 792 с.
76. Российские революции: 90 лет спустя. «Круглый стол» в Институте российской истории РАН // Отечественная история. – 2008. – № 6. – С. 167-211.
77. Рылов, В. Ю. Консерватизм в российской провинции: правое движение в губерниях Центрально-земледельческого района. 1903 – 1917 / В. Ю. Рылов. – Воронеж: издательский дом ВГУ, 2016. – 619 с.
78. Салтык, Г. А. Неонародничество России: региональный аспект (1917 – 1918 гг.) / Г. А. Салтык. – Курск: Из-во КГСХА, 2001. – 220 с.
79. Соболев, П. Н. Подготовка социалистической революции и установление Советской власти в Воронежской губернии / П. Н. Соболев. – Воронеж: Воронежское книжное издательство, 1955. – 151 с.
80. Соколов, Я. Д. Рабочие Брянщины в годы гражданской войны / Я. Д. Соколов. – Брянск, 1970. – 59 с.
81. Февральская революция 1917 года: проблемы истории и историографии: сб. докл. международной науч. конф. /отв. ред. проф. В.В. Калашников; под ред. Д.Н. Меньшикова. – СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2017. – 380 с.

82. Фефелов, С. В. Большевики и российская деревня весной-осенью 1919 года (на материалах губерний Центрального Черноземья) / С. В. Фефелов . – М.: Издательство МГОПУ, 1998. – 86 с.

83. Шестаков, А. В. Классовая борьба в деревне ЦЧО в эпоху военного коммунизма / А. В. Шестаков. – Воронеж: Издательство «Коммуна», 1930. – 131 с.

84. Шуляковский, Е. В.И. Ленин и трудящиеся Черноземного центра / Е. Шуляковский. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издание, 1977. – 278 с.

85. Яненко, И. Е. Борьба большевиков за победу и упрочение советской власти на Брянщине (март 1917 – июль 1918 гг.) / И. Е. Яненко. – Тула: Приокское книжное издательство, 1977. – 207 с.

Таблица 1

**Сравнительная матрица ключевых причин революций 1917 г. и
гражданской войны в региональной историографии**

Причины	Февральская революция				Октябрьская революция				Гражданская война				% совпадений
	1	2	3	4	1	2	3	4	1	2	3	4	
Малоземелье и недостаток скота	+	+	+	+							+	+	50
Экологический кризис				+				+				+	25
Перенаселение			+	+								+	25
Пережитки крепостничества	+	+	+	+									33
Налоговое бремя	+	+	+	+									33
Угроза голода		+		+			+	+				+	42
Провал правительственной политики	+	+	+	+	+	+	+	+			+	+	83
Десакрализация монархии				+									8
Управленческий кризис, управленческая некомпетентность				+				+				+	25
Слабость социально-политических сил порядка								+					8
Репрессивность правительственной политики	+	+	+		+	+					+	+	58
Тяготы мировой войны, интервенция	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+		+	92
Эгоизм буржуазии и помещиков	+	+		+	+	+						+	50
Раскол деревни	+	+		+	+	+			+	+		+	67
Борьба крестьян с помещиками	+	+			+	+	+	+					50

Борьба крестьян и традиционных слоев города против модернизации			+	+			+	+			+	+	50
Маргинализация, одичание населения и власти, криминализация			+	+				+			+	+	42
Нарастание рабочего движения	+	+			+	+							33
Бесправие рабочих и солдат		+	+										17
Радикализация городского, сельского населения и солдат								+					8
Политическое бесправие части социальной элиты			+										8
Целенаправленная оппозиционная деятельность местных либеральных элит				+									8
Слабое развитие образования и здравоохранения		+		+									17
Деятельность большевиков	+	+			+	+	+	+			+	+	67
Банкротство, предательство эсеров и меньшевиков					+	+		+	+	+			42
Провоцирование эсерами и меньшевиками радикализма населения, в т.ч. от лица местной власти								+					8

Провал социалистического единства							+	+					17
Утопические идеологии			+	+			+	+					33
Усиление «правой» контрреволюции					+	+			+	+			33
Зверства									+	+	+	+	33
Реакция на события в Петрограде								+					8
Всего факторов	11	14	12	17	10	10	8	16	5	5	7	14	

Условные обозначения: 1 – 1920-е – 1940-е; 2 – 1950-е – 1970-е; 3 – 1980-е – 1990-е; 4 – 2000-е – 2020-е гг.

Таблица 2

Сравнительная матрица ключевых причин революций 1917 г. и гражданской войны в современной региональной и «центральной» историографии

Причины	Февраль		Октябрь		Гражданская война		% совпадений
	1	2	1	2	1	2	
Малоземелье и недостаток скота	+				+		33
Экологический кризис	+	+	+		+		67
Перенаселение	+	+			+		50
Пережитки крепостничества	+					+	33
Налоговое бремя	+						17
Угроза голода	+	+	+	+	+		83
Низкий уровень жизни крестьян		+					17
Экономический кризис				+			17
Провал правительственной политики	+	+	+	+	+	+	100

Десакрализация монархии	+	+					33
Кризис монархического, феодального государства						+	17
Управленческий кризис, управленческая некомпетентность	+	+	+		+	+	83
Слабость социально-политических сил порядка		+	+	+			50
Отсутствие гражданского общества		+					17
Репрессивность правительственной политики					+	+	33
Тяготы мировой войны, интервенция	+	+	+	+	+	+	100
Эгоизм буржуазии и помещиков	+				+		33
Раскол деревни	+				+	+	50
Борьба крестьян с помещиками			+				17
Борьба сил модерна и традиции в элитах						+	17
Борьба крестьян и традиционных слоев города против модернизации	+	+	+		+	+	83
Маргинализация, одичание населения и власти, криминализация	+	+	+		+	+	83
Наращение рабочего движения						+	17
Наращение крестьянского движения				+		+	33
Высокая концентрация рабочих при их		+					17

оппозиционности самодержавию							
Бесправие рабочих и солдат							0
Радикализация городского, сельского населения и солдат			+	+		+	50
Политическое бесправие части социальной элиты		+					17
Целенаправленная оппозиционная деятельность местных либеральных элит	+	+					33
Перепроизводство элиты		+					17
Ювенализация населения		+					17
Раскол политической культуры		+		+		+	50
Раскол интересов городской и сельской революций						+	17
Слабое развитие образования и здравоохранения	+						17
Деятельность большевиков		+	+	+	+	+	83
Банкротство, предательство эсеров и меньшевиков			+	+			33
Провоцирование эсерами и меньшевиками радикализма населения, в т.ч. от лица местной власти		+	+	+		+	67
Провал социалистического единства			+	+		+	50
Утопические идеологии	+	+	+	+		+	83

Усиление «правой» контрреволюции				+		+	33
Зверства					+	+	33
Реакция на события в Петрограде (Октябрьская революция)			+			+	33
Национальный вопрос		+				+	33
Личностный фактор		+		+			33
Февральская революция						+	17
Разгон Учредительного собрания						+	17
Корниловский мятеж						+	17
Чехословацкое восстание						+	17
Всего факторов	17	22	16	15	14	27	

Условные обозначения: 1 – региональная историография,
2 – «центральная» историография

Научное издание

Разиньков Михаил Егорович

Историография причин революции 1917 г. и гражданской войны в России

Монография

Редактор А.С. Люлина

Подписано в печать .2023. Формат 60×90 /16.

Усл. печ. л. . Уч.-изд. л. . Тираж 500 экз. Заказ

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный лесотехнический университет
имени Г.Ф. Морозова»

РИО УМУ ФГБОУ ВО «ВГЛТУ». 394087, г. Воронеж, ул. Тимирязева, 8

УОП ФГБОУ ВО «ВГЛТУ». 394087, г. Воронеж, ул. Докучаева, 10